

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1 9 7 3



ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1973

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. А. Покивайлова, Р. С. Шароватова.</i> О некоторых чертах социалистических преобразований в европейских социалистических странах (на опыте Чехословакии, Венгрии и Румынии)	3
<i>М. А. Мунтян.</i> К вопросу о приеме Болгарии в Организацию Объединенных Наций	18
<i>Антони Чубиньский (ПНР).</i> Лейпцигский процесс и общественное мнение Польши	27
<i>И. И. Лециловская.</i> Людевит Гай	37
<i>Т. С. Карская.</i> Н. С. Лесков и Божена Немцова (К вопросу о творческих контактах писателя)	44
<i>Л. С. Прокофьева.</i> Юзеф Коженевский в переписке с издателем (1840—1860)	52
<i>Т. Б. Менская.</i> Об одном типе морфологического заимствования: болгарские суффиксы -ос-, -'ас-, -ис- и -(дис/тис)-	56

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>В. Г. Пуцко.</i> Памятник древнесербской живописи в Московском Кремле	68
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Ф. Фирсов.</i> Р. А. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Ленин и польское рабочее движение	73
---	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>С. И. Сидельников.</i> Исследование по истории болгарского национально-освободительного движения в XIX в.	75
<i>Кычо Георгиев</i> (НРБ). Веселин Трайков. Раковски и балканските народи	78
<i>В. Пальок, И. Поп.</i> Книга о Ю. И. Венелине	81
<i>З. Черниловский.</i> J. Bardach. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w.	82
<i>О. Р. Лапатухина.</i> Книги о Реймонте	85
<i>М. Я. Гольберг.</i> Новые материалы о Вуке Караджиче	88
<i>Л. С. Кишкин.</i> Новое издание «Шпаличка» М. Алеша	90
<i>А. В. Липатов.</i> Роман Молодой Польши в аспекте исторической поэтики	97
<i>Ян Орловский</i> (ПНР). Польская антология древней русской литературы.	99
<i>А. А. Алексеев, Н. А. Меццерский.</i> Новое исследование кирилло-мефодиевской проблемы	100

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1972 г. (продолжение)	104
Содержание иностранных журналов	108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Э. Григорян.</i> Международный летний семинар по македонскому языку, литературе и культуре в Скопье и Охриде	110
<i>И. Мидлер.</i> <u>Мариан Жиховский</u>	111

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **Б. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. Б. ШМЕРАЛЬ**

Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а. Телефон 290-27-40



Т. А. ПОКИВАЙЛОВА, Р. С. ШАРОВАТОВА

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ (НА ОПЫТЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ, ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ)

После второй мировой войны на путь социалистического строительства вступил ряд стран Европы и Азии.

Опыт социалистического строительства, накопленный в этих странах, дополняет наши представления о формах, методах и темпах преобразований социально-экономических отношений и представляет богатый материал для изучения как закономерностей социалистического строительства, так и особенностей, вытекающих из конкретных исторических условий развития каждой страны, специфических условий создания нового общества. «Все нации придут к социализму, — писал В. И. Ленин, — это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»¹.

Вопрос о закономерностях и особенностях развития социализма привлекает пристальное внимание советских исследователей². Для рассмотрения этой проблемы необходимо изучение конкретного опыта каждой из социалистических стран, исследование того, что дает социалистическая практика каждого из народов, а также сравнительно-исторический анализ форм и методов осуществления социалистического строительства. Эта проблема на примере группы социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Чехословакии, Венгрии и Румынии) и будет рассматриваться в данной статье. Выбор этих стран не случаен. Эти страны, вступившие после второй мировой войны на путь социалистического строительства, имели существенные различия в уровне социально-экономического и политического развития, в классовой структуре населения и т. д. Перед второй мировой войной Румыния была отсталой аграрной страной, Венгрия аграрно-индустриальной страной среднего уровня развития, а Чехословакия — промышленно-развитой капиталистической страной. Именно поэтому значительный интерес представляет сравнительно-исторический анализ осуществления социалистических преобразований в этих странах.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 123.

² Х. Момджян. Единая сущность и многообразие форм становления социализма. «Коммунист», 1972, № 6; А. П. Бутенко. Закономерности и формы развития к социализму. «Вопросы философии», 1967, № 2; «Ленинизм и мировой революционный процесс». М., 1970; Ю. С. Ширяев. Закономерности развития мировой системы социализма. М., 1969.

Однако несмотря на существенные различия в экономическом положении, этим странам были присущи основные черты капиталистической формации: господство частнокапиталистической собственности на основные средства производства и эксплуатация человека человеком, наличие буржуазии и пролетариата, ведущих ожесточенную классовую борьбу, нищета и бесправие основных масс трудящихся. Общность основных черт капиталистической формации и обуславливает ряд общих закономерностей перехода от капитализма к социализму. В то же время своеобразие экономической структуры общества, соотношение классовых сил, социально-политические и национальные условия развития той или иной страны определяют особенности этого перехода³.

Социалистические преобразования социально-экономических отношений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы стали осуществляться после разрешения важнейших задач демократического характера в ходе народно-демократических революций, развернувшихся в этих странах на завершающем этапе второй мировой войны. Разгром гитлеровской Германии Советской Армией и освобождение Чехословакии, Венгрии и Румынии от фашизма явились важнейшим международным условием победы народно-демократических революций в этих странах.

Коммунистические партии Чехословакии, Венгрии и Румынии, объединив вокруг себя трудящиеся массы, выдвинули лозунги борьбы за демократические преобразования. Они ясно видели, что чем глубже будут эти преобразования, тем скорее будут созданы условия для перерастания общедемократических революций в социалистические.

В ходе народно-демократических революций была завершена борьба против фашизма и осуществлены важнейшие демократические преобразования: проведены аграрные реформы и уничтожены пережитки феодализма, проделана огромная работа по восстановлению народного хозяйства. Необходимо отметить, что экономические мероприятия в период народно-демократических революций проводились коммунистическими партиями в очень сложной обстановке, когда класс капиталистов экономически не был еще сломлен, когда командные высоты в экономике находились еще в руках буржуазии.

Тем не менее, коммунистические партии, борясь с разрухой, за экономическое восстановление своих стран, уже в период народно-демократической революции, когда еще не было условий для ликвидации капитализма, взяли курс на его ограничение. Основным мероприятием в этом направлении являлась частичная национализация ряда отраслей промышленности и банков. В качестве подготовительной меры на крупных предприятиях и в Венгрии, и в Румынии, и в Чехословакии был установлен рабочий контроль, еще до установления диктатуры пролетариата проведена конфискация собственности активных нацистов, военных преступников, компрадорской буржуазии и враждебных иностранных государств и иностранных монополий. В Чехословакии, в отличие от Румынии и Венгрии, национализация была проведена в основном уже на первом этапе.

Выполнение этих задач изменило соотношение сил в пользу рабочего класса и его союзников, привело к закреплению руководящей роли рабочего класса в государстве и открыло путь для установления диктатуры пролетариата в форме народной демократии.

Основоположники марксизма-ленинизма указывали, что завоевание власти рабочим классом является лишь началом социалистической революции, а не ее концом. Перед пролетариатом встает задача социалисти-

³ См. А. П. Бутенко. Там же.

ческого преобразования народного хозяйства и построения нового социалистического общества.

К. Маркс писал в работе «Критика готской программы»: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»⁴. В. И. Ленин подчеркивал международное значение переходного периода от капитализма к социализму, как периода обязательного для всех стран, строящих социализм.

В. И. Ленин разработал основы революционного преобразования общества, дал конкретный план построения социализма, включающий как необходимые составные части индустриализацию и кооперирование крестьянского хозяйства.

Осуществляя программу социалистического строительства, рабочие и коммунистические партии стран, вступивших на путь социализма, руководствовались теорией марксизма-ленинизма и учитывали всемирно-исторический опыт Коммунистической партии Советского Союза.

Политика такого же типа, что и новая экономическая политика в Советском Союзе, проводилась и в рассматриваемых странах с учетом их конкретно-исторических условий.

Экономика переходного периода имеет двойственный характер, не являясь в целом ни социалистической, ни капиталистической. Наряду с социалистическим укладом, основанным на общественной собственности на средства производства, в переходный период существуют и другие, оставшиеся от прежних формаций экономические уклады, основанные на частной собственности на средства производства.

Характерной чертой экономики переходного периода Венгрии, Румынии и Чехословакии являлось существование различных общественно-экономических укладов: социалистического, мелкотоварного и капиталистического.

Экономическая политика коммунистических партий в этот период была направлена на ликвидацию многоукладной экономики и переход к единой социалистической системе народного хозяйства.

К социалистическому строительству трудящиеся Венгрии, Румынии и Чехословакии приступили в благоприятной международной обстановке. Они строили социализм не в одиночку, им не угрожала международная изоляция. Военная мощь Советского Союза была для них надежным гарантом мирного строительства нового общества. Народы этих стран опирались на богатый опыт социалистических преобразований в СССР, на тесное экономическое и политическое сотрудничество с СССР и другими странами, вступившими на путь социалистического строительства, всемерную помощь советского народа.

Одним из первых мероприятий после установления диктатуры пролетариата было завершение национализации основных средств производства. Национализация охватила ведущие отрасли народного хозяйства, в особенности промышленность. В результате национализации в руках государства была сосредоточена основная часть промышленности страны и, таким образом, была ликвидирована крупная частная капиталистическая собственность на средства производства, командные позиции в экономике перешли к пролетарскому государству, а обобщественные средства производства навсегда перестали служить делу эксплуатации и пора-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

бождения трудящихся. Укрепились социалистическая собственность и социалистические производственные отношения.

Так, в Румынии после национализации основных средств производства на долю государственного социалистического сектора приходилось 51,4% валового промышленного производства, т. е. он стал господствующим в промышленности и ведущим во всем народном хозяйстве⁵. В 1948 г. социалистический сектор в Венгрии стал охватывать 81,7% крупной и средней индустрии⁶.

В Чехословакии в руках государства в 1948 г. сосредотачивалось 85% всех промышленных предприятий страны, на которых работало 95% всех рабочих и служащих⁷.

Помимо национализации основных средств производства народно-демократическими государствами был проведен ряд мер, направленных на создание необходимых условий для перехода к государственному управлению производством и к дальнейшему развитию всего народного хозяйства: финансирование предприятий, перестройка промышленности, снабжение фабрик и заводов сырьем и др.

Самой неотложной задачей на национализированных предприятиях было создание новой, социалистической формы управления. Бывших предпринимателей и администраторов сменили, в основном, директора из рабочих и инженеров, пользующиеся доверием трудящихся. Так, в Венгрии к весне 1949 г. 67% директоров заводов составляли выходцы из рабочих⁸. Однако многие из них не имели профессионального и общего образования, а также опыта работы по руководству крупным промышленным производством⁹, и это создавало определенные трудности в работе промышленных предприятий. Поэтому одной из первоочередных задач являлась подготовка высококвалифицированных специалистов.

Народно-демократические государства перешли к внедрению социалистических методов хозяйствования.

Национализация основных средств производства в Венгрии, Румынии, Чехословакии и превращение их в общенародную собственность была первым крупным мероприятием в области социалистических преобразований социально-экономических отношений. В результате проведения национализации в рассматриваемых странах были созданы условия для планомерного социалистического развития экономики.

Опыт, накопленный в строительстве социализма в разных странах, подтверждает правоту указаний В. И. Ленина о том своеобразии, которое внесет каждая нация в тот или иной темп социалистических преобразований. Создание общественной собственности в рассматриваемых странах по сравнению с аналогичным процессом в СССР имеет свои особенности. В Венгрии, Румынии и Чехословакии национализация была проведена в более длительные сроки. В СССР была осуществлена национализация всей земли, тогда как в рассматриваемых странах, в силу особых исторических условий, такая мера была невозможна. Это объяснялось тем, что крестьянство этих стран получило землю в частную собственность в результате проведения аграрных реформ в ходе народно-демократических революций. В этих странах сильными были традиции частной собственности,

⁵ «Anuarul statistic al RPR. 1957». București, 1957, p. 78.

⁶ Л. Н. Нежинский, А. И. Пущкаш. Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. М., 1961, стр. 440, 442.

⁷ «Мировая социалистическая система хозяйства», т. 1. М., 1966, стр. 120.

⁸ Л. Н. Нежинский. Очерк истории Народной Венгрии. М., 1969, стр. 69.

⁹ Там же.

поэтому коммунистические партии не выдвигали лозунга национализации земли¹⁰.

Национализация основных средств производства укрепила экономические позиции народно-демократического строя, явилась главной и решающей предпосылкой для перехода к строительству основ социализма в этих странах — созданию материально-технической базы социалистического общества, соответствующей социалистическому способу производства.

Пути и формы создания материально-технической базы социализма могут быть различными в зависимости от исходных позиций стран, вступивших на путь социализма. В условиях переходного периода от капитализма к социализму в аграрных и аграрно-индустриальных странах (в данном случае имеются в виду Румыния, Венгрия) главным путем создания материально-технической базы является социалистическая индустриализация¹¹.

Социалистическая индустриализация в Венгрии и Румынии в основном решала те же задачи, которые решались в Советском Союзе: преодоление технико-экономической отсталости, создание новых мощных производительных сил как базиса, соответствующего новому прогрессивному строю, обеспечение прочных материальных предпосылок для неуклонного роста производства и благосостояния народа.

В Чехословакии, имевшей еще в период капитализма довольно развитую промышленность, происходила скорее социалистическая реорганизация промышленного производства в направлении создания передовой материально-технической базы социализма, перестройка отраслевой структуры хозяйства в соответствии с новыми внутренними условиями и задачами укрепления экономического сотрудничества с социалистическими странами¹².

Одна из особенностей строительства материально-технической базы социализма в Чехословакии заключалась в том, что этот процесс в Чешских землях и Словакии происходил при разном развитии производительных сил, полученных в наследство от старого строя. Словакия значительно отставала по уровню развития промышленности от чешских областей. Поэтому политика Коммунистической партии Чехословакии была направлена на равномерное и пропорциональное развитие народного хозяйства страны, на быструю индустриализацию Словакии, на выравнивание уровня ее развития по сравнению с чешскими областями.

Объективная необходимость социалистической индустриализации определяется, в первую очередь тем, что индустриализация приводит к преодолению противоречия между самым передовым государственным строем — государством диктатуры пролетариата — и отсталой материально-экономической базой, унаследованной от капитализма, к преодолению противоречия между передовыми производственными отношениями в промышленности и сравнительно отсталыми производительными силами.

Социалистическая индустриализация дает возможность оснащения всего народного хозяйства самой передовой техникой. Подводя под всю экономику новую материально-техническую базу, социалистическая ин-

¹⁰ См. А. И. П у ш к а ш. Борьба за аграрные преобразования в Венгрии. М., 1959; А. И. Н е д о р е з о в. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954; М. Г. С а з и н а. Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя (1944—1947 гг.). М., 1963.

¹¹ «Мировая социалистическая система хозяйства», стр. 144.

¹² А. П. Б у т е н к о. Там же.

дустриализация ведет к расширению и укреплению социалистического уклада, к росту и укреплению социалистической собственности.

Благодаря социалистической индустриализации государство диктатуры пролетариата создает материальные предпосылки для преобразования мелкотоварного производства в крупное социалистическое производство и, таким образом, создает все условия для завершения борьбы между социалистическим и капиталистическим укладами полной победой социализма.

Социалистическая индустриализация ведет к укреплению не только экономической, но и политической основы диктатуры пролетариата. В результате роста социалистической промышленности, особенно тяжелой индустрии, количественно растет рабочий класс, растет его удельный вес в обществе, его политическое сознание. Это приводит к усилению его руководящей роли в государстве, а значит, и к укреплению политической основы диктатуры пролетариата.

Создание тяжелой индустрии, особенно машиностроения, означает достижение экономической независимости от капиталистического мира и укрепление оборонной мощи стран, строящих социализм.

Социалистическая индустриализация в рассматриваемых странах осуществлялась в благоприятных условиях:

во-первых, страны, вступившие на путь социализма, использовали опыт и экономическую помощь СССР и других стран складывавшейся мировой системы социализма;

во-вторых, получали большую экономическую выгоду от международного социалистического разделения труда;

в-третьих, каждая страна получила возможность развивать те отрасли производства, для роста которых у нее имелись наиболее благоприятные экономические и природные условия.

Социалистическая индустриализация в Румынии и Венгрии предусматривала развитие тяжелой индустрии. Так, в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Венгрии (1950—1954 гг.) отмечалось, что важнейшей задачей этого плана является развитие промышленности, и в первую очередь тяжелой. Ставилась задача развития прежде всего машиностроения. Подобные же задачи выдвигались и Румынской рабочей партией.

Однако имелись и различия. В Румынии главное внимание уделялось созданию новых отраслей промышленности, в Венгрии, где имелись относительно развитые отрасли промышленности, — созданию более разнообразной структуры тяжелой промышленности.

Румынская рабочая партия уделяла особое внимание развитию таких отраслей промышленности, как нефтяная, энергетическая, металлургическая, машиностроительная, химическая. В них было сконцентрировано около 67%, т. е. $\frac{2}{3}$ всех капиталовложений в промышленность.

В Чехословакии одним из определяющих факторов преимущественного развития тяжелой индустрии, и особенно машиностроения, явилась переориентация ее на потребности стран социалистического лагеря, перед которыми стояла задача индустриализации. В объяснительной записке к закону о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Чехословакии (1949—1953 гг.) отмечалось, что «... только намеченные развитие и реконструкция промышленности сделают возможным экспорт таких товаров, на которые имеется постоянный спрос в других странах и особенно в странах, ведущих плановое хозяйство, и, таким образом, обеспечат необходимый по объему импорт»¹³.

¹³ «Первый пятилетний план развития народного хозяйства Чехословакии». М., 1950, стр. 42.

В 1949—1958 гг. половина всех капиталовложений в народное хозяйство (около 100 млрд крон) направлялась в промышленность¹⁴. Внутри промышленности основные средства вкладывались в развитие тяжелой индустрии, в машиностроение и энергетику, а с 1951 г. были расширены капиталовложения в горную, металлургическую, химическую, цементную отрасли промышленности. В первые же годы в стране были введены в строй 21 машиностроительный завод и 12 электростанций¹⁵. Удельный вес группы «А» в промышленности увеличился с 51,3% в 1948 г. до 58,1% в 1953 г.¹⁶.

Легкая промышленность, которая занимала ведущее место в чехословацкой промышленности до войны, продолжала развиваться и в годы первых пятилеток. Однако ее удельный вес в валовом производстве продукции сократился. Необходимость направлять в первые годы основные средства в тяжелую индустрию привела к некоторому отставанию легкой и пищевой отраслей. В 1953—1955 гг. были приняты меры для роста легкой промышленности — в 1953—1955 гг. был увеличен импорт хлопка на 16%, шерсти — на 45, кожи — на 38%¹⁷.

В Словакии в годы первой пятилетки в результате индустриализации произошло существенное изменение структуры народного хозяйства. Здесь было построено 125 новых заводов, расширено и реконструировано 109 заводов¹⁸. Доля промышленности в валовом производстве возросла с 36% в 1937 г. до 67 в 1953 г., а доля сельского хозяйства снизилась соответственно с 64 до 33%¹⁹. Изменилась и структура самой промышленности. Доля производства средств производства возросла до 58%²⁰.

Проводимая капиталистическими странами под нажимом США дискриминация стран народной демократии, бойкот товаров социалистических стран на мировом капиталистическом рынке, холодная война и, наконец, американская агрессия в Корее требовали особого внимания коммунистических партий к развитию тяжелой промышленности, к ускорению темпов индустриализации.

В феврале 1950 г. пленум ЦК КПЧ принял решение о повышении заданий на 1950 г. почти для всех отраслей тяжелой промышленности, а 10 апреля 1951 г. правительство установило более высокие задания первой пятилетки.

В феврале 1951 г. II съезд ВПТ также значительно повысил задания пятилетнего плана.

Для создания и развития мощной индустрии необходимы были огромные фонды, поэтому вопрос социалистического накопления имел решающее значение в ходе осуществления социалистической индустриализации. Его источниками были национализированные промышленность, транспорт и кредит, а также торговля и сельское хозяйство. Сельскому хозяйству отводилась подчиненная роль²¹. Имел место известный перелив средств в промышленность из сельского хозяйства²².

Наряду с внутренними резервами социалистические страны имели новый фактор социалистического накопления — материально-техническую по-

¹⁴ «Социалистическая индустриализация стран народной демократии». М., 1960, стр. 101.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Dvacet let rozvoje Československé socialistické republiky». Praha, 1965, s. 63.

¹⁷ «Социалистическая индустриализация стран народной демократии», стр. 109.

¹⁸ Там же, стр. 120.

¹⁹ Там же, стр. 123.

²⁰ Там же, стр. 119.

²¹ В. В. М а р ь и н а, Г. П. М у р а ш к о. Путь чехословацкого крестьянства к социализму. М., 1972, стр. 312.

²² «Мировая социалистическая система хозяйства», стр. 207.

мощь Советского Союза и сотрудничество со странами мировой социалистической системы.

Помощь в форме долгосрочных кредитов, поставки машин и оборудования, сырья — все это увеличивало фонды, существующие на основе главных, внутренних источников накопления и содействовало ускорению темпа строительства социалистической экономики.

Форсированное развитие некоторых отраслей тяжелой промышленности, намечавшееся иногда без достаточного учета возможностей стран, привело к целому ряду диспропорций, прежде всего между развитием тяжелой и легкой индустрии, между промышленностью и сельским хозяйством. Все это отрицательно сказалось и на жизненном уровне трудящихся²³.

После 1953 г. в большинстве стран была намечена некоторая перегруппировка капиталовложений на 1954—1955 гг. в целях ликвидации возникших в народном хозяйстве диспропорций, ускорения развития легкой промышленности и сельского хозяйства.

Осуществление индустриализации привело к значительным прогрессивным сдвигам в структуре народного хозяйства в рассматриваемых странах.

Была ликвидирована односторонность и диспропорциональность экономики в Румынии. Ведущее место в общественном производстве страны заняла промышленность. В 1965 г. на долю промышленности и строительства приходилось 56,9% национального дохода против 35,2% в 1938 г.²⁴

Изменилась структура промышленности. С каждым годом увеличивался удельный вес отраслей, производящих средства производства. Тяжелая индустрия составляла основу промышленности. Определяющую роль стали играть заново созданные отрасли, такие как энергетика, химия, машиностроение.

Быстрыми темпами была ликвидирована промышленная отсталость старой Венгрии. Народная Венгрия стала индустриально-аграрной страной: в 1954 г. доля национального дохода, поступающая от промышленности, составляла около 64% по сравнению с 35,7% в 1938 г.²⁵

В 1964 г. объем промышленного производства в Чехословакии вырос в 4,8 раза по сравнению с 1937 г., причем в Словакии — в 13 раз. Доля Словакии в промышленной продукции ЧССР возросла с 7% в 1937 г. до 20% в 1964 г.²⁶ В ЧССР была создана развитая материально-техническая база социалистического общества. За этот период возросло производство основных видов промышленной продукции на душу населения.

В ходе индустриализации были созданы многочисленные кадры рабочих и инженерно-технических работников. Для обучения рабочей молодежи были организованы фабрично-заводские школы и училища, широкая сеть технических курсов. Подготовка высококвалифицированных специалистов осуществлялась в вузах. Так, в Венгрии число инженеров увеличилось за годы народной власти по сравнению с довоенным временем почти в 4 раза²⁷.

Индустриализация в рассматриваемых странах сопровождалась глубокими изменениями всей социально-экономической структуры общества. Быстрое развитие крупной социалистической промышленности способствовало укреплению и росту социалистических форм хозяйства, которые стали господствовать в экономике этих стран. В 1963 г. в социалистиче-

²³ См. «История Румынии. 1918—1970», М., 1971, стр. 528; В. В. М а р ь и н а, Г. П. М у р а ш к о. Там же, стр. 171; Л. Н. Н е ж и н с к и й. Там же, стр. 171.

²⁴ «Anuarul statistic al Republicii Socialiste România 1967». București, 1967, p. 108.

²⁵ Л. Н. Н е ж и н с к и й. Там же, стр. 96, 186.

²⁶ «Hospodářské noviny», Praha, 7 května 1965.

²⁷ «Социалистическая индустриализация стран народной демократии», стр. 162.

ском секторе Венгрии, Румынии и Чехословакии создавалось около 96% национального дохода²⁸. При этом наблюдался быстрый рост численности и концентрации рабочего класса, изменение классовой структуры общества, создавались условия для повышения материального благосостояния трудящихся.

Коммунистические партии Венгрии, Румынии, Чехословакии являлись руководящей силой в осуществлении глубочайших социально-экономических преобразований в направлении создания нового социалистического строя.

Одной из сложнейших задач социалистического строительства являлось социалистическое преобразование сельского хозяйства.

Коммунистические партии этих стран, проводя социалистические преобразования сельского хозяйства, опирались на ленинский кооперативный план и опыт Советского Союза, первого социалистического государства, осуществившего коллективизацию крестьянства.

По аграрным реформам в Венгрии, Румынии и Чехословакии конфискованная помещичья земля в основном была передана в собственность крестьян, а на остальной площади были созданы государственные хозяйства. Собственность же крестьян, мелких товаропроизводителей может быть кооперирована только на добровольной основе.

В разработанном Лениным кооперативном плане определен основной путь социалистической перестройки мелкотоварного крестьянского хозяйства в крупное кооперативное на основе добровольного объединения крестьянства под руководством рабочего класса при постоянной материальной и финансовой поддержке со стороны социалистического государства.

Огромное значение ленинского кооперативного плана состоит в том, что в основу его положено сочетание общих интересов социалистического строительства и хозяйственных интересов самого крестьянства. В. И. Ленин показал, что вовлечение крестьянства в социалистическое строительство через кооперацию дает возможность перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянства.

В отличие от коллективизации в СССР кооперирование крестьянских хозяйств в Венгрии, Чехословакии и Румынии проводилось без национализации земли.

Опорными пунктами народно-демократических государств в период социалистической перестройки деревни являлись государственные хозяйства, а также МТС, в которых была сосредоточена основная сельскохозяйственная техника. МТС обслуживали производственные кооперативы и трудящихся крестьян. В Чехословакии в 1951 г. государственные хозяйства занимали площадь 602 000 га, что составляло 8% сельскохозяйственной площади страны²⁹. Госхозы в Венгрии занимали в 1950 г. около 3,9% сельскохозяйственной площади³⁰. В 1950 г. в Румынии было 363 госхоза, которые занимали 9,2% пахотной площади³¹.

В 1949 г. в Венгрии было 110 МТС с 1305 тракторами³². В Румынии в 1948 г. было создано 76 МТС; в 1950 г. их число возросло до 138. Они располагали 5833 тракторами, 6177 тракторными плугами, 988 механическими

²⁸ «Мировая социалистическая система хозяйства», стр. 465.

²⁹ «Statistická ročenka CSR». Praha, 1957, s. 112.

³⁰ «Мировая социалистическая система хозяйства», стр. 182.

³¹ «Breviarul statistic al RPR. 1962». București, 1962, p. 111—112.

³² А. И. П у ш к а ш. Социалистические преобразования в сельском хозяйстве Венгрии (1948—1960). «Вопросы истории», 1962, № 1.

сеялками, 17 зерноуборочными комбайнами³³. Как видно из вышеприведенных данных, техническое оснащение сельского хозяйства в первые годы социалистического преобразования в Румынии и Венгрии было еще слабым, государство не было в состоянии удовлетворить полностью спрос производственных кооперативов в технике. Государственные хозяйства играли значительную роль в формировании государственных фондов сельскохозяйственных продуктов и в росте товарности сельского хозяйства. Например, в Чехословакии в 1961 г. доля государственных имений в общей валовой продукции сельского хозяйства составляла 18,3%, в товарной продукции — 22,9%. Государственные имения достигли самого высокого уровня товарности — 65,6% против 60 в производственных кооперативах и 36,5% в единоличных хозяйствах³⁴.

Характерной чертой кооперирования в Венгрии, Румынии и Чехословакии была многоступенчатость, широкое применение разнообразных типов производственной кооперации для вовлечения различных слоев крестьянства. В кооперативах разных типов была неодинаковой степень обобществления средств производства, а распределение доходов велось с учетом как труда, так и паевого взноса членов кооперативов. В Венгрии еще в декабре 1948 г. правительство утвердило положение о создании кооперативов трех типов.

Первый тип представлял собой начальную форму объединения. Здесь члены кооператива совместно выполняли значительную часть работ по пахоте, удобрению почв и севу, а остальные виды работ, в том числе и уборку урожая, каждый член кооператива выполнял самостоятельно. План посева составлялся коллективно. Земельные участки распределялись по жеребьевке. Налоги каждый член кооператива платил в отдельности³⁵.

В производственном кооперативе второго типа все работы в полеводстве осуществлялись коллективно. Распределение доходов между членами такого кооператива производилось по количеству и качеству земли каждого крестьянина, объединенной в кооперативе, после уплаты налогов и вычета общих расходов кооператива.

В кооперативах третьего типа все работы осуществлялись коллективно и основная часть доходов (до $\frac{3}{4}$) распределялась по труду, а остальная — по паям.

В Венгрии к началу 1949 г. было создано 562 производственно-кооперативных объединения: кооперативов третьего типа — 402, второго — 102, первого — 58³⁶. До конца 1948 г. кооперативы создавались на государственных землях, позднее было создано 400 кооперативов на арендуемых землях³⁷, т. е. не на землях, объединенных крестьянами для совместного использования. Это было связано с тем, что осенью 1948 г. основной массой кооператоров (56% всех членов) являлись сельскохозяйственные работники³⁸. Впоследствии по мере вступления в кооперативы середняцких хозяйств, все большую часть площади кооперативов составляли земли, внесенные крестьянами (77% в 1960 г.)³⁹. Им за это выплачивалась рента⁴⁰.

В Чехословакии по степени обобществления земли, мертвого и живого инвентаря и распределению доходов различались четыре типа производ-

³³ «Agricultura României. 1944—1964». București, 1964, p. 82.

³⁴ «Statistická ročenka CSR». Praha, 1962, s. 226.

³⁵ А. И. П у ш к а ш. Социалистические преобразования..., стр. 70.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Л. Н. Н е ж и н с к и й. Там же, стр. 83.

³⁹ Там же, стр. 378.

⁴⁰ Там же, стр. 373.

ственных кооперативов (Единых сельскохозяйственных кооперативов). В ЕСХК первого типа совместно осуществлялась только часть сельскохозяйственных работ при нераспаханных межах, в ЕСХК второго типа межи распахивались и все работы в полеводстве осуществлялись сообща. Распределение доходов между крестьянами и в первом и во втором случае велось по количеству и качеству земли.

В ЕСХК третьего и четвертого типов были обобществлены все основные средства производства. Различие между ними заключалось в том, что в ЕСХК четвертого типа распределение доходов проводилось по количеству выполненной работы, а в ЕСХК третьего типа помимо этого выплачивалась рента за землю, ранее принадлежавшую отдельным хозяйствам.

ЕСХК начали создаваться в Чехословакии в 1949 г. До 1951 г. в Чехословакии преобладали ЕСХК первого и второго типов. К концу 1950 г. ЕСХК первого типа составляли 26,5%, второго — 42,5, третьего — 28,4, четвертого — 2,6% ⁴¹. Начиная с 1951 г. в Чехословакии был форсирован переход к высшему типу ЕСХК, что привело к нарушению принципа постепенности перехода от низших форм кооперирования к высшим ⁴². Число производственных кооперативов третьего и четвертого типов возросло с 3136 в 1951 г. до 5848 в 1952 г. и до 6678 в 1953 г. Уровень кооперирования крестьянских хозяйств (по земле) возрос с 16,8% в 1951 г. до 34,4% в 1952 г. ⁴³.

В Румынии кооперирование крестьянских хозяйств началось также в 1949 г. и до 1952 г. шло только через высший тип производственного кооператива — с обобществлением земли и основного крестьянского инвентаря. Это привело к целому ряду трудностей, так как в тот период в стране не было достаточных материально-технических предпосылок для образования значительного числа кооперативов высшего типа, и крестьянство еще не было готово в своей массе к переходу к коллективным сельским хозяйствам.

С 1953 г. характерной чертой кооперирования в Румынии явилось создание производственных кооперативов низших типов — сельскохозяйственных товариществ по совместной обработке земли, которые в этот период были наиболее доступной и приемлемой формой кооперирования для огромной массы трудящихся крестьян.

При объединении земель в кооперативы такого типа крестьяне оставались собственниками своей земли, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Они могли объединить для совместной обработки только часть земли. Межи распахивались и основные сельскохозяйственные работы выполнялись сообща. Распределение доходов велось по количеству и качеству земли, а помощь одних членов другим оплачивалась по тарифам, установленным крестьянами на общем собрании.

Ход событий показал, что сельскохозяйственные товарищества в Румынии стали в 1953—1958 гг. основной формой объединения крестьян в кооперативы.

В 1958 г. сельскохозяйственные товарищества охватывали 75% семей крестьян, объединившихся в кооперативы, и занимали около 60% сельскохозяйственной площади, принадлежавшей кооперативному сектору. Число сельскохозяйственных товариществ составляло 80% от числа всех кооперативов ⁴⁴.

⁴¹ В. В. М а р ь и н а. О развитии форм социалистического кооперирования чехословацкой деревни. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г.». Таллин, 1971, стр. 582.

⁴² В. В. М а р ь и н а, Г. П. М у р а ш к о. Там же, стр. 140.

⁴³ «Statistická ročenka CSR». Praha, 1962, s. 261.

⁴⁴ «Dezvoltarea agriculturii Republicii Populare Romîne». București, 1961, p. 38.

В начальный период кооперирования и в Венгрии, и в Румынии, и в Чехословакии основной массой крестьян, вступивших в кооперативы, были бедняцкие слои деревни и безземельные крестьяне, которым государство предоставляло земли при вступлении в кооператив.

В Румынии, например, в 1950 г. 68,7% крестьян, вступивших в коллективные сельские хозяйства, были бедняки ⁴⁵.

Середняки в массе пошли в кооперативы лишь несколько лет спустя, когда выявились преимущества кооперативов перед единоличными хозяйствами: из года в год они получали урожаи выше, чем единоличные хозяйства, выросло материальное благосостояние крестьян-кооператоров, окрепла материально-техническая база кооперативов.

В Венгрии в 1955—1956 гг. урожай пшеницы с одного гектара в кооперативах был на 18,6% выше, чем в единоличных хозяйствах, а в 1957—1958 гг. — на 25,1% ⁴⁶.

Довольно остро в Венгрии, а особенно в Румынии, где сельское хозяйство к началу производственного кооперирования было чрезвычайно отсталым, стоял вопрос о создании новой материально-технической базы. И даже в более развитой Чехословакии материально-техническая база не соответствовала потребностям быстро развивающегося кооперативного движения, и темпы социальной реконструкции, особенно в период форсированного создания ЕСХК (1950—1952 гг., 1957 г.), опережали техническое перевооружение сельского хозяйства ⁴⁷. Это было связано с тем, что капиталовложения в сельское хозяйство были весьма ограничены. Народно-демократические государства в период построения основ социализма, особенно в условиях международной напряженности начала 50-х годов, были вынуждены основное внимание уделять развитию тяжелой промышленности, увеличивать средства на оборонные цели и не могли одновременно быстро развивать все отрасли народного хозяйства ⁴⁸. Более того, в силу объективных условий сельское хозяйство стало одним из источников накоплений для развития промышленности ⁴⁹.

Однако в Румынии на фоне чрезвычайно отсталой в прошлом материально-технической базы эффективность капиталовложений в сельское хозяйство была более ощутимой, чем в Чехословакии. В Румынии в связи с этим процесс массового кооперирования в целом сопровождался ростом производства, в то время как в Чехословакии в отдельные периоды происходило падение производства. Объясняется это тем, что в Румынии капиталовложения в сельское хозяйство шли на создание новых производительных сил, в то время как в Чехословакии, в стране с интенсивным в прошлом сельским хозяйством, поставки техники в основном лишь возмещали исключенные из производственного процесса постройки, инвентарь, машины и тягловый скот единоличных хозяйств. Шла лишь замена, а не расширение производственных мощностей ⁵⁰. И если в Румынии в условиях аграрного перенаселения отлив рабочей силы не сказывался на производстве, то в Чехословакии, где в сельском хозяйстве были ограниченные трудовые резервы, отлив рабочей силы в промышленность, не компенсируемый полностью техникой, вел к падению производства. Поэтому подъем сельскохозяйственного производства в период социалистической перестройки деревни, особенно в странах с интенсивным сельским хозяйством, был связан прежде всего с развитием его материально-технической базы, со-

⁴⁵ «Anuarul statistic al RPR. 1959». București, 1959, p. 201.

⁴⁶ А. И. П у ш к а ш. Социалистические преобразования..., стр. 78.

⁴⁷ В. В. М а р ь и н а, Г. П. М у р а ш к о. Там же, стр. 132—133, 261.

⁴⁸ Там же, стр. 318; «История Румынии. 1918—1970», стр. 522.

⁴⁹ «Мировая социалистическая система хозяйства», стр. 207.

⁵⁰ В. В. М а р ь и н а, Г. П. М у р а ш к о. Там же, стр. 267.

ответствующей темпам социальной реконструкции⁵¹. В Румынии и Венгрии техническая реконструкция сельского хозяйства шла более быстрыми темпами, однако, уровень их материально-технической базы в силу исходных позиций был ниже уровня в Чехословакии.

Сравнительно быстрые темпы технической реконструкции сельского хозяйства в Румынии и Венгрии стали возможными в результате сотрудничества и взаимопомощи стран мировой социалистической системы. В 1961 г. сельское хозяйство Румынии располагало 51 952 тракторами, 56 220 тракторными плугами, 48 000 механическими сеялками, 23 427 комбайнами⁵².

К концу 1960 г., т. е. к моменту завершения кооперирования в Чехословакии крестьянских хозяйств, на полях страны работало 74 905 тракторов (54 675 из них принадлежало ЕСХК)⁵³.

На завершающем этапе кооперирования по мере подведения под сельское хозяйство материально-технической базы и организационно-хозяйственного укрепления кооперативов росла степень обобществления земли, живого и мертвого инвентаря, шло преобразование кооперативов низших типов в высшие, наблюдался массовый приток середняка в кооперативы.

Так, например, в Румынии с 1960 г. и до конца 1961 г. 3350 сельскохозяйственных товариществ были преобразованы в коллективные сельские хозяйства. Из 867 тысяч крестьян, вступивших за этот период в коллективные сельские хозяйства, 90% пришло из сельскохозяйственных товариществ⁵⁴.

В борьбе за построение социализма укрепился союз рабочего класса и трудящегося крестьянства. В условиях массового кооперирования, когда социалистический сектор занял господствующее положение в сельском хозяйстве, возникла объективная необходимость ликвидировать остатки капиталистической эксплуатации в деревне.

После проведения земельных реформ в Румынии, Венгрии и Чехословакии кулацкие хозяйства оставались носителями капиталистического сельскохозяйственного производства. И хотя кулаки составляли численно незначительный слой крестьянства, в их собственности находилось большое количество земли, машин, инвентаря и тяглового скота.

Кулачество враждебно встретило кооперирование крестьянских хозяйств, так как увидело в нем для себя непосредственную угрозу.

На первом этапе социалистического преобразования сельского хозяйства осуществлялась политика экономического ограничения и постепенного вытеснения кулачества, ослабления его политического влияния на крестьянство. Так, в Чехословакии в конце 1949 г. и в течение 1950 г. был проведен принудительный выкуп сельскохозяйственных машин в кулацких хозяйствах⁵⁵, резко увеличены государственные поставки с кулацких хозяйств по сравнению с другими категориями крестьян. В результате ограничения кулачества размеры сельскохозяйственной площади в кулацких хозяйствах сократилось с 14,1% в 1952 г. до 1,6% в 1958 г.⁵⁶

⁵¹ Там же, стр. 255, 317—318.

⁵² «Probleme ale creării și dezvoltării bazei tehnice — materiale a socialismului în RPR». București, 1963, p. 238.

⁵³ В. М а р ь и н а, Г. М у р а ш к о. Техническое перевооружение сельского хозяйства Чехословакии в 1948—1960 гг. «Советское славяноведение», 1967, № 3.

⁵⁴ «Consfătuirea pe țară a țăranilor colectivști. București, 18—22 decembrie 1961», București, 1962, p. 674.

⁵⁵ В. В. М а р ь и н а, Г. П. М у р а ш к о. Путь чехословацкого крестьянства к социализму, стр. 116.

⁵⁶ XI sjezd KSČ. Praha, 1958, s. 45.

На завершающем этапе кооперирования КПЧ признала возможным прием кулаков и бывших кулаков в производственные кооперативы.

В Румынии по отношению к кулачеству государство также применяло политику экономического ограничения и постепенного вытеснения, а затем вовлечения его в кооперативы. В марте 1959 г. Великое Национальное Собрание приняло декрет о ликвидации всех форм эксплуатации в деревне. Этот закон запрещал сдачу земли в аренду и применение наемного труда. Земельные участки, которые не могли быть обработаны теми, кому они принадлежали, переходили к социалистическим хозяйствам или к другим социалистическим сельскохозяйственным объединениям. Бывшим кулакам предоставлялась возможность обрабатывать часть земель собственным трудом, или вступать в кооперативы⁵⁷.

В Венгрии к 1956 г. в результате политики экономического ограничения и постепенного вытеснения кулачества осталось незначительное число кулацких хозяйств, размеры которых превышали возможность их обработки силами семьи⁵⁸. Большинство бывших кулаков перешло по своему экономическому положению в категорию середняков или мелких крестьян. ВСРП проводила по отношению к бывшим кулакам гибкую политику. Она боролась за ослабление их политического влияния на другие слои крестьянства. В то же время, кооперативам предоставлялось право приема кулаков в кооперативы при ограничении размера земельной ренты, но они не могли быть избраны в руководящие органы кооператива в течение двух лет⁵⁹.

В 1960—1962 гг. в Венгрии, Румынии и Чехословакии было завершено производственное кооперирование крестьянства, и в сельском хозяйстве были установлены социалистические производственные отношения. Осенью 1961 г. в Венгрии социалистическому сектору принадлежало 95% обрабатываемых земель⁶⁰. В Румынии к весне 1962 г. социалистический сектор в сельском хозяйстве охватывал 96% пахотных и 93,4% сельскохозяйственных площадей⁶¹. В 1962 г. в Чехословакии социалистическому сектору принадлежало 88,9% сельскохозяйственной земли и 91,9% пашни⁶².

Коммунистические и рабочие партии этих стран выдвинули задачи укрепления социалистических производственных отношений, развития интенсивного сельскохозяйственного производства.

В ходе строительства основ социализма в Венгрии, Румынии и Чехословакии изменилась классовая структура общества. Как уже отмечалось, в результате проведения аграрных реформ в 1945—1947 гг. был ликвидирован класс помещиков, к концу 1949 г. после национализации основных отраслей промышленности — крупная и средняя буржуазия, а в последующие годы окончательно уничтожена экономическая основа ее господства. В ходе социалистического преобразования сельского хозяйства было ликвидировано кулачество. В эти же годы резко сократилось число мелких ремесленников и торговцев. За годы индустриализации во всех рассматриваемых странах вырос как в численном отношении, так и по своему классовому сознанию, культурному уровню и организованности, руководящий класс социалистического общества — рабочий класс. Под руководством коммунистических партий трудящиеся Чехословакии, Румынии и

⁵⁷ «Scînteia», 29 III 1959.

⁵⁸ А. И. П у ш к а ш. Социалистические преобразования..., стр. 77.

⁵⁹ Л. Н. Н е ж и н с к и й. Там же, стр. 367.

⁶⁰ А. И. П у ш к а ш. Социалистические преобразования..., стр. 84.

⁶¹ «Victoria socialismului în agricultură. Sesiunea extraordinară a Marii adunări naționale. 27—30 aprilie 1962». București, 1962, p. 11.

⁶² «XII sjezd Komunistické strany Československa». Praha, 1962, s. 7.

Венгрии вступили на путь завершения социалистического строительства в своих странах.

Сопоставление социалистических [преобразований социально-экономических отношений в группе стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Венгрия, Румыния и Чехословакия)) позволяет сделать вывод, что особенности этих преобразований по формам и методам их осуществления в каждой из стран определяются спецификой исторического развития каждой страны, при сохранении единства содержания этих процессов во всех странах и общих закономерностей, на которых они базируются. Именно различия в исторических, национальных особенностях развития каждой из стран, в их социально-экономическом и политическом уровне ко времени социалистической революции породили ряд существенных особенностей при социалистических преобразованиях социально-экономических отношений в Венгрии, Румынии и Чехословакии.



К ВОПРОСУ О ПРИЕМЕ БОЛГАРИИ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Вопрос о приеме в ООН на протяжении 10 лет стоял на повестке дня внешней политики Болгарии, так как вступление Болгарии в ООН являлось существенным элементом окончательной стабилизации международного положения страны в условиях, когда империалистические державы, руководствуясь пресловутой доктриной «сдерживания коммунизма», «пытались всюду, — по свидетельству Д. Флеминга, — притормозить революцию»¹, иначе говоря, развязали «холодную войну» против народов, ставших на путь социалистического обновления своей жизни. Народное вооруженное восстание 9 сентября 1944 г. вырвало Болгарию из блока фашистских государств. Правительство Отечественного фронта, объявив войну фашистской Германии, связало судьбу своей страны с объединенными нациями. Болгарский народ принял участие в разгроме германского фашизма на заключительном этапе войны. Основываясь на этом, правительство К. Георгиева поставило перед союзными державами вопрос о признании совоюющей стороной тех болгарских войск, которые под общим руководством Советского верховного командования приняли участие в освобождении народов Югославии и Венгрии, а Болгарии — совоюющей страной. Так, в письме министра иностранных дел Болгарии П. Стайнова от 1 марта 1945 г. на имя заместителя председателя Союзной Контрольной Комиссии генерал-полковника С. С. Бирюзова указывалось, что Болгария уже несколько раз поднимала перед союзными державами вопрос о предоставлении ей статуса совоюющей страны². Из записи беседы между болгарским представителем в Москве Д. Михалчевым и В. А. Зориным, которая состоялась 5 марта 1945 г., явствует, что правительство Болгарии связывало вопрос о признании его страны совоюющей стороной с приглашением на учредительную конференцию ООН³. Однако добиться этого правительству К. Георгиева не удалось. Как становится ясным из той же записи беседы, главной причиной отказа Болгарии в статусе совоюющей страны было, по словам Зорина, «отрицательное отношение наших союзников к Болгарии»⁴.

Враждебное отношение англо-американских империалистов к народно-демократической Болгарии к концу войны проявилось в полной мере. Бол-

¹ D. F l e m i n g. The Cold War and its Origins, v. I. London, 1961, p. 259.

² «Советско-болгарские отношения 1944—1948 гг.». Документы и материалы. М., 1969, стр. 103.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Там же.

гарский историк В. Божинов пишет, что в это время «натиск американских и английских реакционных кругов на нашу страну усилился»⁵. Вступив в союз с внутренней реакцией, империалисты пытались задержать развитие социалистической революции в Болгарии, чтобы не быть, как откровенно признался У. Черчилль в одном из посланий И. В. Сталину, «полностью вытесненными из этой страны»⁶. Желание Болгарии добиться статуса соювоуещей страны и вступить в ООН также было использовано правящими кругами США и Великобритании для осуществления политического и дипломатического давления. В этом отношении характерно, что на Потсдамской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании делегации последних двух держав, представив на обсуждение специальный документ, предусматривавший прием в ООН Италии, даже не упомянули о том, что такое же право на вступление в эту организацию имели Болгария, Венгрия, Румыния и Финляндия.

Советская делегация сразу же заявила, что «она не может принять участия в этой дискуссии (имеется в виду обсуждение вышеупомянутого документа об Италии. — М. М.), так как этот документ не содержит упоминания о допущении в Организацию Объединенных Наций Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии»⁷. Советские представители настаивали на том, чтобы в вопросе о приеме в ООН народно-демократические страны и Финляндия не были поставлены в худшие условия, чем Италия. И они добились, что в заключительном документе Потсдамской конференции была сделана запись о том, что «заключение мирных договоров с признанными демократическими правительствами в этих государствах позволит трем правительствам поддержать их просьбу о принятии в ООН»⁸. По настоянию представителей Советского Союза это положение было зафиксировано и в мирных договорах, которые были выработаны для этих государств в 1946 г.

Подписав мирный договор с Болгарией, правительства великих держав взяли на себя обязательство содействовать ее приему в ООН. Тем не менее, когда 26 июля 1947 г. в Совет Безопасности поступило письмо от председателя Совета Министров НРБ Г. М. Димитрова и министра иностранных дел К. Георгиева, представлявшее собой официальную просьбу Болгарии о приеме в ООН⁹, выяснилось, что правительства США и Великобритании не только не изменили своей враждебной позиции по отношению к народно-демократическому строю страны, но и отказались выполнить взятые на себя ранее обязательства. В Комитете по приему новых членов, куда Совет Безопасности передал заявление Болгарии для обсуждения, представитель США подчеркнул, что его правительство выражает сомнение в том, что эта страна удовлетворяет условиям приема в ООН, так как в Болгарии якобы нарушаются основные права человека, и ее правительство является неподобающим, т. е. не отражает воли большинства населения¹⁰. С подобным, по выражению советского представителя в ООН А. А. Громыко, «набором тенденциозных обвинений» выступили и другие представители западных стран. Было ясно, что империалистические силы, обостряя «холодную войну» в международных отношениях,

⁵ В. Божинов. Защита на националната независимост на България. София, 1962, стр. 70.

⁶ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I, М., 1957, стр. 347.

⁷ «Советско-болгарские отношения...», стр. 153.

⁸ Там же, стр. 168.

⁹ Там же, стр. 337—339.

¹⁰ Объединенные нации, организация. Совет безопасности. Официальные отчеты. Второй год. Особое доп. № 3, стр. 24, Нью-Йорк, 1947.

стремились не только отказать в приеме в ООН Болгарии, но и пытались посеять среди членов этой организации недоверие к народам, избравшим социалистический путь развития.

Придерживаясь именно такой политики, правящие круги Великобритании и США настоятельно требовали приема в ООН Италии, отказывая одновременно в праве быть представленными в этой организации Болгарии и другим народно-демократическим государствам. Это был ничем не прикрытый акт дискриминации. Т. Ганев в своей работе «Организация Объединенных Наций» писал, что «западные державы подвергли недопустимой дискриминации страны народной демократии и препятствовали их приему единственно потому, что не одобряли их общественный строй»¹¹. Отвечая на требование западных стран незамедлительно принять в ООН Италию, министр иностранных дел Польши З. Модзелевский 25 сентября 1947 г. предложил Совету Безопасности проект резолюции об одновременном приеме Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии и Финляндии как государств, находящихся в одинаковом положении. Польское предложение было поддержано делегациями Советского Союза, Украинской ССР, Белорусской ССР, Чехословакии и Югославии. Однако предложение об одновременном приеме пяти государств было отклонено представителями западных стран. Они заявили о несоответствии этого предложения Уставу ООН и, обратившись в Международный Суд за консультативным мнением, превратили проблему приема в «юридический казус»¹². С другой стороны, ссылаясь якобы на неразрешимость данного вопроса, представители западных держав потребовали ревизии Устава ООН в той его части, которая касалась правила единогласия постоянных членов Совета Безопасности в вопросе о приеме новых членов, предлагая, чтобы голоса любых семи членов этого Совета считались положительной рекомендацией. Сложная политическая игра, которую затеяли западные державы вокруг вопроса о приеме, имела своей целью, во-первых, добиться расширения ООН лишь за счет своих сторонников, во-вторых, осуществить политическое давление на Болгарию и другие народно-демократические страны. Выступая 17 ноября 1947 г. в Генеральной Ассамблее, представитель США Стивенсон откровенно заявил, что «мы с радостью воспримем всякое изменение, которое позволит США поддержать просьбы этих стран о их приеме в ООН»¹³. Но добиться чего-либо большего, кроме создания тупика в вопросе о приеме новых членов, представители западных держав в ООН не смогли, так как революционные процессы в странах народной демократии были необратимыми. На страже национальных интересов народов этих стран стоял Советский Союз.

Вопрос о приеме Болгарии, а также других народно-демократических государств в ООН не был решен и на III сессии Генеральной Ассамблеи. Представители западных стран обрушили на них многочисленные обвинения, начиная от немиролюбия и кончая тем, что «Болгария, Венгрия и Румыния должны соблюдать положения мирных договоров и положить конец деспотическим репрессиям своих правительств»¹⁴. Выдвигая эти обвинения, делегации западных стран использовали их «в качестве политического орудия, которым они, — как отмечал советский делегат, — пользуются для проведения своих собственных политических интересов»¹⁵.

¹¹ Т. Ганев. Организация на Обединените Нации. София, 1956, стр. 20.

¹² «United Nations. General Assembly. First Committee. Official records». New York, 1947, p. 385.

¹³ «United Nations. General Assembly. Plenary meetings». New York, 1947, p. 1075.

¹⁴ Объединенные нации, организация. Генеральная ассамблея. Сессия 3-я (2). Специальный комитет по политическим вопросам. Нью-Йорк, 1965, стр. 42.

¹⁵ Там же, стр. 72.

В меморандуме правительства Болгарии от 2 октября 1948 г., направленном генеральному секретарю ООН Трюгве Ли, такая политика квалифицировалась как недружелюбная. Болгарское правительство решительно выступило против попыток империалистических держав превратить вопрос о приеме народно-демократических стран в ООН в один из элементов «холодной войны». В телеграмме на имя Трюгве Ли от 18 сентября 1948 г. министр иностранных дел Болгарии В. Коларов отмечал, что «враждебное отношение к просьбе Болгарии о приеме в ООН является единственным препятствием установления нормальных отношений между Болгарией, с одной стороны, и Организацией Объединенных Наций и ее органами — с другой»¹⁶. Он показал несостоятельность всех тех предложений, на основании которых не была удовлетворена просьба Болгарии о приеме.

На III сессии Генеральной Ассамблеи правительства Великобритании и США усилили «психологическое наступление» против стран народной демократии, в том числе и против Болгарии. 19 марта 1949 г. представитель Австралии, имея в виду процесс над 15 евангелическими священниками, предложил обсудить в рамках ООН вопрос о нарушении якобы в Болгарии основных прав и свобод человека. Несмотря на то, что евангелические священники были осуждены за преступления, совершенные перед государством и обществом, за антигосударственную деятельность, проявившуюся в шпионаже, и т. д., правящие круги империалистических держав представили этот процесс как гонение на свободу вероисповедания и нарушение основных свобод человека. Как справедливо отмечала в то время газета «Работническо дело», «объяснимо ожесточение политиков империалистического лагеря. У нас... были раскрыты и осуждены их агенты»¹⁷. И далее газета продолжала: «Очевидно, в данном случае имеет место забота не о религиозных свободах (имеется в виду инициатива австралийской делегации. — М. М.), а желание шантажировать и использовать ООН как арену борьбы, которую международная реакция ведет против народно-демократических стран»¹⁸. Эта пропагандистская кампания была самым непосредственным образом связана с вопросом о допущении Болгарии в ООН. Выдвинув против этой страны обвинение в нарушении основных прав человека, империалисты создали дополнительный барьер на пути ее приема в ООН. Представители капиталистических стран заявили с трибуны ООН: «Недопустимо, чтобы Болгария, Венгрия и Румыния, которые просят о их приеме в Организацию, отказывались выполнять положения мирных договоров»¹⁹. Круг, как мы видим, замкнулся. Западные страны использовали инспирированную ими же дипломатическую диверсию для обоснования своей дискриминационной, враждебной политики в отношении Болгарии и других народно-демократических государств, вся «вина» которых, по заявлению советского представителя С. К. Царапкина, заключалась только в том, что они проводят «обширные демократические реформы в своих пределах и твердо стали на путь социализма»²⁰.

На IV сессии Генеральной Ассамблеи делегация Советского Союза, учитывая насущную необходимость расширения членского состава ООН, имея в виду настоятельные просьбы государств, подавших заявления о приеме, «исходя из соображений компромисса, разумного компромисса», предложила решить этот вопрос безотлагательно. Она представила в Со-

¹⁶ «Отечествен фронт», 18 IX 1948.

¹⁷ «Работническо дело», II IV 1949.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Объединенные нации, организация. Генеральная ассамблея. Сессия 3-я (2). Специальный комитет по политическим вопросам. Нью-Йорк, стр. 54.

²⁰ Там же, стр. 183.

вет Безопасности проект резолюции, в котором предлагался одновременный прием всех 12 стран, которые до этого времени не были приняты и «заявления которых неоднократно рассматривались в Совете Безопасности»²¹. В числе 12 кандидатов находилась и Болгария. Казалось бы, найдено решение вопроса о приеме, которое удовлетворяет все стороны. Однако англо-американские представители в ООН встретили советскую инициативу в штыки. Английский делегат А. Кадоган даже пытался убедить членов Совета Безопасности в том, что советское предложение не заслуживает их внимания. Тем не менее, голосование проекта резолюции, предложенного делегацией Советского Союза, в Специальном комитете по политическим вопросам дало следующий результат: его поддержали представители 9 стран, 30 выступили против и 16 воздержались от голосования²². Весьма знаменателен тот факт, что почти половина делегаций, принявших участие в голосовании, поддержала или же не выступила против советского предложения. Несомненно, что в этом проявился определенный сдвиг, который произошел в ООН по вопросу о приеме народно-демократических государств. Постоянные и решительные выступления делегаций СССР, УССР, БССР, Чехословакии, Польши в защиту интересов Болгарии и других стран народной демократии в полной мере показали бесперспективность американской политики их дискриминации. Это признал и один из реакционнейших государственных деятелей США того периода Джон Фостер Даллес²³. Дальнейшие события показали, что хотя и медленно, все же многие делегации в ООН становились сторонниками решения проблемы приема новых членов на основе советского предложения. На V сессии Генеральной Ассамблеи в 1950 г. за советское предложение об одновременном приеме 13 государств было подано уже 18 голосов, 22 делегации голосовали против и 15 воздержались от определения своей позиции²⁴.

Американская дипломатия не могла примириться с тем, что ее политика в отношении Болгарии и других народно-демократических государств вступила в период кризиса и не способна была более обеспечивать устойчивое большинство при решении вопроса о приеме новых членов. Правящие круги США предприняли в это время ряд столь же решительных, сколь и безрасудных шагов. Во-первых, речь идет о печально знаменитом «законе о взаимном обеспечении безопасности», в который вошла известная «поправка Керстена», предусматривавшая ежегодное ассигнование 100 млн долларов на подрывную работу против социалистических государств. Во-вторых, правительство США резко усилило экономическую блокаду стран социалистического лагеря, насильно вовлекая в эту акцию многие зависимые страны Европы и Латинской Америки. Наконец, 19 декабря 1951 г. делегация США вновь поставила в Совете Безопасности вопрос о внеочередном рассмотрении заявления Италии о приеме в ООН, демонстрируя одновременно свое недружелюбие в отношении народно-демократических государств. Газета «Отечествен фронт» следующим образом охарактеризовала эту политику США: «Вся деятельность американских империалистов в ООН за последние годы доказывает, что правительство США не только не желает следовать по пути миролюбивого международного сотрудничества, но и упорно преследует цель превратить ООН в обыкновенный придаток государственного департамента и прикрыть таким образом

²¹ Объединенные нации, организация. Совет безопасности. Официальные отчеты. Второй год, № 31, стр. 38.

²² Объединенные нации, организация. Генеральная ассамблея. Сессия 4-я. Нью-Йорк, 1949. Специальный комитет по политическим вопросам. Нью-Йорк, 1950, стр. 195.

²³ J. F. Dulles. War or Peace. New York, p. 190.

²⁴ Объединенные нации, организация. Генеральная ассамблея. Пленарные заседания. Сессия 5-я. Нью-Йорк, 1950, стр. 596.

истинный характер своих агрессивных планов»²⁵. Когда же по предложению делегации Советского Союза Первый комитет Генеральной Ассамблеи стал обсуждать вопрос об одновременном приеме 14 государств, выяснилось, что большинство государств стоит за решение проблемы приема новых членов на основе советской инициативы. Газета «Таймс» писала по этому поводу, что «в мире становится все больше сторонников того, что решение (вопроса о приеме.— М. М.) может быть достигнуто лишь в соответствии с русским предложением»²⁶. Итоги голосования по советскому предложению в Первом комитете были настолько красноречивыми, что вызвали серьезную обеспокоенность правящих кругов США. В послании к конгрессу о деятельности американской делегации в ООН за 1951 г. президент писал: «Комитет (имеется в виду Первый комитет.— М. М.) принял советскую резолюцию 21 голосом против 12, к числу которых относились и Соединенные Штаты, при 25 воздержавшихся. Такие результаты голосования по советскому предложению отражают тот факт, что многие государства — члены Организации все более убеждаются в необходимости найти какой-нибудь выход из тупика в вопросе приема новых членов»²⁷.

Можно было предположить, что Соединенные Штаты, стремясь удержать за собой большинство в ООН, пойдут на такое изменение своей политики, которое позволило бы вывести из тупика вопрос о приеме новых членов в эту организацию. Однако этого не случилось. Вместо признания за Болгарией и другими народно-демократическими государствами права быть принятыми в ООН, США прибегли к тактике проволочек, затягивания решения всего вопроса о приеме. Эта политика вызвала вскоре недовольство даже среди наиболее верных и последовательных сторонников США в ООН. Дело в том, что последовательная борьба Советского Союза и других стран социалистического лагеря против агрессивных устремлений американского империализма привела в 1953 г. к некоторому смягчению международной обстановки, что, в свою очередь, привело к увеличению активности в ООН так называемых малых стран, в большинстве своем стоявших за принцип универсальности этой организации, т. е. за прием в ООН всех государств, подавших заявление, в том числе и народно-демократических. Как справедливо отмечала газета «Работническое дело», эти страны надеялись, что «разрешение вопроса о приеме новых членов в ООН может привести к дальнейшему ослаблению международной напряженности в международных отношениях»²⁸. Правительство Болгарии, пользуясь благоприятно складывавшейся ситуацией, и в 1953, и в 1954 гг. в официальных посланиях генеральному секретарю ООН продолжало ставить вопрос о необходимости решить проблему приема своей страны в эту международную организацию²⁹.

В этих условиях делегация Перу предложила создать Комитет добрых услуг, который занялся бы поисками такого решения проблемы приема, которое удовлетворило бы все стороны. Датой рождения нового Комитета следует считать 23 ноября 1953 г., когда Генеральная Ассамблея утвердила его состав из представителей Перу, Египта и Нидерландов³⁰. Почти через год, 29 октября 1954 г., Комитет добрых услуг представил свой первый отчет о деятельности. В отчете отмечалось, что в общем положении вопроса о приеме новых членов ООН за этот срок не произошло никаких

²⁵ «Отечествен фронт», 26 I 1951.

²⁶ «The Times», 24 I 1952.

²⁷ «United States participation in the United Nations. Report by the President to the Congress for year 1951». New York, 1952, p. 125.

²⁸ «Работническое дело», 10 X 1953.

²⁹ Там же, 3 IX 1954.

³⁰ Объединенные нации, организация. Генеральная ассамблея. Сессия 8-я. Нью-Йорк, 1953, стр. 264.

существенных изменений, «позволяющих при существующих условиях прийти к соглашению, которое облегчило бы разрешение этой проблемы»³¹. Тем не менее, Комитет заверил Генеральную Ассамблею, что «не исчерпаны все возможности прийти к соглашению» и она «должна прилагать все усилия к тому, чтобы облегчить разрешение вопроса о приеме новых членов»³². Решением Генеральной Ассамблеи полномочия Комитета добрых услуг были продлены до следующей, X сессии.

В 1955 г. Комитет добрых услуг развил довольно активную деятельность по выяснению точек зрения различных делегаций в ООН относительно приема новых членов. Были проведены многократные консультации со всеми постоянными членами Совета Безопасности, от которых в первую очередь зависело разрешение этой проблемы. Кроме того, председатель Комитета В. Белаунде имел несколько встреч с министрами иностранных дел ряда государств, прибывших в июне 1955 г. на юбилейную сессию Генеральной Ассамблеи по случаю десятилетия создания этой организации международной безопасности. В результате многостороннего зондажа члены комитета пришли к выводу, что большинство членов ООН поддерживает идею одновременного приема как единственно реальный путь решения проблемы приема новых членов в сложившихся условиях и, что наиболее важно, подготовили совместное выступление этого большинства с требованием решения проблемы приема на X сессии Генеральной Ассамблеи. 1 декабря 1955 г. в Специальном комитете по политическим вопросам Генеральной Ассамблеи делегация Канады выдвинула предложение об одновременном приеме 18 государств, заявления которых на протяжении ряда лет обсуждались в различных органах ООН. Среди кандидатов на прием в канадском предложении значилась и Болгария. Предложение Канады сразу же было поддержано делегациями 28 государств, а несколько позднее к нему присоединились почти все члены ООН. Представитель Советского Союза В. В. Кузнецов, выступая по поводу инициативы делегации Канады, заявил, что «если большинство государств — членов ООН считает, что вопрос может быть решен в течение настоящей сессии...», и они «готовы поддержать прием 18 государств, заявления которых поданы в Ассамблею», то «СССР безоговорочно поддерживает прием всех 18 государств»³³.

Однако у этого предложения нашлись и противники, несмотря на то, что мировое общественное мнение также высказалось в его пользу. Стремясь сорвать «наметившееся сближение точек зрения различных делегаций», представитель США заявил, что его правительство ни в коем случае не поддержит кандидатуру Болгарии и других народно-демократических государств, а кубинская делегация предложила исключить из общего списка государства народной демократии. Однако эти обструкционистские маневры противников разрешения проблемы приема разбились о непреклонное стремление большинства членов ООН принять новые государства уже на этой сессии. В этих условиях делегация США не решилась выступить практически против всех членов ООН и заявила, что «она только воздержится от голосования резолюции... ибо в противном случае нарушит принципы, на которых основана политика США в данном вопросе»³⁴. 8 декабря 1955 г. Генеральная Ассамблея приняла рекомендованный Специальным

³¹ Объединенные нации, организация. Генеральная ассамблея. Сессия 9-я. Специальный комитет по политическим вопросам. Нью-Йорк, 1954, стр. 4.

³² Там же.

³³ «Nations Unies. Assemblée Générale. X session; Commission politique special». New York, 1955, p. 121.

³⁴ Ibid., p. 160

комитетом проект резолюции о приеме 18 государств и обратилась к Совету Безопасности с просьбой дать всем этим государствам положительные рекомендации³⁵.

Совет Безопасности собрался 10 декабря. Обсуждение вопроса было кратким. Однако, когда началось поименное голосование заявлений каждого из 18 кандидатов на прием, выяснилось, что представитель Чан Кайши проголосовал против приема Монгольской Народной Республики, а так как он был постоянным членом Совета Безопасности, то заявление МНР было отклонено³⁶. По иронии судьбы случилось так, что чанкайшист, представлявший в ООН небольшую клику, «разрушил усилия 52 суверенных государств, которые в Генеральной Ассамблее проголосовали за прием 18 государств»³⁷. Отказ в приеме МНР привел к тому, что ни одно из 18 государств — кандидатов в члены ООН, не получило положительной рекомендации Совета Безопасности. Создалась угроза, что вопрос о приеме новых членов вновь будет отложен на неопределенное время. В связи с этим представитель Советского Союза потребовал 14 декабря созыва нового заседания Совета Безопасности и предложил на его рассмотрение следующий проект резолюции: «... изучив заявления 16 стран (в этот проект не вошли Монгольская Народная Республика и Япония.— *М. М.*), Совет Безопасности рекомендует Генеральной Ассамблее принять их в ООН»³⁸.

Особых прений по новому проекту резолюции не было. Лишь делегация США попыталась восстановить в списке предложенных для приема государств кандидатуру Японии, но ее предложение было отклонено большинством членов Совета Безопасности. В результате голосования все 16 стран, названных в советском проекте, получили положительные рекомендации. Путь для приема Болгарии и других государств в ООН был открыт. 14 декабря 1955 г. на вечернем заседании просьбы 16 государств были удовлетворены Генеральной Ассамблеей. Народная Республика Болгария, как и другие страны, стала полноправным членом Организации Объединенных Наций. 16 декабря 1955 г. газета «Работническо дело» опубликовала декларацию правительства НРБ по поводу приема Болгарии в ООН. В этой декларации, в частности, отмечалось: «Правительство Народной Республики Болгарии с глубоким удовлетворением встретило решение Генеральной Ассамблеи о приеме НРБ в семью стран — членов ООН». И далее болгарское правительство заявляло: «Правительство НРБ, веря в благородную миссию, которую выполняет и будет выполнять ООН, заверяет, что Народная Республика Болгария как член этой организации будет продолжать свои усилия по поддержанию мира и безопасности, по развитию дружеских отношений между народами и достижению сотрудничества при разрешении международных вопросов экономического, социального и культурного характера»³⁹.

Прием в ООН имел для Болгарии важное значение. Во-первых, народно-демократический строй в стране был признан всем миром, что в значительной мере способствовало упрочению международного положения НРБ. И хотя Вашингтон продолжал сотрясать воздух заявлениями, что «освобождение» стран, ставших на путь строительства социалистического общества, «есть и будет основной целью внешней политики США до тех пор, пока не будет достигнут успех», прием народно-демократических стран

³⁵ «Nations Unies. Assamblee General. X session». Annexes, p. 4.

³⁶ «United Nations. Security Council. Official records. 10 year». New York, 1955, № 704, p. 16.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid., № 705, p. 2.

³⁹ «The New York Times», 31 XII 1955.

в ООН был самым красноречивым ответом народов мира на «освободительные» устремления американского империализма. Во-вторых, болгарский народ получил возможность принимать непосредственное участие в решении всех проблем, волнующих человечество, вносить свой вклад в практику деятельности ООН. С приемом Народной Республики Болгарии значительно укрепился лагерь социалистических государств в ООН. Наконец, народная Болгария завоевала право с высокой трибуны ООН выступать в защиту тех народов и государств, которые стали на путь завоевания независимости, на путь социальных преобразований, не только защищать их интересы, но и оказывать им материальную поддержку, способствуя тем самым победе новых отношений между государствами и народами, основанных на равенстве и взаимопомощи.



АНТОНИ ЧУБИНЬСКИЙ

ЛЕЙПЦИГСКИЙ ПРОЦЕСС И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ПОЛЬШИ

1929—1933 гг. в Германии характеризовались острым экономическим и политическим кризисом. Система буржуазной парламентарно-демократической республики оказалась несостоятельной. На политическую арену все смелее выходили трудящиеся массы. Согласно оценке Исполкома Коминтерна Германия находилась накануне пролетарской революции. Полагали, что в ближайшее время революционное движение приведет к падению буржуазного правительства, что власть возьмут руководимые Коммунистической партией Германии (КПГ) трудящиеся массы. КПГ действовала легально. Насчитывала она около 360 тыс. членов. В парламентских выборах за кандидатов компартии голосовало более 4 млн. избирателей. Парламентская фракция КПГ состояла из нескольких десятков депутатов. Коммунисты имели большое влияние в профсоюзном движении и органах самоуправления¹. Однако, как и в других странах, рабочее движение в Германии было политически раздробленным. Все еще большее влияние имела Социал-демократическая партия Германии, которая игнорировала революционный опыт и отказывалась от борьбы за диктатуру пролетариата, ориентируясь на осуществление реформистской программы мирного преобразования капитализма в социализм². Оба направления в рабочем движении боролись друг с другом.

Одновременно на арену политической борьбы выступила гитлеровская национал-социалистическая партия. Со временем она стала наиболее многочисленной политической партией III империи. Стремясь к установлению фашистской диктатуры, гитлеровцы яростно выступали против всех демократических институтов и особенно против рабочего движения. В годы кризиса на улицах немецких городов происходили кровавые столкновения между гитлеровцами и коммунистами. В конце января 1933 г. при пособничестве финансовых кругов III империи президент Гинденбург назначил Гитлера имперским канцлером. С приходом гитлеровцев к власти резко изменилась обстановка в стране. Острые своих атак гитлеровцы направляли против коммунистической партии. В этом они нашли поддержку со стороны консервативно-националистических кругов. Стремясь скомпрометировать коммунистическую партию, гитлеровцы обвиняли ее в предательстве национальных интересов Германии, в организации заговоров и покушений, в стремлении к вооруженному перевороту.

¹ А. С. Б л а н к. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры (1933—1945). М., 1964.

² R. H u n d t. German Social-Democracy 1918—1933. New Haven and London, 1964.

Назначенные на 5 марта 1933 г. выборы в парламент могли укрепить влияние левых сил. В такой обстановке 27 февраля 1933 г. в 21 ч. 15 мин. начался пожар в здании парламента. Поджог был совершен гитлеровцами, намеревавшимися использовать факт пожара в рейхстаге для усиления репрессий в отношении коммунистов.

В ночь с 27 на 28 февраля они заявили, что поджог рейхстага якобы должен был послужить сигналом к коммунистическому перевороту в Германии. Был издан специальный декрет и начата широкая антикоммунистическая акция, в ходе которой фактически были ликвидированы организации компартии, действовавшей до того времени легально.

Спустя десять дней, 9 марта 1933 г., в Берлине были арестованы три болгарских коммуниста: Г. Димитров, Б. Попов и В. Танев.

Димитров был членом ИККИ и руководил Западноевропейским бюро ИККИ в Германии. Попов и Танев были членами ЦК КПБ. Гитлеровская полиция скоро установила, что Димитрову уже дважды в Болгарии выносился заочно смертный приговор³. Он был одним из организаторов неудавшегося рабочего восстания в Болгарии в сентябре 1923 г.⁴ Кроме того, правые круги Болгарии обвиняли его в участии в покушении на царя Бориса и взрыве в Софийском соборе в 1925 г.⁵ Гитлеровцы рассчитывали, что связав действия болгарских коммунистов и особенно Димитрова, голландца Ван-дер-Люббе и арестованного 28 февраля 1933 г. председателя коммунистической фракции в немецком парламенте Э. Торглера, им удастся политически скомпрометировать не только немецких коммунистов, но и весь Коминтерн. Началась подготовка большого процесса о поджоге рейхстага. Он замышлялся как широкая политическая акция против коммунистического движения вообще. Преднамеренно искажались события 1923 г. и 1925 г. в Болгарии с целью показать аналогию между восстанием болгарских коммунистов в 1923 г., взрывом в Софийском соборе в 1925 г. и событиями 1933 г. в Германии⁶.

До начала этого процесса имя Димитрова было известно немногим лицам в Польше. Правда, события 1923 г. в Болгарии отозвались громким эхом в Польше. Они заняли значительное место в польской прессе всех политических направлений. Рассматривались прежде всего последствия реакционного переворота А. Цанкова. Много внимания уделялось возглавленному коммунистами Сентябрьскому восстанию 1923 г.⁷ Проходивший в то время II съезд Коммунистической рабочей партии Польши принял даже специальную резолюцию по этому вопросу⁸. Фамилия Димитрова по понятным причинам в информациях отсутствовала. Конспиративная деятельность Димитрова в Вене и Берлине также не способствовала росту его популярности. Его лично знали только некоторые польские сотрудники ИККИ и деятели КПП⁹. Евгения Брун утверждает, что она встречалась с Димитровым летом 1931 г. в дни работы III пленума ЦК КПП¹⁰. Нахо-

³ «Georgii Dimitroff 1882—1949». Sofia-Press, 1972.

⁴ «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, стр. 239 и след.

⁵ G. Dymitrow. Komitet Słowiański w Polsce. Warszawa, 1948, s. 15;

F. T. Konstantinow. Georgi Dymitrow. Warszawa, 1951.

⁶ A. Kurella. Dymitroff contra Göring. Berlin, 1964.

⁷ A. Tumiенiecka. KPP wobec bułgarskiego ruchu rewolucyjnego. W: Bra-terstwo — Przyjaźń. Szkice z dziejów przyjaźni polsko-bułgarskiej. Warszawa, 1970, s. 73—80.

⁸ «II Zjazd KPRP (19 IX — 2 X 1923). Protokoły obrad i uchwały». Warszawa, 1968, s. 323.

⁹ «Konferencja KPP (24 XI — 22 XII 1925). Protokoły obrad i uchwały», cz. I. Warszawa, 1972, s. 49—52.

¹⁰ Отчет Е. Брун см.: G. Dymitrow. Teczka osobowa. AZHP, sygn. 1393, poz. 10. По сообщению «Нашего Шпегленда» в 1931 г. Димитров якобы находился в Польше.

дьясь в Берлине, Димитров поддерживал контакты с польскими революционерами. Руководитель Антивоенного отдела ЦК Коммунистического союза молодежи Германии Вацлав Комар вспоминает, что в середине августа 1932 г. он получил указания от Димитрова относительно подготовки Международного антивоенного конгресса в Амстердаме. Одновременно с этим конгрессом должен состояться Антивоенный конгресс молодежи. Во время встречи Комара с Димитровым обсуждались организационные вопросы и тезисы выступлений¹¹. Эдвард Узданынский сообщает, что, работая в польской секции ИККИ, он часто виделся с Димитровым. В конце 1932 — начале 1933 г. Узданынский находился в Берлине в так называемом Бюро Макса Нидеркирхнера. По утверждению Узданынского, Димитров имел контакты с этой организацией¹². Имя Димитрова стало широко известным после его ареста гитлеровцами, в ходе кампании защиты, организованной ИККИ, и по его выступлениям на судебном процессе в Лейпциге и Берлине. Летом была опубликована и переведена на многие языки мира так называемая «Коричневая книга», разоблачающая преступления гитлеровского режима в Германии. Были организованы специальные комиссии и международные комитеты. С целью опередить организованный гитлеровской прокуратурой Лейпцигский процесс над Димитровым и его товарищами, был устроен так называемый контрпроцесс в Лондоне. Дело приобрело широчайшую, мировую известность.

Передовая общественность в Польше и во всем мире прекрасно отдавала себе отчет в том, что как все коммунистическое движение, так и его представитель Димитров не признают индивидуального террора и осуждают такие методы борьбы. Димитров еще в конце 1925 г., выступая на IV конференции КПП, указывал: «Ультралевый уклон, который нашел выражение в софийской истории, уже преодолен. Однако он дорого обошелся. Болгарский опыт должны учесть другие партии и прежде всего польская, действующая в условиях террора, в которых очень легко возникает основание для тактики, оторванной от масс, особенно в среде крестьянства»¹³. Вот почему как сам факт поджога рейхстага, так и попытка возложить на коммунистическое движение ответственность за этот акт были объявлены сознательной провокацией гитлеровцев. Антифашистское демократическое общественное мнение всего мира осудило гитлеровских палачей, выступая в защиту обвиняемых.

Судьба Димитрова и его товарищей глубоко взволновала общественное мнение также в Польше. На их защиту встали коммунисты и руководимые ими общественно-политические организации. Кампания защиты Димитрова и его товарищей была связана с борьбой против реакции и санационной диктатуры, она сопровождалась требованиями ликвидации концлагерей в Германии и освобождения заключенных в Германии и Польше. С защитой обвиняемых выступали также ППС, людовцы и другие политические группировки. Подробную информацию о поджоге рейхстага, гитлеровском терроре и процессе над Димитровым и его товарищами помещали почти все выходившие в Польше газеты.

Сообщалось, что за время пребывания в Варшаве Димитров выучил польский язык и вел революционную деятельность. Спустя некоторое время он выехал через Гданьск в Германию. «Robotnik», 28 XII 1933.

¹¹ Отчет В. Комара см.: AZHP, sygn. 1393, poz. 9.

¹² Отчет Э. Узданынского см.: AZHP, sygn. 1393, poz. 12.

¹³ «IV Konferencja KPP (24 XI — 23 XII 1925 r.). Protokoły obrad i uchwały», cz. I. Warszawa, 1972, s. 52.

Орган ППС «Роботник» уже 3 марта 1933 г. опубликовал заявление руководства партии, в котором, в частности, говорилось: «ППС и все рабочее движение в Польше, объединенное под красными знаменами, солидаризируется с немецкими товарищами и заверяют в том, что борьба, которую ведут немецкие социалисты с реакцией, является нашей общей борьбой»¹⁴.

Консервативная газета «Час» в августе 1933 г. сообщала об обмене корреспондентией между одним из организаторов лондонского «контрпроцесса» французским писателем Роменом Ролланом и обер-прокурором Верховного трибунала Германской империи в Лейпциге¹⁵. Эта же газета поместила обвинение другого участника «контрпроцесса» французского адвоката Моро Жиаффри под названием «Рейхстаг поджег Геринг»¹⁶. «Час» помещал подробную информацию о подготовке к Лейпцигскому процессу, занимая антигитлеровскую позицию, которая, однако, определялась не симпатиями к подсудимым, коммунистам, а убеждением, что гитлеровцы ведут борьбу не только с левыми силами, но и с консервативным правым лагерем Германии. Публикация заявления Моро Жиаффри сопровождалась утверждением редакции, что Геринг совершил поджог рейхстага «не с целью истребления коммунистов, а чтобы нанести удар фон Папену и Гинденбургу»¹⁷. Газета подробно сообщала о ходе «контрпроцесса» в Лондоне, демонстрациях в защиту обвиняемых коммунистов и подготовке процесса в Лейпциге. 21 сентября 1933 г. она писала об активизации нелегальных коммунистических групп в Лейпциге и растущем интересе немецких рабочих к процессу¹⁸.

Подобный материал можно найти в «Роботнике». В одной из его статей отмечалось: «Просто удивительно, что несмотря на довольно жесткие полицейские меры социалисты и коммунисты развивают такую активную деятельность»¹⁹.

С защитой обвиняемых выступили прежде всего коммунисты. В сентябре 1933 г. ЦК КПП опубликовал воззвание «Суд поджигателей». В нем указывалось: «Международный солидарный отпор пролетариата и крестьянства атакам фашизма является требованием момента. Позорная провокация лейпцигского процесса должна вызвать бурю протестов. Все рабочие и крестьяне Польши должны быть участниками этой борьбы. Кто трусливо и равнодушно уклоняется от борьбы, тот отдает своих братьев под топор. По всей стране мощным потоком должна прокатиться волна демонстраций»²⁰. Нелегальный орган КПП «Червоны Штандар» первую информацию о процессе опубликовал в ноябре 1933 г. Газета также призвала рабочих к проведению кампании протеста²¹. Отдельные окружные комитеты КПП издали воззвания и организовали митинги протеста. Коммунистический депутат сейма Янина Игнасяк-Минковская вспоминает, что было проведено много митингов протеста в Лодзи²². Однако, наиболее широкий размах эта форма протеста приобрела в октябре — ноябре 1933 г.

Газеты «Час» и «Роботник» систематически помещали подробные и довольно объективные отчеты о ходе процесса. В них отмечалось, что большой сенсацией первого дня процесса явились показания Ван-дер-Люббе, который отрицал свою принадлежность к коммунистической партии. Гол-

¹⁴ «Robotnik», 3 III 1933.

¹⁵ «Czas», 17 VIII 1933.

¹⁶ Ibid., 24 VIII 1933.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid., 21 IX 1933.

¹⁹ «Robotnik», 21 IX 1933.

²⁰ AZHP, sygn. 158/VI — 16 pt. 8, k. 16.

²¹ «Czerwoy Sztandar», 1933, listopad, s. 2.

²² Отчет Я. Игнасяк-Минковской см.: AZHP, sygn. 1393, poz. 18.

ландец признавался в поджоге рейхстага, утверждая, что таким способом он хотел вызвать волнения рабочих против правительства Гитлера. Пожар должен был послужить сигналом к выступлению рабочих²³.

Обе газеты подробно сообщали о первых показаниях Димитрова. Корреспондент «Часа» писал: «Показания Димитрова ясны и благоразумны. Он прекрасно говорит по-немецки и безупречно формулирует свои ответы. Он решителен и уверен в себе. Все это вызывает недовольство судей»²⁴. А «Роботник» свой отчет о третьем дне процесса озаглавил «Мужественное выступление болгарского коммуниста Димитрова»²⁵. Пресса детально информировала общественное мнение Польши о деятельности Димитрова до 1933 г. Печатались подробная биография подсудимого и его показания на суде. Димитров признавал свое участие в подготовке Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии и в сопротивлении террору диктатуры А. Цанкова. Обе газеты выделили те части его показаний, где он решительно отвергал инкриминированное ему болгарскими правыми и гитлеровцами участие в покушении на царя Бориса и в организации взрыва в Софийском соборе в 1925 г. «Час» особо отметил ту часть выступления Димитрова, в которой он утверждал: «Я всегда горячо желал свершения пролетарской революции. Я являюсь членом Исполкома Коммунистического Интернационала и за свою коммунистическую деятельность готов нести ответственность. Но я осуждаю всякого рода путчи. Я — сторонник диктатуры рабочего класса, так как только она явится средством избавления от кризиса»²⁶. В отчете о седьмом дне расправы в Лейпциге корреспондент «Роботника» сообщал: «Самый большой интерес вызывает личность Димитрова, необыкновенно темпераментного политического деятеля, который занимает наиболее смелую позицию, неоднократно разоблачая тенденциозность тех, кто ведет следствие»²⁷.

Освещая подробно ход процесса, пресса все чаще подчеркивала мужество, мудрость и бескомпромиссность Димитрова. Даже орган Национальной рабочей партии «Правда», придерживаясь антикоммунистической версии событий и обвиняя Димитрова в покушении на царя и взрыве собора в Софии, отметила его исключительную роль во время Лейпцигского процесса. «Димитров — писала газета, — является несомненно самой яркой личностью на скамье подсудимых. Свое положение обвиняемого он с большим умением и искусством использует для агитации. Его полемика с председателем суда такова, что ей мог бы позавидовать самый изощренный адвокат-специалист при ведении защиты в больших уголовных процессах. И надо признать, что председатель суда отнюдь не является победителем в этих словесных поединках. Димитров также выше на голову и в сравнении со своим защитником...»²⁸. Постепенно он стал центральной фигурой процесса. Остальные подсудимые оставались в тени. Димитров защищал не только себя, но и представляемую им партию и ее идеологию. Корреспондент «Роботника» писал по этому вопросу: «Создается впечатление, что Димитров взял на себя формальную роль защитника немецкой коммунистической партии, против которой общественные обвинители нагромождают с каждым разом все новый обвинительный материал»²⁹.

Сообщения социалистической, либеральной, буржуазно-либеральной и даже консервативной прессы составили довольно обширную и всесторон-

²³ «Czas», 23 IX 1933.

²⁴ Ibid., 24 IX 1933.

²⁵ «Robotnik», 24 IX 1933.

²⁶ «Czas», 24 IX 1933.

²⁷ «Robotnik», 29 IX 1933.

²⁸ «Prawda», 29 X 1933.

²⁹ «Robothik», 3 XII 1933.

нюю подборку информативного материала о процессе и позиции Димитрова на нем.

Этот материал по своему содержанию не на много отличался от сведений, сообщаемых нелегальной коммунистической прессой. Орган ЦК КПП «Червонь Штандар» в декабре 1933 г. поместил большую статью в связи с процессом. Собственно вся статья была посвящена Димитрову. «На скамье подсудимых — говорилось в ней — под градом оскорблений министра-поджигателя Димитров спокоен и усмехается. Именно такое его поведение, его слова вызвали истерический взрыв Геринга. В бешенстве, с пеной на губах, выставляя на посмешище всю комедию суда, первый палач Пруссии воет на тов. Димитрова: «Подожди, только выйди из этого здания, а там я с тобой расправлюсь». Подчеркивались энергия и темпераментность Димитрова: «Революционная энергия тов. Димитрова родилась и возматрала в борьбе, которую молодой пролетариат Болгарии противопоставил нажиму врага и предательству оппортунистов»³⁰.

Беспочвенные обвинения и мужественная защита на процессе способствовали тому, что к осени 1933 г. Димитров стал одной из наиболее популярных личностей в мире.

Наряду с КПП, митинги, демонстрации, лекции организовывал Польский антивоенный и антифашистский комитет. Во главе этого комитета стоял сенатор-коммунист Стефан Богушевский. В состав комитета входили, среди прочих, такие выдающиеся люди как известный социолог проф. д-р Стефан Чарновский, писатель Леон Кручковский, общественная деятельница Анонина Соколич, депутаты сейма Рожек и Х. Розенберг, известный педагог В. Спасовский и др. Как вспоминает М. Шулькин: «Несмотря на полицейские репрессии дело освобождения тов. Димитрова стало очень популярным среди широких кругов польского общества. Мы получали многочисленные резолюции протеста и выражения солидарности, присылаемые в адрес Комитета, особенно много было резолюций от молодежных организаций разных городов, поселков и деревень»³¹. В кампанию протеста активно включились также социалисты. 1 октября Варшавский окружной рабочий комитет ППС организовал большую демонстрацию под лозунгами борьбы с фашизмом и протеста против суда в Лейпциге. Редакция «Роботника», сообщая о митинге, писала: «Лейпцигский процесс о поджоге рейхстага стал сейчас для трудящихся масс символом, ибо он соединяет в себе все элементы, характерные для фашистской диктатуры — продажный трибунал, клятвопреступных свидетелей и самую бессовестную провокацию... Поэтому пролетариат Варшавы в таком большом числе собрался на митинг, демонстрируя свою тесную связь с происходящими событиями»... Подчеркивая роль Димитрова, обозреватель «Роботника» писал: «Несмотря на различие наших и Димитрова убеждений, мы отдаем дань его мужеству, которое он проявляет на скамье подсудимых, которая в залитых кровью застенках является преддверием эшафота...»³².

14 октября 1933 г. в Варшаве, на ул. Каровой в зале Общества гигиены Польским антифашистским и антивоенным комитетом была организована специальная лекция Л. Кручковского. Чтобы избежать репрессий со стороны властей, официально организатором объявлялся академический кружок друзей Лиги наций. Кручковский должен был говорить на тему: «Зарево над Германией — пожар в рейхстаге на процессах в Лондоне и Лейпциге»³³.

³⁰ «Czerwony Sztandar», 1933, grudzień, s. 12.

³¹ Отчет М. Шулькина см.: AZHP, sygn. 1393, poz. 15.

³² «Robotnik», 2 X 1933.

³³ «Robotnik», 14 X 1933. Как явствует из отчета М. Шулькина, в последний момент лекция была запрещена и перед собравшимися выступили сенатор Богушевский и депутат Рожек.

В Верхней Силезии коммунисты организовали многочисленные митинги и демонстрации, в частности, у немецкого консульства в Катовицах³⁴. Полиция с помощью прикладов разогнала демонстрантов. В Лодзи тоже была устроена демонстрация у здания немецкого консульства. На толпу демонстрантов была пущена конная полиция³⁵.

Процесс о поджоге рейхстага закончился в декабре 1933 г. Ван-дер-Люббе был вынесен смертный приговор. Остальные обвиняемые были оправданы. Прогрессивное общественное мнение расценило это решение суда как поражение фашизма и большой успех сил демократии. Было очевидно, что гитлеровский суд вынужден был принять такое решение прежде всего вследствие хорошо продуманной и искусной защиты Димитрова и давления мирового общественного мнения. Немалую роль в этой борьбе сыграли трудящиеся массы и передовая общественность Польши. Справедливо Димитров был признан центральной фигурой процесса и первым политиком, нанесшим удар гитлеровцам.

Редакция «Роботника», сообщая о приговоре Лейпцигского трибунала, писала: «Приговор, оправдывая четырех коммунистов, осуждает гитлеровцев. Коммунистическая партия не имела отношения к поджогу рейхстага. Нет никаких доказательств ее причастности к этому делу. Поджог — дело рук гитлеровцев. Свержение преступного гитлеровского правительства будет возможно только в случае объединения всего рабочего класса»³⁶.

«Червоны Штандар» в январе 1934 г., подводя итоги, писал: «Лейпцигский процесс завершился поражением фашистского правительства Гитлера... В Лейпциге не думали судить частных лиц. Там судили Димитрова — члена Исполкома Коммунистического Интернационала. Судили Попова и Танева — членов Центрального Комитета Коммунистической партии Болгарии. Судили Торглера — председателя коммунистической фракции рейхстага. Вершилась комедия суда над Коммунистическим Интернационалом. Но на скамье подсудимых в Лейпциге оказался не коммунизм, а кровавый гитлеровский фашизм во всей его мерзости. Героическая защита обвиняемых сделала явными все его преступления и провокации, сняла с него всю маскировочную шелуху. Лейпцигские обвиняемые высоко подняли знамя коммунизма... Это коммунизм героически защищался в Лейпциге. Это коммунизм атаковал и разоблачал преступления фашизма в Лейпциге. Это коммунизм победил в Лейпциге»³⁷.

Коммунисты, оправданные судом, все еще оставались в тюрьме. Опасались, что гитлеровцы попытаются расправиться с ними, не взирая на решение суда. «Час» уже 28 декабря 1933 г. сообщал, что Димитров и Торглера вновь должны предстать перед судом вместе с арестованным в феврале 1933 г. руководителем КПГ Э. Тельманом, на этот раз по обвинению в государственной измене³⁸. В том же номере газеты рассказывалось об освещении процесса советской прессой³⁹.

В начале февраля «Роботник» с беспокойством писал: «Мстительный дегенерат Геринг не хочет выпускать Димитрова из своих лап. Матери Димитрова заявили, что ее сын должен понести наказание за его поведение на суде». Газета строила умозаключения, утверждая: «Гитлер из внешнеполитических соображений хотел отпустить болгар и продемон-

³⁴ Sprawozdanie OK KPP Górny Śląsk za listopad 1933. AZHP — 158/XII — 19, t. II, k. 35.

³⁵ Отчет Я. Игнасьяк-Минковской см.: AZHP, sygn. 1393, poz. 18.

³⁶ «Robotnik», 28 XII 1933.

³⁷ «Czerwony Sztandar», 1934, styczeń, s. 8—9.

³⁸ «Czas», 28 XII 1933.

³⁹ Ibid.

стрировать таким способом свой «гуманизм». Геринг же руководствуется жаждой личной мести (за высказывания Димитрова по поводу свидетельских показаний Геринга на процессе) и стремлением развязать в стране пропагандистскую кампанию против болгарских коммунистов»⁴⁰. Подробно сообщалось о месте пребывания героев процесса, тюремных условиях, об усилиях, направленных на их освобождение, и т. д. Позднее была организована кампания защиты. К ее проведению призвал «Червоны Штандар» следующим образом: «Мощный протест трудящихся масс всего мира заставил гитлеровских палачей вынести оправдательный приговор. Но кровавые изверги не хотят выпустить оправданных лиц из своих лап. Сказал же Геринг, что он плюет на все приговоры, что не выпустит живыми Димитрова и его товарищей. Немецкие фашисты на весь мир кричат о законности, независимости своих судов, ссылаясь на приговор, который их заставили вынести, и в то же время они продолжают держать в тюрьме Димитрова, Попова, Танева, Торглера. Требуем немедленного их освобождения. Призываем к массовым революционным демонстрациям у немецкого посольства и консульств, против кровавого палача Гитлера, который вместе с палачем Пилсудским, несмотря на все, что их разделяет, готовят новую войну против СССР»⁴¹.

11 февраля «Роботник» сообщал, что Димитров заявил немецким властям о своем намерении начать голодовку, если его в ближайшее время не освободят. При этом Димитров сказал, что не сделал этого до сих пор «только из-за своей старой матери»⁴². 18 февраля газета сообщила о получении тремя болгарскими советского гражданства, о просьбе, заявленной Советским правительством через свое представительство в Берлине, ускорить их выезд⁴³. До этого проблема выезда осложнялась тем, что болгарские коммунисты, преследуемые судебными органами Болгарии, не могли выехать на родину.хлопоты о выезде в Чехословакию и Францию натолкнулись на трудности и сопротивление. Предоставление советского гражданства снимало эти трудности. 28 февраля 1934 г. «Роботник» информировал читателей о том, что накануне три болгарина самолетом были переправлены в Кенигсберг, а оттуда в Москву, где в 19 часов вечера их приветствовали встречающие. 1 марта газета поместила отчет о встрече героев Лейпцигского процесса в Москве и фрагменты интервью Димитрова, который рассказал о процессе и условиях пребывания в тюрьме. В течение пяти месяцев их держали в каютах. В заключение Димитров сказал: «Я приехал в СССР — мою пролетарскую родину. Мы покидали Германию с чувством жгучей ненависти к фашизму и горячей любви к немецкому пролетариату, с которым мы солидарны»⁴⁴.

Из польских сотрудников ИККИ участвовали во встрече Димитрова и его товарищей в Москве Т. Данишевский, Э. Узданийский и др.

Литературный журнал, двухмесячник «Левар» опубликовал 1 декабря 1933 г. анкету, в которой были вопросы: 1. Что Вы думаете о подоплеке и мотивах процесса о поджоге рейхстага? 2. Какое впечатление на Вас произвело судебное разбирательство (обвиняемые, обвинители, защита и свидетели)? 3. Как Вы оцениваете глубину потрясения, вызванного Лейпцигским процессом в мировом общественном мнении?

Редакция «Левара» осудила процесс как «памятник грязному позору, коричневый памятник действительным поджигателям, выступающим на

⁴⁰ «Robotnik», 6 II 1934.

⁴¹ «Czerwony Sztandar», 1934, styczeń, s. 9.

⁴² «Robotnik», 11 II 1934.

⁴³ Ibid., 18 II 1934.

⁴⁴ «Robotnik», 1 III 1934; G. D y m i t r o w. Oeuvres choisies en trois volumes, t. 1. Sofia — Presse. 1972, p. 468—477.

процессе в качестве судей, сегодняшним правителям Германии, хозяйничающим с помощью палаческого топора». Журнал опубликовал 17 ответов на анкету. Из них только один (М. Е. Велёпольской) выражал прогитлеровские симпатии. Остальные анкетированные расценили пожар как провокацию национал-социалистов, осуждали режим Гитлера и поддерживали Димитрова. Рафал Лен из Лодзи, подчеркивая роль Димитрова, писал, что «международный пролетариат не мог бы выбрать лучшего представителя для защиты своего достоинства перед судом палачей». Мариан Чухновский утверждал: «Мужественное поведение Димитрова, замечательная смелость, блистательная интеллигентность, необыкновенное чувство ориентации в потоке провокации завербованных свидетелей — прекрасный образец для борющегося пролетариата, образец хладнокровия и решительности пролетарского борца». Юлиан Пшибось подчеркивал, что: «Судебное разбирательство было ареной победоносной борьбы прежде всего Димитрова. Его схватка с бесноватым Герингом была моментом наивысшего драматизма, блеска торжества интеллигентности и силы характера над мышлением капрала. Мужество этого подсудимого болгарина ослабило впечатление о поражении немецкого пролетариата». По мнению Л. Кручковского, процесс мог бы стать еще одной обычной в истории комедией «справедливости», если бы не Димитров, который придал ему совсем другой характер. «Не переоценивая роли отдельной личности в массовом общественном движении, — писал Кручковский, — я, однако, считаю, что этот мужественный представитель болгарского пролетариата совершил нечто удивительное: в дни неистового террора немецкого фашизма, одержавшего победу, он в самом средоточии его вызывающей ужас власти один на один с его кровавым обличьем продемонстрировал несгибаемый, непобедимый героизм международного рабочего движения»⁴⁵.

Приведенные материалы свидетельствуют, что оценка в Польше Лейпцигского процесса и роли Димитрова была в общем однозначной. Подчеркивались провокационный характер процесса, мужество и интеллигентность Димитрова и международное значение его защиты. Голоса, разделяющие точку зрения гитлеровской пропаганды, были очень немногочисленны. Им в основном вторила клерикально-националистическая пресса. Особо следует отметить определенную объективность консервативного «Часа», большую активность социалистического «Роботника». Наиболее активно выступала коммунистическая пресса. Но она была нелегальной, выходила с опозданием и доходила до относительно небольшого круга читателей. Важное значение в правильном информировании общественного мнения о процессе и роли в нем Димитрова имела легальная либерально-демократическая пресса. Она во многом способствовала популяризации Димитрова и той идеи, во имя которой он выступал на процессе. Коммунисты издали несколько воззваний и брошюр. Значительную роль играли издательства, возглавляемые коммунистическими организациями, и издательства легальных обществ.

Была опубликована брошюра Е. Адамского «Георгий Димитров. Лейпцигский процесс»⁴⁶. В 1934 г. вышла в переводе на польский язык так называемая «Коричневая книга».

Растущая популярность Димитрова была успехом Коммунистического Интернационала и всего революционного рабочего движения. Опыт международных выступлений против гитлеровской диктатуры в защиту Димитрова сыграл важную роль в выработке новых стратегических и тактических концепций Коммунистического Интернационала.

⁴⁵ «Lewar», 1 IV 1934.

⁴⁶ Z. A d a m s k i. Geogi Dymitrow (Proces lipski). Warszawa, 1934.

В Польше на рубеже 1933—1934 гг. кампания защиты Димитрова способствовала установлению более тесного сотрудничества коммунистов, социалистов и рабочих, связанных с другими политическими партиями. Социалистическая пресса неоднократно призывала к совместным выступлениям в защиту Димитрова и политзаключенных в Польше. Единофронтные выступления усилились на фоне совместной борьбы против внешней политики правительства Пилсудского, который в январе 1934 г. решился на подписание с правительством А. Гитлера декларации о ненападении.

В последующие годы популярность Димитрова в Польше постоянно возрастала. В нем справедливо видели одного из авторов принятых на VII конгрессе Коминтерна решений о развертывании борьбы за создание демократического антифашистского народного фронта. Выходящий в Польше журнал народного фронта «Дзенник Популяры» в 1936 г. выдвинул Димитрова кандидатом на Нобелевскую премию мира. Большой популярностью пользовались впоследствии каждый доклад и выходившие из печати работы Димитрова ⁴⁷.

⁴⁷ G. D y m i t r o w. Faszizm to wojna. Wydawnictwo KC KPP. Warszawa, 1937; e g o ж е. Jednolity front międzynarodowego proletariatu i ludów przeciwko faszizmowi. Po spisku w Monachium, b.d.w.; Proces o podpalenie Reichstagu. Dokumenty, listy, notatki g. Dymitrowa. Moskwa, 1944.



И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

ЛЮДЕВИТ ГАЙ

Национальное пробуждение хорватского народа в первой половине XIX в. неразрывно связано с именем Л. Гая, 100-летие со дня смерти которого отмечалось в апреле 1972 г. Идеолог и организатор освободительной борьбы на заре формирования хорватской нации, реформатор литературного языка хорватов, поборник национальной культуры, Л. Гай был первым хорватским деятелем общенационального масштаба.

Он родился 8 июля 1809 г., в тревожное время наполеоновских войн, в небольшом городке Крапина, расположенном в живописном хорватском Загорье. Отец его был аптекарем. Уже в гимназические годы Гай стал интересоваться историей своего народа. Он познакомился с историческими трудами, в которых рассказывалось о славе, силе и героическом прошлом южных славян. В 1826 г. молодой Гай выпустил на немецком языке брошюру о замках, расположенных вблизи Крапины. С ними было связано старинное сказание, вошедшее в историческую литературу, о трех братьях — Чехе, Лехе и Мехе, явившихся родоначальниками трех славянских держав — Чехии, Польши и Московии. Первое печатное сочинение Гая было проникнуто мыслью о величии славянской истории. В том же году появились первые стихотворения Гая на местном диалекте, воспевающие его родное Загорье.

Решающими в формировании мировоззрения Гая были студенческие годы. Университетский курс он начал в Вене, продолжил в Граце и закончил в Пеште. Со второго десятилетия XIX в. в связи с усилением процесса образования наций, значительно оживилась национальная и культурная жизнь угнетенных славянских народов в Австрийской империи. С 1814 г. в Вене стали выходить сборники сербских народных песен, собирателем и издателем которых был Вук Караджич. Очень скоро слава о них распространилась по всей Европе. Составленный Караджичем на новой орфографии словарь с грамматикой сербского языка, включивший слова только из живой народной речи, заложил основу нового литературного языка сербов. Появились сборники чешских и словацких народных песен. Потребность в развитии национальных литературных языков обусловила выход словарей и грамматик. В кругах чешской общественности велись горячие споры о новой чешской орфографии. Остро стоял вопрос о литературном языке для словаков. Рождались фантастические замыслы о едином общеславянском языке.

20—30-е годы знаменовались подъемом славянской науки. Вышли из печати фундаментальные труды Павла Йозефа Шафарика в области литературоведения и истории. Они теоретически обосновывали этническую, историческую и культурную близость славян и раскрывали роль и

место славянских народов в мировом историческом процессе. В 1824 г. была издана романтическая поэма Яна Коллара «Дочь Славы», воспевавшая героическое прошлое славян и их выдающихся деятелей. Поэма Коллара была проникнута чувством гордости за славян и их историю, сознанием большой близости славянских народов друг к другу и содержала призыв к единству.

В студенческие годы Людевит Гай был свидетелем идейных поисков и завоеваний деятелей славянского Возрождения в Австрийской империи. Молодой хорват вращался в кругу чехов, словаков, сербов и словенцев, которые задумывались над вопросами национального развития и находились под сильным влиянием колларовского учения о славянской взаимности. В Пеште Гай лично познакомился с Колларом, а через него затем и с Шафариком. Коллар пользовался в это время большим влиянием на славянскую молодежь в венгерской столице. Шафарик завладевал умами передовой славянской интеллигенции.

Сконца XVIII в. и хорваты, которые также были угнетенным народом в Австрийской империи, переживали национальное Возрождение. На начальной стадии оно проявилось в системе общественных идей, а затем в национально-освободительном движении, что было связано с переходом от феодализма к капитализму и формированием хорватской нации в условиях национального гнета. В идеологии и практике национального Возрождения были представлены общественные силы различного сословно-классового характера, преследовавшие неодинаковые цели. Но содержание общественной мысли и освободительного движения той эпохи в конечном счете определялось потребностями поднимавшегося буржуазного общества в обстановке инонационального угнетения.

Людевит Гай включился в процесс национального Возрождения, когда в Хорватии созрели объективные и субъективные предпосылки для перерастания отдельных публичных выступлений за разрешение общественных противоречий, назревших в результате развития капитализма, в организованное национальное движение.

Еще будучи в Пеште, Гай проникся сознанием культурно-языковой и исторической общности славянства, колларовского учения о славянской взаимности — учения о сближении славянских народов через взаимное познание истории, литературы, языков и культур. Идеи Шафарика и Коллара, укрепляя уверенность в неизбежном национальном Возрождении, обосновывали возможность усиления немногочисленных хорватов через духовное и культурное их сближение с другими славянами. Гай воспринял учение о славянской взаимности, исходя из потребностей хорватского народа в поддержке и опоре для защиты своего национального существования перед лицом мадьяризации и германизации, для достижения национального равноправия и свободы.

Хорватская территория была раздроблена в административно-политическом отношении, в провинциях была неодинаковая система управления. В Хорватии, Славонии и Приморье при засилье латинского и немецкого языков хорваты подвергались насильственной мадьяризации, в Военной Границе — германизации, а в Далмации и Истрии интенсивно протекал процесс италянизации югославянского населения. У хорватского народа не было единого литературного языка. Местные диалекты (кайкавский, штокавский и чакавский) имели богатые литературные традиции. Положение усложнялось неупорядоченностью и пестротой орфографии провинциальных наречий. Неудивительно поэтому, что изменение общественных отношений, потребности развивавшейся нации в условиях чужеземного угнетения раньше всего обусловили осознание передовыми хорватами необходимости литературно-языкового объединения народа.

Творчески осмыслив учение о славянской взаимности, Гай издал в 1830 г. на кайкавском диалекте и немецком языке брошюру, в которой высказался за единую орфографию для всех хорватов и близких к ним словенцев на базе реформированного им правописания кайкавского диалекта. В основу нового правописания Гай положил чешскую графику, т. е. принцип обозначения каждого звука посредством одной латинской буквы с использованием при этом надстрочных, так называемых диакритических, знаков.

Колларовское учение о славянской взаимности помогло Гаю подняться над узкоместными традициями, понять назревшие нужды национального и культурного развития хорватского народа и целесообразность духовного сближения хорватов с другими родственными народами.

В начале 30-х годов XIX в. национальные идеи захватили довольно широкий круг хорватской общественности. Еще в студенческие годы Гай установил связи с патриотически настроенной загребской интеллигенцией и оказывал идейное влияние на нее. По окончании Пештского университета, с конца 1831 г. он поселился в Загребе. Прекрасно образованный, обладавший блистательным красноречием, энергичный, Гай сумел сплотить вокруг себя единомышленников, а неформившимся идеям и неосознанным тенденциям придать конкретность в виде программы действий.

Свою общественную деятельность Гай и его соратники начали с создания печатного органа для пропаганды национальных идей и объединения патриотических сил. После трехлетнего ожидания от австрийских властей было получено разрешение на издание национальной политической газеты и литературного журнала. 1 января 1835 г. в Загребе вышел первый номер газеты «Новине хорватске» с литературным приложением «Даница хорватска, славонска и далматинска» на кайкавском наречии и в старом правописании. Их издателем был Людевит Гай. Газета явилась идейным и организационным центром, объединившим проникшихся национальным сознанием хорватов, а также многих других югославян. Ее выход знаменовал собой начало организованного национально-освободительного движения, которое по своей ведущей идее «Великой Иллирии» получило название иллиризма.

Гай, испытавший в большей мере, чем остальные деятели Возрождения, идейное влияние Шафарика и Коллара, наиболее обстоятельно и последовательно разработал теоретическую основу движения. Ее составляла идея этнического родства, культурно-языковой близости и единства исторических судеб всех славянских народов.

Рассматривая славян как один народ, хорватский деятель символично изобразил славянство в виде огромного великана. Омываемую Адриатическим морем голову колосса представляла средняя Иллирия, грудь — Венгрия и Карпаты. Сердце славянского великана находилось под Татрами, желудок составляла польская равнина, а живот и ноги — неизмеримые русские просторы. В руках он держал Черное и Балтийское моря, ногами упирался в Китайскую стену.

Гай и его последователи в своих работах проводили мысль об автохтонности славян в Европе, отмечали древность их истории и богатство культуры, указывали на общие для славян, немцев, греков и других европейских народов законы развития, подчеркивали важный вклад славян в создание и развитие европейской цивилизации. Тем самым обосновывалось право славянских народов на национальное существование, свободу и равноправие. Взгляды Л. Гая на происхождение и развитие славянства соответствовали уровню научных знаний того времени, хотя в романтической увлеченности он допускал серьезные преувеличения.

В устах буржуазно-дворянских деятелей теория славянского единства была обоснованием всестороннего сотрудничества славян под руководством буржуазных сил во имя и с целью национального освобождения. В первых десятилетиях XIX в., когда буржуазное общество социально и политически было неразвито, внутренние противоречия в нем не достигли высокой степени остроты и выразительности, когда буржуазные идеологи, говорившие от лица нации, хотя и в не полной мере, отражали ее потребности, лозунг всеславянского единства был свободен еще от той классовой корысти, которая находится в противоречии с интересами трудящихся масс.

Центральной идеей хорватского национально-освободительного движения в первой половине XIX в. была мысль о «Великой Иллирии». Определенность и законченность этой идее придал Гай. Понятием Великая Иллирия он и его единомышленники охватывали все южнославянские и, частично, прилегавшие соседние земли. Однако практически идеологи иллиризма сводили воображаемую Великую Иллирию к областям, где жили сербы, хорваты и словенцы (идея объединения этих народов охватывалась понятием «югославизм»). Основанием для объединения южнославянских провинций в начертанную фантазией Великую Иллирию служило Гаю представление о национальном единстве южных славян, происходящих якобы от древних иллирийцев. Было выдвинуто единое собирательное имя для всего адриатического славянства — «иллирь». Оно должно было духовно сплотить южнославянские народы. Мысль о Великой Иллирии содержала утверждение о необходимости и правомочности тесного сплочения балканских славян в борьбе за национальную свободу и общественный прогресс.

Идея Великой Иллирии родилась в Хорватии не случайно. Она отражала реальные условия жизни угнетенного, малочисленного и раздробленного хорватского народа. Необходимость преодоления феодального наследия, изолированности хорватских провинций друг от друга, с одной стороны, потребность в опоре для противодействия инонациональному давлению и насильственной денационализации, с другой, — породили у Гаю и его последователей теоретическое положение о национальной целостности южных славян, которое непосредственно вело к выводу о необходимости их согласованных действий. Представление о южнославянском национальном единстве опиралось на большое родство южных славян между собой. Наука обосновала единство их происхождения и общности исторических судеб. Национальный гнет, которому подвергались или который пережили эти народы, был объединяющей их политической реальностью. Вполне очевидной была и близость языков, культур и быта южных славян. Наконец, росли и крепили экономические связи на Балканах. Все это определило субъективное восприятие Гаю и его последователями южных славян как одного народа.

Определенное влияние оказывала распространенность в то время в Европе национальных объединительных идей.

В 30—40-х годах XIX в. идея Великой Иллирии завладела сознанием не только хорватской общественности, но и многих представителей других югославянских народов. Ее объективный смысл нельзя определить однозначно. В хорватском аспекте идеологическое положение, утверждавшее национальную целостность народа независимо от провинциальных различий и административно-политических перегородок, содействовало сплочению хорватов в нацию. В то же время упор на национальное единство всех южных славян тормозил осознание хорватами своего отличия от родственных народов. В южнославянском аспекте идея Великой Иллирии отражала прогрессивное стремление этих народов к сближению, сотрудничеству

и контактам. Однако, представляя южных славян как единое национальное целое, она не соответствовала потребностям их индивидуальной национальной консолидации и потому в полной мере не отражала назревших задач их исторического развития.

В соответствии с теорией национального единства южных славян иллирийское движение в культурно-идеологическом отношении преследовало цель литературно-языкового и культурного объединения балканских славян. За казавшимся реальным и близким литературно-языковым слиянием должно было последовать в будущем государственное объединение южнославянских народов.

Л. Гай выступил наиболее зрелым выразителем новой концепции культурного развития хорватов, которая проистекала из потребностей формирования нации. Он был также инициатором и одним из организаторов общественных начинаний в области культуры. Гай и его соратники считали ее общей для всех южных славян. В действительности же новая культура не могла быть и не стала южнославянской. В годы Возрождения были заложены основы современной общенациональной культуры хорватского народа.

С именем Людевита Гаия связан кардинальный поворот в литературно-языковом развитии хорватов. В 1836 г., отказавшись от родного кайкавского говора, который господствовал в Загребе, он перевел газету и журнал на штокавский диалект с новой орфографией, на котором говорила большая часть хорватов и все сербы. Языковая реформа не была случайным шагом со стороны загребских национальных деятелей. Она была подготовлена всем ходом культурного развития народа. Благодаря тому, что общенациональный литературный язык хорватов опирался на разговорный диалект, общий для сербов и части хорватов, были заложены основы литературно-языкового единства хорватского и сербского народов.

Как было сказано выше, Людевит Гай являлся издателем центрального органа хорватского национального Возрождения — газеты с литературным приложением, значение которой трудно переоценить для общественного развития хорватского народа той поры. В 1838 г. начала работать его типография, что значительно улучшило условия издания литературы на национальном языке. Гай принимал активное участие в организации и деятельности загребской читальни, которая выполняла роль центрального общественно-политического клуба сторонников иллиризма. В 1842 г. при ней был создан особый денежный фонд для издания книг на национальном языке под названием «Матица илирска». Были предприняты шаги с целью основания постоянного национального театра. Гаю принадлежала мысль о создании национального музея.

Культурно-просветительная деятельность представителей хорватского Возрождения разворачивалась на фоне широких связей носителей иллиризма, в первую очередь самого Гаия, со славянской общественностью, в особенности с ее прогрессивной частью. Гай прилагал усилия, чтобы на практике возможно теснее сблизить свой народ с остальными югославянами. На страницах его периодических изданий систематически и все-сторонне освещалась общественная и культурная жизнь в югославянских землях. Гай вел оживленную переписку с национальными деятелями, представителями науки и культуры, лично встречался с ними. В 1841 г. Л. Гай и А. Мажурач совершили поездку в Цетинье, где познакомились с владыкой, выдающимся черногорским поэтом Петром II Негошем. В 1846 и 1847 гг. Л. Гай посетил Сербию.

В области литературы, печати, книгообмена, личных отношений развивались также хорватско-чешские, хорватско-словацкие и хорватско-польские связи, в центре которых был Людевит Гай. Виднейший предста-

витель хорватского Возрождения был лично знаком и вел переписку с самыми известными чешскими и словацкими будителями: Шафариком, Колларом, Палацким, Эрбеном, Ганкой, Гавличком-Боровским, Челаковским, Штуром, Врховским, Гурбаном и др.

Эти связи служили делу национального освобождения угнетенных народов.

Журнал Гая «Даница» впервые стал знакомить хорватскую читательскую публику с общественной жизнью России, с русской публицистикой, поэзией, прозой (в переводе). Хорватия узнала о Пушкине, Крылове, Лермонтове, Кольцове, Д. Давыдове, Гоголе и других представителях русской культуры.

В 1840 г. Гай посетил Россию, рассчитывая получить здесь материальную помощь. В Москве он вращался в кругу славянофилов. Хомяков писал Языкову в те дни: «Наша Москва входит в славу. Сюда явился Гай, восстановитель словенства иллирийского». Гай познакомился с историческими памятниками, бытом, театрами Москвы и Петербурга. Ему была оказана материальная помощь, благодаря которой он приобрел собрание рукописей, книг, разных древностей и редкостей для национального музея. Будучи в России, он собрал также значительную коллекцию русских книг и рукописей. В 1842 г. Гай был избран действительным членом Одесского общества любителей истории и древностей.

Хорватское национально-освободительное движение было неоднородно в социальном и идейном отношении. Л. Гай возглавлял прогрессивное течение, которое, хотя и было временно слабее, определяло направление движения в целом. В 40-х годах программа этого лагеря, помимо культурно-просветительных вопросов, предусматривала воссоединение хорватских земель в одну административно-политическую единицу, их внутреннюю самостоятельность, преобразование общественно-политического и экономического строя в буржуазном направлении.

В этот период сторонники иллиризма, направляемые Гаем, развернули политическую борьбу. Современники оставили свидетельства о выдающихся ораторских способностях Л. Гая, о его умении воздействовать живым словом на разум и сердца слушателей. Свои национально-политические цели участники иллиризма стремились осуществить, опираясь на исконные политические институты Хорватии — местные дворянские собрания и сабор. Но прежде следовало приобрести влияние в них. Противниками иллиризма были мадьяроны. Так современники именовали сторонников антинациональной дворянской группировки, преследовавшей цель изоляции хорватов от других югославян и политического слияния Хорватии с Венгрией. Борьба между иллирами и мадьяронами в 40-х годах доходила до вооруженных столкновений.

Обострение национального конфликта на востоке Австрийской империи, сближение югославян между собой обеспокоили правительство. В 1843 г. был объявлен императорский декрет о запрещении в печатных изданиях терминов «иллиры», «иллирийский». Оно имело глубокий политический смысл. Тем самым был нанесен удар по объединительным тенденциям иллиризма. Это была попытка изолировать хорватское национально-освободительное движение, лишить его союзников в югославянской среде, ограничить его задачи и масштабы.

Запрещение названия «иллиры» в первое время вызвало некоторую растерянность среди участников хорватского национального движения. В нем активизировались консервативные силы. В обстановке обвинений и нападок Гай вынужден был отказаться от открытой политической деятельности. Однако он не утратил авторитета и влияния в национальных кругах. В это время активизировались конспиративные связи Гая с поль-

ской эмиграцией и югославянскими деятелями. Его идеалом было независимое государство югославян.

Мартовская революция 1848 г. в Вене и Пеште вызвала небывалый политический подъем в Хорватии. Гай был наиболее популярным национальным деятелем в первые месяцы революционных событий. Его газета отстаивала требования конституционных свобод, национального равноправия, освобождения крестьян. Прибывавшие в Загреб из хорватских земель депутации приветствовали Гаю как лидера либеральных сил.

Глубочайший кризис Австрийской феодально-абсолютистской империи на фоне нарастающей революционной бури в Европе породили у радикально настроенных в национальном отношении югославянских общественных деятелей надежду на возможность осуществления политического идеала югославянской государственности. В Хорватии главным носителем югославизма, искренним сторонником образования независимого государства югославян был Людевит Гай. В 1848 г. были предприняты практические шаги по подготовке национального освобождения и политического объединения югославян. С этой целью Гай поддерживал связь с И. Гарашаниным, министром внутренних дел Сербии, который фактически руководил и внешней политикой княжества. В апреле 1848 г. эмиссар сербского правительства М. Бан совершил поездку по югославянским провинциям Австрийской империи, а также посетил Черногорию для налаживания контактов, выявления единомышленников и координации акций. Сербские буржуазные деятели в Воеводине в контакте с Гаем составили в июне план войны балканских народов против угнетателей. Проект отводил Гаю важную роль в организации борьбы. Идея независимого югославянского государства предугадывала направление и отражала потребности общественно-политического развития югославянских народов. В этом состояла ее прогрессивность, несмотря на то что она была трудно осуществима в первой половине прошлого столетия. Но в условиях революции 1848 г. Гай и другие сторонники югославизма совершили серьезную практическую ошибку, считая первоочередной задачей подавление Венгрии. Тем самым они сталкивали югославизм с революцией.

Людевит Гай был личностью сложной, в некоторых отношениях неустойчивой, не всегда принципиальной в выборе путей и способов действий. Победа контрреволюции в Австрийской империи в 1849 г. сломила его. Он продал свою газету правительству.

В 60-е годы XIX в., когда хорватское национально-освободительное движение переживало новый подъем, Гай вновь пытался выйти на арену общественно-политической деятельности. 1867 г. он приезжал в Россию на Этнографическую выставку. Но то была уже новая эпоха, проблематика и характер которой определяли новые социальные силы. Они выдвинули своих идеологов и борцов за национальную свободу.

Каким бы сложным и противоречивым ни был жизненный путь Людевита Гаю, он сыграл прогрессивную историческую роль в развитии не только хорватского народа, но и всего югославянского мира. Величие Гаю как общественного и политического деятеля состояло в том, что он сумел понять жизненную необходимость дружбы и сотрудничества югославянских народов и на практике стремился к сближению югославян. Он первый поднял знамя югославизма — осознанной потребности объединения югославян, которое было поддержано современниками. Хотя теоретическая основа этой концепции была ошибочной, югославизм сыграл существенную роль в сплочении угнетенных родственных народов в борьбе за национальную и политическую свободу.



Н. С. ЛЕСКОВ И БОЖЕНА НЕМЦОВА

(К вопросу о творческих контактах писателя)

Известно, что в 1861 г. Лесков, будучи тогда лишь подававшим надежды молодым очеркистом, «высказывал уверенность, что будет замечен по манере письма и по отблеску знакомства его с некоторыми из даровитых польских беллетристов»¹. Впоследствии обстоятельства сложились так, что творческие контакты русского писателя со славянскими литературами заметно расширились, причем в сфере его внимания оказалась и чешская литература. Так, среди факторов, влиявших на Лескова в период формирования его таланта, было творчество Божены Немцовой.

Еще в начале 1862 г. Лесков прочитал в только что вышедшем польском переводе повесть Немцовой «Бабушка»². Вскоре после того, в Праге, а затем в Париже, он познакомился и с некоторыми другими произведениями чешской писательницы, а ее сказку «О двенадцати месяцах» перевел на русский язык³. С оригиналом Лесков скорее всего познакомился по альманаху «Лада Ниола», редактором которого был Й. В. Фрич — один из его ближайших парижских друзей. Фрич тогда горячо пропагандировал чешскую литературу, причем почетное место отводил Немцовой, которую знал близко и творчество которой высоко ценил. Ведь именно под влиянием Фрича были сделаны первые переводы сказки «О двенадцати месяцах» на французский и польский языки, он познакомил Марко Вовчок с произведениями чешской писательницы. Можно не сомневаться, что в своих беседах Лесков и Фрич не раз касались этой темы, тем более что интерес к Немцовой у Лескова был пробужден еще в Праге, буквально жившей весь 1862 г. воспоминаниями о только что умершей писательнице⁴. Знакомясь с содержанием альманаха «Лада Ниола», Лесков, надо полагать, не обошел вниманием и другое напечатанное там произведение Немцовой — большой рассказ «Сестры»; в языке, по собственному свидетельству писателя, он затруднений не испытывал.

Все названные произведения Немцовой давали Лескову основание для вывода о содержащемся в них «высоком народном драматизме»,

¹ А. Н. Л е с к о в. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1954, стр. 139.

² См. Т. С. К а р с к а я. Творчество Божены Немцовой в оценке Н. С. Лескова. Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1968, т. XXVII, вып. 3, стр. 261.

³ См. Т. С. К а р с к а я. Сохранить строй народной речи. «Русская речь». 1972, № 5.

⁴ Среди пражских знакомых Лескова в 1862 г. отметим следующих: Ф. Палацкий, Я. Э. Пуркине, К. Я. Эрбен, Ф. Штульц, Э. Тоннер, Ф. Шульц, Й. Коларж, — все они близко знали Немцову.

о чем он сказал в своем очерке⁵. Это его наблюдение касается и «Бабушки» и «Сестер».

В первом из этих произведений видное место занимает вставная новелла о местной крестьянской девушке Викторке, бежавшей в порыве страсти за пришлым солдатом и претерпевшей потом жестокие удары судьбы, которые превратили ее в безумную бродяжку, годами слонявшуюся по округе. Глубоко драматичен и сюжет рассказа «Сестры», где описана судьба другой молодой крестьянки, ставшей жертвой барской прихоти и оказавшейся в тюрьме по подозрению в убийстве своего ребенка.

Эти коллизии не могли поразить Лескова новизной: они были обычны для старой деревни, на них строились сюжеты многих литературных произведений о народе. Тем не менее «Бабушка» и «Сестры» оказали некоторое воздействие на творчество раннего Лескова. Следы этого воздействия обнаруживаются уже при первом рассмотрении его произведений, написанных или задуманных за границей. Конечно, здесь нельзя говорить о сколько-нибудь определенной и последовательной системе заимствований, однако воздействие ощущается, и прежде всего — в построении сюжетов, в обрисовке характеров действующих лиц, в стилистической окраске текста, в сходстве отдельных мотивов и художественных деталей, в близости композиционных приемов, в фольклорном колорите.

Рассмотрим под этим углом зрения произведения Лескова 1860-х годов в том порядке, в каком они появились в печати.

Небольшой рассказ «Ум свое, а черт свое» появился в «Северной пчеле» 18 января 1863 г., когда писатель еще был за границей. Обыкновенно исследователи (Б. М. Другов, В. А. Гебель) доказывают на этом материале тесную зависимость творчества раннего Лескова от Гоголя, выразившуюся, по их мнению, в стилистических приемах при описании портрета героини — дворовой девушки Паши. Между тем этот рассказ дает основание для сопоставлений и иного рода. Обращает на себя внимание его связь с рассказом Немцовой «Сестры», которая становится особенно ясной при учете выявившегося тогда интереса Лескова к творчеству чешской писательницы.

Нетрудно соотнести описания центральных героинь обоих произведений. В «Сестрах» — это крестьянская девушка Гедвика — красавица, «распускающийся бутон роз»; по единодушному мнению односельчан, — «украшение всей округи». «Прямо скажу: не только в нашей деревне, в целой округе никто не мог с ней сравниться», — говорит ее родственник Буркгард⁶. В сходных выражениях сказано и о героине лесковского повествования Паше: «Не только у нас на гостомельских хуторах, а и в целой округе, вплоть до самой Рыбницы, не было такой красавицы, как Паша». Обе красавицы — и у Немцовой и у Лескова — уступают любовному соблазну. И здесь оказываются созвучными некоторые сюжетные детали. Так, обольститель Гедвики, гостивший у местной помещицы князь Роберт, выдавал себя за егеря. Он появлялся всегда на коне, в сопровождении «великолепной гончей», считалось, что он ездит на охоту. Возлюбленный Паши, конечно, не располагает возможностями австрийского магната, но и он использует охоту как благовидный предлог для свиданий.

Наконец, у Лескова присутствует мотив, связывающий его рассказ с немцовой «Бабушкой». В обоих произведениях любовная страсть изображена как некое наваждение, результат воздействия «нечистой силы», хотя в каждом отдельном случае эта тема озвучена по-своему. Разумеет-

⁵ См. [Н. С. Лесков]. Божина Немцова — чешская народная писательница. «Северная пчела», 1863, № 171, 29 июня.

⁶ Цитаты из рассказа Б. Немцовой «Сестры» даны по переводу А. Панченко. См. Б. Немцова. Сказки, повести, рассказы. М.—Л., 1961.

ля, в этой связи можно было бы указать, помимо повести Немцовой, и другие литературные источники, близкие Лескову. С другой стороны, усматривая элементы сходства в произведениях Лескова и Немцовой, невозможно не видеть целого ряда глубоких различий в стиле, тональности повествования, в отношении авторов к своим персонажам и пр. Однако в данном случае нас занимают именно элементы сходства, а не различия. Поэтому в статье речь идет о всякого рода совпадениях (скорее всего не случайных), вопроса же о своеобразии творческой манеры Лескова, отличающей его от других писателей, и в частности от Немцовой, мы не касаемся.

К произведениям, созданным Лесковым за границей, относится и рассказ «Овцебык»⁷. В образной системе этого рассказа весьма значительным представляется новый для Лескова образ бабушки. Хотя этот образ явно автобиографический (т. е. писатель рассказал о своей собственной бабушке), иными словами — навеян самой жизнью, — все же и здесь отчетливо сказалось литературное воздействие Немцовой на Лескова. Аналогия между героиней Лескова и бабушкой у Немцовой напрашивается сама собой, тем более что мы знаем его восторженные слова об этом произведении на страницах очерка о чешской писательнице, а также высказанное им намерение перевести повесть. Да и сопоставление текстов в данном случае, на наш взгляд, может свидетельствовать о их родственности.

Образ бабушки не был в то время редкостью и в русской литературе. Достаточно, например, указать «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова — вещи, на шумевшие в конце 1850-х годов, автобиографическую трилогию Л. Н. Толстого, также привлекающую к себе пристальное внимание общества, наконец, напечатанные в «Современнике» в 1857 г. «Бабушкины рассказы» А. Печерского, повесть Кохановской (Н. С. Соханской) «Из провинциальной галереи портретов», увидевшую свет в «Русском вестнике» в 1859 г., и наконец, «Бабушка. Деревенские сцены» А. С. Афанасьева-Чужбинского в «Отечественных записках» за 1862 г. Однако ни одна из них — ни бабушка Сережи Багрова, ни бабушка Николеньки Иртенева, ни даже бабушка Мельникова-Печерского (в этом произведении автор не «прячется» за условное лицо, как Аксаков и Толстой), ни деспотичная героиня Афанасьева-Чужбинского, ни Анна Гавриловна у Кохановской, — вносящие с собой в произведения представление об облике старого русского барства, не изображены столь всесторонне и в таком поэтическом ореоле, как бабушка у Лескова. Именно это и роднит созданный им образ, впоследствии вновь возникший в рассказе «Несмертельный Голован» (1880) и «Неразменный рубль» (1883), с бабушкой Божены Немцовой. В ту пору, когда Лесков восхищенно определял повесть Немцовой как «очаровательную», «прославленную», а ее автора характеризовал как «поэта»⁸, в нем самом пробуждалось лирическое настроение при воспоминании о детских днях, проведенных в обществе его бабушки.

Этим особым лирическим настроением овеян и образ бабушки, нарисованный на страницах рассказа «Овцебык», и упоминание о ней в рассмотренном выше рассказе «Ум свое, а черт свое» («...Он ходил в черных шерстяных чулках, как некогда я ходил через комнату милой моей бабушки...»). Нежное отношение к ней, душевная теплота сочетаются здесь с нотками мягкого юмора. Подобное настроение характерно и для «Бабушки» Немцовой, что ясно заметно уже во вступительных строках:

«Давным-давно видала я в последний раз это милое спокойное лицо, целовала бледные морщинистые щеки, заглядывала в голубые глаза, ис-

⁷ «Отечественные записки», 1863, № 4 (с подписью — М. Стебницкий).

⁸ «Северная пчела», 1863, № 17, 18 января.

полненные доброты и ласки; давно уже благословили меня в последний раз старые ее руки! — Нет больше доброй старушки! Давно уже спит она в сырой земле!

Но для меня она не умерла. — Образ ее запечатлелся в моей душе во всей своей красочности, и будет жить в ней, пока я жива. — Если бы я владела кистью живописца, я бы не так прославила тебя, милая бабушка, а этот набросок пером... не знаю еще, кому и как понравится!

Но ведь ты говорила: на всех не угодишь! Хорошо, если найдется хотя несколько человек, которые будут читать о тебе с такой же радостью, с какой я пишу».

Отношение чешского автора к своей героине характеризуют простые, но эмоционально насыщенные сочетания: «милое спокойное лицо», «милая бабушка», «добрая старушка». Упоминания о бабушке, по своей эмоциональной окраске близкие к приведенным, находим у Лескова: «...Как некогда я ходил через комнату *моей милой бабушки*» («Ум свое, а черт свое»), «*Моя бабушка* была очень религиозная *старушка*», «И действительно, *бабушка моя* приезжала», «*моя милая старушка*», «*богомольная старушка*» «все было свежо и паивно-кокетливо у *добррой старушки*» («Овцебык»).

Как бабушка у Немцовой, героиня Лескова «была очень религиозная старушка». Как и та, она всегда стремилась побывать на богомолье. В соответствии со своим социальным положением, лесковская бабушка одевалась по-дворянски. Однако, как чешская героиня, — по старой моде. Если бабушка Немцовой крепко держалась за чепцы и передники, доставшиеся ей в наследство от ее матери, и бережно хранила все это, то героиня Лескова строго соблюдала моду «московского фасона двенадцатого года». И, так же как бабушка Немцовой, героиня Лескова никогда не сидела сложа руки.

Бабушка Лескова, как и ее чешская предшественница, стоит в центре поэтического по эмоциональной окраске повествования о детстве рассказчика. С нею связаны такие же чудесные воспоминания: поездка по святым местам, знакомства с добрыми и честными людьми, восторженное любованье величием и красотой природы. Мысль о старушке вызывает и у русского рассказчика теплые воспоминания о старом быте, о народных обычаях, о занимательных и глубоко поучительных ее рассказах о далеком прошлом. В свете, исходящем от этого образа, все, даже казалось бы самые обыденные картины жизни, кажутся рассказчику необыкновенно привлекательными и становятся предметом лирически-взволнованного повествования. Если у Немцовой присутствие бабушки делает чрезвычайно симпатичным многое из того, что ее окружает (даже бесхитростные рассказы других действующих лиц кажутся истинно-поэтическими), то нечто подобное характерно и для рассказа Лескова: см., например, беседу его шестилетнего героя с кучером бабушки, «добродушнейшим старичком» Ильею Васильевичем. А подчас одно только воспоминание о бабушке вызывает в сознании писателя ассоциативный поток картин, складывающихся в целую поэму о простой естественной жизни и простых, естественных людях. Не будет ошибкой утверждать, что все это стало возможным под обаятельным влиянием повести Божены Немцовой, в которой, как писал Лесков, «каждый славянин находил для себя в ту пору нечто родное и близкое»⁹.

Самое крупное среди произведений Лескова, написанных им в первые годы литературной деятельности, — «Житие одной бабы»¹⁰. Народная

⁹ [Н. С. Л е с к о в]. Божина Немцова — чешская народная писательница. «Серверная пчела», 1863, № 171, 29 июня.

¹⁰ «Библиотека для чтения», 1863, № 7, 8 (с подписью — М. Стебницкий).

повесть ¹¹ «Житие одной бабы» появилась на литературной арене, когда традиция живописания крестьянской жизни в русской литературе была достаточно разработана. Более того, у ряда авторов (Григоровича, Тургенева, Славутинского) были произведения, в которых центральное место занимал образ молодой крестьянки. Однако в творчестве самого Лескова «Житие» — вещь довольно неожиданная. Правда, среди ранних очерков и рассказов писателя были такие, в которых обнаруживалось знание им жизни русской деревни ¹², но образ женщины из народа, как уже говорилось, появился впервые только в рассказе «Ум свое, а черт свое», написанном в Париже. Развитием этой темы у Лескова следует считать и «Житие».

Многое говорит о том, что на автора повести воздействовали некоторые литературные традиции. Это было замечено исследователями, называвшими в качестве литературных предшественников Лескова таких писателей, как С. Т. Славутинский («Беглянка») ¹³, Григорович («Деревня»). Эти ассоциации возникают вполне закономерно. Усвоение в той или иной форме художественного опыта предшественников, в особенности предшественников чем-то близких, почти неизбежно при формировании каждой новой творческой индивидуальности. Вместе с тем некоторые черты «Жития одной бабы» позволяют думать о воздействии на его автора и иноязычных произведений, в частности повести Немцовой «Бабушка».

«Житие» было создано в тот период жизни Лескова, когда он, буквально, жил впечатлениями зарубежной поездки. Напомним, что первая часть повести появилась в той книжке «Библиотеки для чтения», которая считалась июльской, хотя и увидела свет только 8 сентября 1863 г. Таким образом, можно предположить, что Лесков работал над «Житием» весной — в период работы над очерком «Русское общество в Париже» ¹⁴, в котором уделено видное место воспоминаниям о Чехии и чехах; тогда же он завершил перевод сказки «О двенадцати месяцах» ¹⁵, написал очерк о Немцовой ¹⁶ и, возможно, начал переводить «Бабушку» ¹⁷.

Лесков посвятил свою повесть польскому литератору В. Коротынскому. Они вместе странствовали осенью 1862 г. по западным губерниям России и, вероятно, в беседах о «народных писателях», наряду с именами Шевченко, Сырокомли, Мицкевича и Гавличка, не один раз упоминали имя Немцовой, повесть которой незадолго перед тем прочли в варшавском журнале ¹⁸.

Можно думать, что «Бабушка» Немцовой, точнее — образ главной героини этой повести, способствовала осознанию Лесковым того, что про-

¹¹ Так определил жанр и тему своего произведения Лесков в письме к Е. П. Ковалевскому от 20 мая 1867 г. Н. С. Лесков. Собр. соч., М. (1956—1968), т. 10, стр. 262.

¹² С крестьянской тематикой связаны такие работы Лескова 1860—1861 годов: «Очерки винокурной промышленности», «О русском расселении и политико-экономическом комитете», «Погасшее дело», «О переселенных крестьянах».

¹³ ИРЛИ. Картотека А. Н. Лескова. На карточке № 1315 А. Н. Лесков записал по поводу «Жития одной бабы»: «Нет ли у Лескова заимствования или подсказа из „Беглянки“ Славутинского? [Русское] Слово [18] 61, №№ 8 и 9».

¹⁴ «Первое письмо» было опубликовано 13 июня («Библиотека для чтения», 1863, № 5); «второе» датировано автором 25 июня; «третье» — 20-м августа.

¹⁵ Опубликовано в «Северной пчеле» 8 апреля 1863 г.

¹⁶ Опубликовано там же 29 июня 1863 г. См. об этом Т. С. Карская. Незвестный очерк Лескова о Божене Немцовой. «Русская литература», 1969, № 3.

¹⁷ В очерке «Божина Немцова — чешская народная писательница» Лесков пишет от лица редакции, что «„очаровательный“ рассказ Немцовой „Бабушка“ мы в непродолжительном времени... намерены предложить своим читателям в русском переводе» («Северная пчела», 1863, № 171, 29 июня).

¹⁸ В очерке Лескова о Немцовой есть такие слова: «В прошлом году польские читатели не находили слов для выражения своего удовольствия г. Крашевскому, редактору Европейского обозрения («Przegląd Europejski»), где печатался перевод очаровательного ее рассказа „Бабушка“». Можно не сомневаться, что речь шла здесь о поляках, с которыми Лесков беседовал во время своего путешествия в 1862 г.

стая женщина-крестьянка может быть героиней «жития», т. е. произведения о человеке святой жизни. Каких людей он причислял к этому кругу, сказано в «Мелочах архирейской жизни» (1878). Охарактеризовав тогда уже покойного киевского митрополита Филарета Амфитеатрова как человека *мудрого сердцем, истинного праведника*, одно воспоминание о действительной доброте которого *согревает душу*, Лесков писал: «Память подобных людей часто не имеет места в истории, но зато она легко переходит в жития — эти священные саги, которые благовейно хранит и чтит память народа».

Безусловно, что бабушка являла собой подобный тип человека. Скажем больше: история ее жизненного пути находит себе параллели в агиографии, а именно — в житиях русских святых. Это отметил еще покойный академик А. С. Орлов. В беседе с автором этих строк он провел аналогию между произведением чешской писательницы и житиями, усматривая много общего в нравственной идее центрального образа, в трудном, порой мучительном, но тем не менее озаренном любовью к родине и людям жизненном пути, завершающемся тихой и светлой кончиной — подлинным «успением».

Вполне естественно, что и в сознании Лескова скромная героиня Немцовой ассоциировалась с образами действующих лиц из церковных преданий. Жития были известны ему с детства; в них он мог встретить героинь, чрезвычайно близких чешской бабушке. Такова, например, Ульяния Осорьина¹⁹, которая, в отличие от большинства светских праведниц, была простой миряночкой и ее «подвиг», заключавшийся в помощи голодающим, был осуществлен благодаря разумному ведению ею хозяйства. Однако эта самая «земная» «святая» русского Пантеона была богатой и знатной женщиной, Лесков же считал возможным возвести в подобный ранг в своей повести крестьянку.

В «Житии» можно отметить черты, которые находят себе аналогию в повести «Бабушка», причем здесь возможно предполагать более чем простое типологическое сходство. Обратим прежде всего внимание на образ главной героини.

Известно, что поэтизация людей из народа — характернейшая особенность эстетики Немцовой. Каждая ее крестьянская девушка обладает привлекательной внешностью, чиста душой и, что очень важно, органически связана с национальной стихией, как бы воплощая в себе дух народной поэзии. Это выражается в любви героини к музыке, песне, танцам. Бабушка, например, в молодости плясала «до кровавых мозолей на пятках», была голосиста, в старости она охотно рассказывала внучатам исполненные поэтического чувства народные сказки, свято и трогательно блюла народные обычаи и обряды; лучше всех танцует на народном гулянье Гедвика («Сестры»); первая плясунья в своей деревне была Викторка, уже известная нам героиня высокопоэтической вводной новеллы в «Бабушке». Мало того, всем им присуще тонкое чувство природы, умение любоваться ею, понимать ее жизнь. Это создает вокруг героинь Немцовой особый поэтический ореол, придает им особое очарование.

При создании образа Насти Лесков прибегает к тем же средствам, что и Немцова. Он стремится показать богатство души простой крестьянки, сложность ее внутренней жизни и связывает все эти качества своей героини с близкими ей с детства представлениями и образами народной поэзии. Поэтичная по самой своей натуре, горячо чувствующая Настя предстает как талантливая исполнительница и большой знаток народных песен. Особен-

¹⁹ В. О. К л ю ч е в с к и й. Добрые люди древней Руси. М., 1907. См. также по этому поводу: Д. С. Л и х а ч е в. Человек в литературе древней Руси. Изд-во АН СССР, 1958; е г о же. Русские повести XVII в. Гослитиздат, 1954.

но она ценит тонкий лирический дух песни и поэтому некоторые песни поет только для себя, в минуты уединения, без свидетелей.

Конечно, у Лескова достаточно и своих собственных художественных идей, но кое в чем он безусловно приближается к Немцовой. Как и ее героини, Настя близка к природе, в особенно острые моменты своей жизни уединяется в ней, прибегает к ее помощи. Живо напоминает поведение Викторки, в безумии сидевшей по вечерам у запруды, следующий эпизод из лесковской повести. После заклинаний, произведенных местным священником над «испорченной» Настей, та вырвалась и убежала. «Вернулись все домой,— говорится в повести,— а Насти не было. Два дня и три ночи она пропадала. Ездили за ней и к кузнецу, и к Петровне, но никто ее нигде не видал. На третий день чередников мальчишка, пригнавши вечером овец, сказал: „А Настька-то прокудинская в ярушках над громовым ключом сидит“. Итак, в обоих случаях — фигура обезумевшей женщины, одиноко сидящей вблизи водного потока.

Повесть Немцовой могла дать Лескову и иные творческие импульсы при создании им «Жития». Особенное значение имеет в этом смысле линия Викторки. Некоторые сюжетные положения как бы повторены или развиты Лесковым. Как Викторка, избегавшая взглядов полюбившего ее солдата, Настя долго избегает встреч с запавшим в ее сердце Степаном; как в повести Немцовой, сцена решительного объяснения между влюбленными внезапна; в обоих случаях она разворачивается на лоне природы, среди хозяйственных крестьянских забот. Обе героини, соединяясь со своими возлюбленными, решительно и безвозвратно порывают со своим прошлым. Но что еще важнее — одинакова дальнейшая участь обеих героинь: цепь их неслыханных страданий завершается умопомешательством.

Заметим попутно, что умопомешательство, как литературный мотив в произведениях на народную тему, в то время встречается редко. Правда, в романе Григоровича «Переселенцы» (1856) вторым планом выведена потерявшая разум крестьяшка Дуня, однако по логике развития образа Настя несомненно ближе Викторке, чем Дуне. Дуня потеряла разум в результате жизни с негодяем-мужем, который бил ее смертным боем, а затем бегал, прихватив с собой единственного ее ребенка. В отличие от Дуни, у Викторки и Насти безумие как бы продиктовано поэтическим содержанием образа. Это результат крушения всего, что составляет смысл существования героини. Так, Викторка возвращается в родные места безумной после потери любимого, а новорожденного младенца она бросает в реку в состоянии невменяемости; Настя, хоть и тяжело переносит смерть своего ребенка в остроге, но и она теряет разум лишь после того, как ее навсегда разлучают с заболевшим на этапном пути Степаном.

И еще: в «Бабушке» сказано, что отец исчезнувшей Викторки отправился на поиски дочери, но не нашел никаких следов ни ее самой, ни сманившего ее солдата. При этом он никак не хочет обращаться за помощью к властям, полагая, что это может повредить делу и, главное, самой беглянке. У Лескова тоже есть эпизод, показывающий, что означает для беглых крестьян попасться на глаза властям, что значит вернуться по этапу «для водворения в жительство».

Сходные моменты в историях Викторки и Насти можно было бы объяснить спецификой крестьянской жизни и крестьянской темы, естественно вызывающей сходное художественное решение. Вместе с тем, повторяем, нельзя отрицать и того определенного воздействия, какое произведения Божены Немцовой оказали на Лескова в пору формирования его литературного таланта.

Следы влияния произведений Немцовой на Лескова обнаруживаются и в дальнейшем его творчестве. Определенную связь, например, можно ус-

мотреть между рассказом Лескова «Котин долец и Платонида» (1867) и «Карлой» (1855) Немцовой. В основу сюжета каждого из этих произведений положен по существу один и тот же факт, причем, что характерно, — факт необычный, почти невероятный: обе матери годами, с неслыханным упорством выдают своих малолетних сыновей за девочек. Правда, мотивировка таких поступков в каждом отдельном случае своеобразная. У Немцовой мать-солдатка, тяжело переживая смерть мужа на чужбине, надеялась таким образом уберечь своего Карела от военной службы; не менее горькая вдова в рассказе Лескова решается на этот шаг, чтобы поступить с ребенком в монастырь и тем спасти его от голодной смерти.

Расходятся оба автора и в дальнейшем художественном оформлении темы. Немцова не посчиталась с реальными закономерностями жизни и не побоялась неправдоподобного, но яркого решения. Ее Карла (она же Карел) до восемнадцати лет легко прячется под девичьей личиной, но когда мужская природа все-таки берет свое, с помощью простого переодевания в военный мундир превращается в мужественного парня. Лесков же в лице своего Константина Пизонского создал оправданный логикой обстоятельств образ чудака, всю жизнь говорившего о себе в женском роде.

Обнаруживается общее с «Бабушкой» и при рассмотрении такого произведения Лескова, как «Захудалый род. Семейная хроника князей Протозановых. (Из записок княжны В. Д. П.)», написанного в 1873 г. Прежде всего это сходство основного композиционного приема, определяющего своеобразие произведения в ряду других русских романов-хроник. Речь идет о том, что в роли рассказчика-автора «Хроники», в отличие от других произведений подобного жанра, выступает женщина — княжна В.Д.П. (Вера Дмитриевна Протозанова), внучка главной героини — княгини Варвары Никаноровны Протозановой. Возможно, что выбор «летописца» был у Лескова обусловлен примером повести Немцовой «Бабушка», также представляющей собой рассказ внучки о своей бабушке. О заимствованности приема, неорганичности его для Лескова свидетельствует то, что писатель местами срывается с заданного тона и говорит своим голосом. Это было замечено и современниками.

Можно отметить также связь между образом героини Лескова — «бабушки Варвары Никаноровны» и образом бабушки, созданным Немцовой. Подобно чешской писательнице, Лесков создал образ чрезвычайно сильный по его нравственному содержанию. Он возвысил и опоэтизировал высокий душевный строй и светлый разум русской женщины, давшие ей силу перенести тягчайшие жизненные испытания и достойно пройти свой путь. История княгини Протозановой вылилась под пером Лескова в повесть о жизни прекрасного высокого человека, в подлинное «житие», как говорил о таких случаях сам писатель, в «священную сагу», достойную того, чтобы ее «благовейно хранила и чтילה память народа». Своей эмоциональной настроенностью «хроника» Лескова живо напоминает «Бабушку» Божены Немцовой.

Мысли Лескова при создании им этого произведения, быть может, были далеки от конкретного образа скромной чешской героини, тем не менее полученный им в свое время творческий импульс обрел новую художественную жизнь в его творении, причем на иной национальной и социальной почве, в ином художественном воплощении. В этой связи уместно вспомнить слова сына писателя — А. Н. Лескова, которыми мы завершим нашу статью: «Лесков верил и исповедовал, что впечатления, воспринимаемые мозгом настоящего писателя, болезненно остры, что это у него сильнее первоначального сотрясения, сильнее исходного звука»²⁰.

²⁰ А. Н. Л е с к о в. Жизнь Николая Лескова..., стр. 233.



Д. С. ПРОКОФЬЕВА

ЮЗЕФ КОЖЕНЕВСКИЙ В ПЕРЕПИСКЕ С ИЗДАТЕЛЕМ (1840—1860)

Переписка писателя — это не только важный источник изучения личной и творческой биографии, но и достоверный и непосредственный документ повседневности и обычаев, размышления и комментарии очевидца и участника литературных событий дней давно минувших. В Польше сбор и обработка писем, их публикация имеют давнюю традицию, восходя к эпохе Просвещения, когда эпистолярный жанр занимал существенное место в литературе. А с конца XIX в. ведется систематическая работа по введению этого богатого литературного наследия в контекст культурной жизни. В XX в. издается корреспонденция А. Мицкевича, З. Крasiньского, Ц. Норвида, Э. Ожешко, М. Грабовского и других поэтов, писателей, литературных критиков. В 50—60-е годы были опубликованы письма

Пруса, переписка Ю. И. Крашевского с Т. Ленартовичем, Г. Сенкевича с М. Годлевским, М. Конопницкой и Э. Ожешко с А. Свентоховским, письма З. Милковского (Т. Т. Ежа) В. Фельдману, наконец, двухтомная корреспонденция С. Бжозовского (1970), ставшая важным событием культурной жизни Польши, и др.

Однако многие материалы, относящиеся к этой области, еще не опубликованы и не изучены. К ним, в частности, относятся десятки писем одного из основоположников реализма в польской прозе, писателя переходного от романтизма к реализму периода, отразившего сложность его в своем творчестве, — Юзефа Коженевского (1797—1863). Эти письма, представляющие несомненный интерес для историка литературы, адресованы Адаму Завадскому, виленскому издателю, у которого публиковалась большая часть сочинений Коженевского¹. Корреспонденция охватывает период 1840—1860 гг. и представляет лишь фрагмент переписки, но фрагмент, дающий довольно разнообразную информацию о жизни и творчестве крупного польского писателя, о взаимоотношениях автора с издателем и т. д.²

Переписка Коженевского — это одновременно и деловые, и неделовые письма, поскольку с Адамом Завадским и его семьей писателя связывали не только официальные отношения. В корреспонденции речь идет о сочинениях Коженевского, мнении автора о них, сроках и качестве издания, корректорских ошибках, цензурных изменениях, поправках к тексту, гонорах.

Большая часть писем Коженевского в этой коллекции относится к 50-м годам, времени, когда в литературе на смену романтической фантазии и высокого полета мысли пришла умеренность чувств, обострился интерес к

¹ Об издателях Завадских см. нашу статью в журнале «Советское славяноведение», 1971, № 5.

² ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 7, ед. хр. 424.

повседневности: этот период совпадает с расцветом творчества Коженевского, добившегося именно в те годы наибольшей популярности.

Нередко автор высказывает в письмах суждения о собственных сочинениях. Особа адресата, издателя, в известной мере влияет на эту оценку, но тем не менее высказывания писателя интересны историку литературы, тем более что они попутно характеризуют те критерии, требования, которые предъявлялись литературе. Так, о втором томе «Странствий оригинала» Коженевский с удовлетворением писал, что создал вещь интересную, полезную, отвечающую требованиям времени³. Как же он понимал требования времени? Программа героя Коженевского сводилась к подъему земледелия и ремесел, организации школ для детей мелкой шляхты и крестьян, больниц и аптек. Эта деятельность должна была стать примером для других. В этом сочинении, как и в романе «Родственники», Коженевский выступил, по сути дела, пропагандистом так называемого «органического труда», предвосхитив позитивизм.

В соответствии с духом времени, Коженевский ориентировался на демократического читателя, в чем он признается в одном из писем. «Я благодарен Вам за любезные слова о моем Тадеушике (речь идет о „Тадеуше Безымянном“.— Д. П.), который занимал Варшаву весь этот месяц, и, что самое лестное для меня, его читали даже няньки и служанки»⁴.

В письмах раскрываются некоторые стороны и характерные особенности творчества писателя. Коженевский считал, что события действительности должны быть изображены в образах, взятых прямо из жизни. Этой программе он верен и в письмах, прося у супругов Завадских материал, «предмет» для повести: «Прошу вас обоих дать мне какой-нибудь предмет для повести. Может быть, там у вас есть какой-нибудь занятный случай, какой-нибудь характер и оригинальный персонаж, которых у меня еще не было, а который можно было бы обработать»⁵; «Предмет очень удачный — исполнение же такое, какое мне подстать. Но чего не достаёт этому последнему, компенсирует первое»⁶. Эти высказывания интересны как еще одно документальное свидетельство того, что писатель стремился к накоплению конкретных фактов и образов, высоко ценил роль и значение материала, «предмета».

В 1853 г. Коженевский жаловался Завадскому: «Уже несравненно более тяжело идет работа. Наступила усталость, исчерпаны персонажи, которые можно было бы сделать интересными, впрочем, становится все более обыденной повесть и каждый берется за нее так, что пропадает охота»⁷. Засилье подражательных повестушек на страницах еженедельников раздражало и Крашевского. В 1854 г. он выступил на страницах «Газеты Варшавской» с предложением искать новые формы и в 1855 г. там же писал о том, что «все повести у нас сделаны по одной мерке, являются вариацией на одну тему»⁸. Крашевский выделяет прозу Коженевского: «Необходимо быть новым даже создав „Коллокацию“ и „Тадеуша Безымяного“». Другая „Коллокация“ и другой „Тадеуш“ уже будут слабее, а чужие копии с этих оригиналов будут выглядеть как литография композиции славных художников на носовом платке»⁹. Крашевский упрекал Коженевского за то, что тот ограничил себя изображением сфер, ему близких: «Свет велик, не можем же мы замыкаться в своем кругу»¹⁰. Тем не менее Коженевский

³ ЦГИА Лит. ССР, ед. хр. 424, л. 26.

⁴ Там же, л. 31.

⁵ Там же, л. 32 об.

⁶ Там же, л. 34 об.

⁷ Там же, л. 41.

⁸ «Gazeta Warszawska», 1855, № 60.

⁹ Ibid.

¹⁰ «Tygodnik Petersburski», 1849, № 42.

остался верен себе. Может быть, именно поэтому он и жаловался на то, что исчерпались сюжеты и образы.

В своих письмах писатель раскрывает некоторые секреты своей работы: «Мне трудно работать в спешке» (28 III 1850); «Если начатую вещь не кончу сразу, потом очень трудно и сразу видны узлы, которыми я связываю порванные нити» (30 III 1854) и т. п.

О своих собратях по перу Коженевский пишет в письмах (где человек бывает обычно искреннее, чем в публичных высказываниях) тепло, с уважением, а подчас и с восхищением: «Я мучаюсь тем, что не могу ни за что взяться. Крашевский счастливее, он работает непрерывно, и я на самом деле завидую его неутомимому желанию работать. <...> Я уже с интересом прочитал „Кордецкого“. <...> Это важная работа, роман по-настоящему исторический и наш, и неутомимый Крашевский заслужил благодарность за него»¹¹; «Что делает Одынец? его последние стихи, опубликованные в „Газете Варшавской“, искренне меня тронули и убеждают меня в том, что если он еще так молод, то может быть и я не совсем устарел. Ведь мы почти одновременно начали»¹²; «До каких размеров растет Сырокомля!»¹³; «Этот ваш Сырокомля кружит мне голову так, что мне не раз вспоминаются молодые годы, молодой запал и возвращается желание писать стихи»¹⁴.

Выдвигая свои требования к критике, Коженевский как на страницах печати, так и в одном из писем, высказал мнение о том, какой она должна быть: «Кто это писал в Курьере о моей „Мании к путешествиям“? У меня нет претензий в том, что ему не все понравилось. Но почему он требует от меня, чтобы я делал то, о чем он подумал, а не то, о чем я думаю»; «Странный хаос у нас в критике! Каждый со своей колокольни. А между тем критика прежде всего должна поставить перед собой вопрос, кого и что автор хотел представить. А потом уже — сделал ли автор, что хотел, хорошо, правдиво, талантливо. Как я мог угадать в Ницце, где я это писал, что думал пан Х. в Вильне»¹⁵.

В период, когда создавались поэтические и прозаические гимны пылкому и всемогущему чувству, которое нередко было для романтиков символом всего самого лучшего, символом свободы, Коженевский проповедывал разумность, трезвость, сдержанность, умение в случае необходимости подчинить чувство долгу и т. п. Против этого резко выступили критики романтической ориентации — Ю. Б. Деконьский, Н. Жмиховская и др. Суровой критике А. Тышинского, мнением которого писатель очень дорожил, подверглась повесть «Коллокация». Все эти факты Коженевский принимал близко к сердцу, остро переживал недоброжелательные оценки своих произведений. В 1851 г. в том же письме, где он оценивает «Страстия оригинала», Коженевский сообщает о своем решении расстаться со своей профессией: «Я поблагодарил бога, написав последнее слово, во-первых, за то, что закончил эту работу, а, во-вторых, за то, что таким образом покончил со своей профессией, решив к ней не возвращаться. Может быть, Вы посмеетесь над этими словами и подумаете, что это решение пьяницы, который со дня св. Михала обещает жене трезвость. Мне это тоже приходит в голову, но я буду держаться и упражняться в праздности сколько хватит сил, хоть это и находится в очевидном противоречии с принципами, за которые я ратую в посылаемой рукописи. Впрочем, окажется, что это правда, а поводов для этого вполне достаточно»¹⁶. Конечно

¹¹ ЦГИА Лит. ССР, ед. хр. 424, л. 30 об.— 31.

¹² Там же л. 45 об.

¹³ Там же, л. 41.

¹⁴ Там же, л. 51 об.

¹⁵ Там же, л. 57.

¹⁶ Там же, л. 26.

же, это настроение было временным¹⁷, преходящим, и письма данной коллекции отражают взлеты и падения настроений и чувств писателя. Через год он уже признается: «Грустно мне, однако, без работы, грустно без тех людей, которых я сам себе создаю и с которыми я чувствую себя гораздо лучше, чем с реальными, которые ходят по земле и толкают меня»¹⁸. Это любопытное и даже несколько неожиданное признание писателя, который слыл человеком очень земным и трезвым, в том, что творчество для него не только потребность художественной природы, но и своего рода «убежище» от невзгод и неприятностей жизни. Откровением звучит и признание постоянного критика пороков высшего общества (праздности, лени, невежественности, амбиции и др.), каковым по праву слыл Кожневский, что критиковать его бесполезно. «Я знаю давным-давно, что все, что им говорится — это все равно, что горох об стену»¹⁹. В одном из писем он довольно резко выразился по поводу «великопанства»: «Никакие поражения, никакие удары, никакая самая кровавая купель не сможет отмыть наших панов от их панства»²⁰.

Своему издателю и другу Кожневский писал о переживаниях, болезнях, делах семейных — замужестве дочери, рождении внука и т. д. Корреспонденция дает представление о Кожневском — человеке и его повседневной жизни с ее заботами, трудностями, горестями и радостями. Педагогическая работа, инспекция школ отнимали у Кожневского писателя массу времени. Об этом он неоднократно писал Завадскому: «В этом году у меня была огромная территория для объезда, поскольку теперь нас ездит двое, а не трое, как раньше. Я сделал 2150 верст за 2 месяца и должен был посетить и проэкзаменовать множество школ. В пути не только писать, но и есть и пить не было времени»²¹; «За портрет так же приношу благодарность. Я немножко толстоват и с двойным подбородком, какового у меня нет, рот немного перекошен вправо, но все находят, что похож»²²; «Если Вас это интересует, сообщаю, что я — дедушка. Бог дал здорового, хорошего внука»²³; «В работе у меня нет ничего такого, что бы заняло меня и вырвало из болота морального и физического»²⁴; «Сейчас я как старый лук с промокшей тетивой»²⁵; «Мы ведем обычный карнавальныи образ жизни и по холодному и мокрому снегу, который падает в грязь, увеличивая ее, ходим иногда на вечерние зевания, иногда на бальные стояния, как я, а чаще всего сидим дома. К этому располагает и наша любовь к домашнему уюту и мое здоровье»²⁶.

Завадскому Кожневский неоднократно писал, что он хотел бы, чтобы их контакты и сотрудничество были постоянными. Писатель проявлял живое участие к жизни семьи Завадских, хотя между автором и издателем иногда возникали взаимные неудовольствия из-за невыполненного обещания, нарушенного слова, неудачного издания и т. п.

Стиль и язык писем Ю. Кожневского, их обыденность и близость разговорному языку, наконец, их юмористический тон добавляют новые штрихи к характеристике творчества писателя.

¹⁷ В 1857 г. Кожневский писал известному историку, публицисту и литератору К. Шайнохе: «Теперь я уже почти совсем здоров и на днях примусь за новую работу, без которой, как видно, нам трудно жить, как пьянице без водки». («Korespondencja K. Szajnochу», t. II. Wrocław, 1959, s. 93).

¹⁸ ЦГИА Лит. ССР, л. 32 об.

¹⁹ Там же, л. 57.

²⁰ Там же, л. 70 об.— 71.

²¹ Там же, л. 23.

²² Там же, л. 27.

²³ Там же, л. 25 об.

²⁴ Там же, л. 30 об.

²⁵ Там же, л. 41.

²⁶ Там же, л. 30 об.



ОБ ОДНОМ ТИПЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО
ЗАИМСТВОВАНИЯ:
БОЛГАРСКИЕ СУФФИКСЫ -ОС-, -'АС-, -ИС-
И -(ДИС/ТИС)-

Материальным воплощением межъязыковой греко-болгарской¹ интерференции является, в частности, функционирование в системе болгарского словообразования набора сигматических суффиксов -ос-, -'ас-, -ис- и -(дис/тис)-. Этимологическая принадлежность контаминированных в пределах приведенных суффиксов элементов давно установлена, неоднократно определялась исследователями и функциональная значимость рассматриваемых болгарских морфем². Однако полное и, по возможности, последовательное описание сигматических суффиксов ставит новые вопросы, важнейшие из которых — вопросы заимствований на морфологическом уровне.

Огромное количество болгарских глаголов содержит сигматический элемент³, эту, по выражению А. Мазона, «поразительную характеристику»⁴. Данная специфическая черта звукового облика глаголов лежит на поверхности и определяет, по существу, их единство, относя гетерогенные и разностилевые лексемы к общему глагольному типу. Болгарские глаголы, характеризующиеся наличием элемента -[s]-, распадаются на три группы по этимологическому признаку: глаголы с (1) славянской, (2) греческой и (3)

¹ Для данной темы значимы и турецко-болгарские языковые контакты. Характеристики и результаты двух видов интерференции (греко-болгарской и турецко-болгарской), между тем, существенно различны, а по отношению к сигматическим суффиксам факты заимствований из греческого определенно доминируют.

² См., например: F. Miklosich. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. «Denkschriften der Kaiserliche Akademie der Wissenschaft, Philosoph.— hist. Klasse», vol. XXXIV—XXXV, XXXVII—XXXVIII. Wien, 1884—1894; Д. М а т о в. Гръцко-български студии. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. IX, 1893, стр. 21—84; M. Kr. Sandfeld. Linguistique balkanique. Paris, 1924, p. 19; A. Mazon. D'une formation verbale slave d'origine greco-turque, «Mélanges linguistique offerts à J. Vendryès». Paris, 1925, p. 265—273; К. М и р ч е в. Нещо за гръцките заемки в български език. «Език и литература», 1947, кн. 2, стр. 23—27; П. С к о р ч е в. Гръцкият глагол в нашия народен говор. «Език и литература», 1947, кн. 2, стр. 19—22; М. Ф и л и п о в а - Б а й р о в а. Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969, стр. 42—49.

³ Материал, собранный для данной работы, составил более 1600 глагольных лексем, включая приставочные глаголы. Источниками при этом послужили опубликованные в разное время описания болгарских и македонских диалектов, а также записи произведений устного народного творчества, имеющие указание на их локальную принадлежность.

⁴ A. Mazon. Ibid., p. 273.

турецкой основами. Такая, на первый взгляд, грубая классификация отражает некоторые существеннейшие функциональные характеристики болгарских сигматических суффиксов: греческие глаголы представляют собой реально доступный анализу слой лексики, некогда вычленившийся (с последующим заимствованием) суффиксы с элементом $[-s]$, именно внутри этой группы глаголов должен быть определен состав и значение болгарских сигматических суффиксов; глаголы с славянской основой есть собственно сфера функционирования иноязычных $[s]$ -содержащих морфем в качестве особых словообразовательных суффиксов; лексемы же с турецкой основой составляют, как это будет показано ниже, особую сферу распространения сигматических суффиксов, где суффикс *-dis/mis-* выступает как словообразовательный элемент ограниченной значимости.

Анализ глаголов с славянской основой показал, что в болгарском языке продуктивны три сигматических суффикса: *-oc-*, *'ac-*⁵, *-uc-*. Эти морфемы в системе глагольного словообразования объединяются функционально, представляя собой продуктивный способ отыменного глаголообразования и будучи однозначно характеризованными по виду (все они совершенного вида).

Заимствование сигматических суффиксов *-oc-*, *'ac-*, *-uc-* является прямым следствием массового проникновения в болгарский язык греческой глагольной лексики, а самые заимствованные суффиксы могут быть возведены к некоторым греческим «протосуффиксам» $[os]$, $[as]$, $[is]$. Здесь и дальше мы говорим о заимствованных огласованных морфемах вида $-V-s-$, где $-V-$ — есть определенный гласный ($[o]$, $[a]$, или $[i]$), а элемент $-s$ тождествен во всех трех суффиксах; обычно же языковеды описывают соответствующие болгарские суффиксы как сложные (или хотя бы разложимые), содержащие «заимствованный из греческого элемент $-c-$ »⁶, или совсем пренебрегают гласным перед $[-s]$, придавая суффиксу вид *-сам* (Л. Милетич), *-са-* (А. Мазон, П. Скорчев), *-с-* (К. Мирчев).

Процесс заимствования греческих глаголов в болгарском языке имеет вид массового включения в новую языковую систему (болгарскую) греческих аористных основ, то есть основ на $[-s]$ ⁷. Этот факт должен быть поставлен в тесную связь с общим структуральным схождением новогреческой и новоболгарской глагольных систем. Оппозиция длительное/мгновенное действие, последовательно проводимая в системе греческого глагола в форме противопоставления основы презенса основе аориста, в плане содержания соответствует противопоставлению глагол совершенного вида/глагол несовершенного вида (далее С/НС) в болгарском. Функционально-семантическое сходство славянского противопоставления С/НС с древне- и особенно новогреческой оппозицией основа презенса/основа аориста общепризнано в лингвистической литературе; небезынтересен в этой связи тот факт, что греческий ингрессивный аорист представляет собой, по мнению некоторых исследователей, новообразование⁸.

⁵ В случае *'ac-* смягчение конечного согласного корня включено в состав суффикса в целях упрощения записи.

⁶ Ю. С. М а с л о в. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 174.

⁷ Утверждение о «заимствовании основ» противоречит более адекватному описанию межязыковой интерференции как заимствования слов и связано с принятым нами сугубо абстрактным моделированием процесса первоначальных заимствований, а также и с фактами современного языкового состояния, реально сохранившего только греческие аористные основы.

⁸ Ср. например: F. H a r t m a n n. Aorist und Imperfekt. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen». Göttingen, 49, 1918, S. 32; J. W a c k e r n a g e l. Vorlesungen über Syntax, I. Basel, 1924, S. 173; Э. Г е р м а н. Вид объективный и вид субъективный. Сб. «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 44—58.

Трансформация заимствованной аористой основы в основу глагола совершенного вида на болгарской почве есть, таким образом, нормальная морфологическая адаптация иноязычной лексики на основе частичной синонимии грамматического содержания соответствующих оппозиций контактирующих языковых систем. Заметим, что в характерном для новогреческого языка противопоставлении основа презенса/основа аориста сигматическая форма в период первоначальных заимствований была *ма* *р* *к* *и* *р* *о* *в* *а* *н* *н* *ы* *м* членом. Общая типология заимствований на морфологическом уровне противоположна наблюдаемому в нашем случае явлению: обычно заимствуется немаркированный член оппозиции. Здесь, однако, уместно было бы сослаться на исключительность межъязыковых отношений внутри балканского языкового союза, не имеющих параллелей. Заметим также, что логика морфологических заимствований в болгарском языке из греческого и из турецкого одина, притом что эти два вида морфологической интерференции различаются интенсивностью и «продвинутостью».

Современное состояние знаний о генезисе болгарской и греческой систем глагола не позволяет с достаточной достоверностью установить определяющие моменты их исторического развития в направлении схождения. В сфере собственно заимствований, однако, фактором, обуславливавшим на каждом отдельном этапе языковой выбор, являлась структура заимствующего языка. Так, например, в отношении рассмотренных выше фактов можно сказать, что, по-видимому, регулярность противопоставления С/НС в системе болгарского глагола определила характер вербальных заимствований из греческого. Отметим также, что турецкие глаголы, в свою очередь, заимствованы в болгарском языке в форме основ на *-Ti* (*-ti*, *-ti*; *-di*, *-di*), т. е. в финитных формах объективно констатированного прошедшего времени, а турецкая глагольная основа на *-Ti* функционально сопоставима с греческой аористой основой на *-[s]*.

Последовательное и лексически неограниченное заимствование греческих глаголов с аористными основами на *-[s]* представляет собой факт м о р ф о л о г и ч е с к о й интерференции, поскольку перенесенные лексемы в рамках новой языковой системы сохраняют исконное грамматическое значение глагольных основ на *-[s]*, хотя и в трансформированном, адаптированном виде, и поскольку вторично выделенные суффиксы *-oc-*, *-'ac-*, *-uc-* функционируют в болгарском языке как однозначные показатели этого грамматического значения. Доказательна в этой связи регулярность словоизменения *s*-содержащих глаголов по виду с помощью суффикса имперфективации, так что, строго говоря, болгарские сигматические суффиксы следует записывать в виде альтернатив: *-oc-/oc-va-*, *-'ac-/-'ac-va-*, *-uc-/uc-va-* и *-(dic/mic)-/-(dic/mic)-va-*.

В отличие от установившейся традиции считать заимствованной «морфему» *-[s]* (нгр. *-σ*, болг. *-с*) мы шли по пути выявления среди глагольных заимствований из греческого этимологических прототипов болгарских суффиксов *-oc-/oc-va-*, *-'ac-/-'ac-va-*, *-uc-/uc-va-*. Таковые «протосуффиксы» есть, по нашему мнению, незначимые отрезки аористных основ греческих глаголов на $-\acute{\omega} < -\acute{\omega}\omega$, $-\acute{\omega}\omega$ (аор. основа на $-\acute{\omega}\omega$)⁹; на $-\acute{\iota}\sigma\omega$ с исходом корня на палатальный согласный, то есть подкласса греческих глаголов на $-\acute{\iota}\sigma\omega$ (аор. основа на $-\acute{\iota}\sigma\omega$); а также на $-\acute{\iota}\sigma\omega$ (аор. основа на $-\acute{\iota}\sigma\omega$). Заимствованные из греческого сигматические суффиксы образуют в болгарском языке довольно стройную систему средств отыменного глаголооб-

⁹ Морфное членение, к которому мы прибегаем, не органично для морфологии греческого глагола. Выделение структурных элементов греческих глаголов $|\text{os}|$, $|\text{'as}|$, $|\text{is}|$ представляет собой типичный случай переразложения, имевшего место в условиях двуязычия.

разования, а закрепление за суффиксами *-ос-/-ос-ва-*, *-'ас-/-'ас-ва*, *-ис-/-ис-ва* определенной словообразовательной функции явилось, по-видимому, результатом взаимодействия (в речи членов двуязычных коллективов) двух языковых систем.

Заимствованные¹⁰ глаголы на |ос| представлены в болгарском языке греческими отыменными переходными глаголами: *аксибсвам* прх. < нгр. ἀξιῶνω (аор. основа ἀξιῶσ-); *ортбсвам*, *уртбсувам* прх. < нгр. ὀρθῶ, ὀρθῶνω (аор. основа ὀρθῶσ-); *патобс(у)вам* < нгр. πατώνω (аор. основа πατώσ-); *петалбсвам* прх. < нгр. πεταλῶ (аор. основа πεταλώσ-); *пихтбсвам* прх. < нгр. πηχτώνω (аор. основа πηχτώσ-); *платбсвам* прх. нгр. πλακῶ, πλακῶνω (аор. основа πλακῶσ-); *платбсвам* прх. < нгр. πληρώνω (аор. основа πληρώσ-); *самарбсвам* прх. < нгр. σαμαρώνω (аор. основа самарῶσ-); *саркбсвам* прх. < нгр. σαρκῶνω (аор. основа саркῶσ-); *сидербсвам* прх. < нгр. σιδερώνω (аор. основа сидерῶσ-); *стригбсвам* прх. < болг. приставка с-+ нгр. ρηγῶνω (аор. основа ρηγῶσ-) с характерным развитием сочетания согласных *ср- > стр-*; *темелбсвам* прх. < нгр. θεμελιώνω (аор. основа θεμελιῶσ-); *типбсвам* прх. < нгр. τυπῶ, τυπῶνω (аор. основа τυπῶσ-) и т. д. Представленные заимствованиями греческие отыменные переходные глаголы с презенсом на *-ῶ* < др.-греч. слитных глаголов на *-ῶω*, *-ῶ*, а также продуктивный в новогреческом языке класс отыменных переходных глаголов с презенсом на *-ῶνω* не только сопоставимы функционально (в системе греческого глагола), но и характеризуются тождеством аористных основ (на *-ῶσω*). По сигматической основе глаголы типа *ἀξιῶ* (> болг. *аксибсвам*), *ὀρθῶ* (> болг. *ортбсвам*), *πλακῶ* (> болг. *платбсвам*) нормально образуют в греческом вторичный презенс на *-ῶνω*, откуда дублетные формы: *ἀξιῶ*, *ἀξιῶνω*; *ὀρθῶ*, *ὀρθῶνω*; *πλακῶ*, *πλακῶνω*. Можно говорить поэтому о некоторой единой словообразовательной модели имя — отыменной переходный глагол на *-ῶ*, *-ῶνω* (аор. основа на *-ῶσω*), которая, по-видимому, сохраняла свою значимость в условиях двуязычия, где она приняла вид: имя — глагол-заимствование на |ос|. Наличие некогда такой языковой ситуации легко предположить, поскольку в болгарский язык заимствовано большое количество словообразовательных рядов описанного вида: *вўла* < нгр. βούλλα и *вулбсвам* < нгр. βουλλάῶνω (аор. основа βουλλάῶσ-); *пѧтос* < нгр. πάτος и *патбсвам* < нгр. πατώνω (аор. основа πατώσ-); *пѧтал*, *пѧтало* < нгр. πέταλο и *петалбсвам* < нгр. πεταλῶνω (аор. основа πεταλώσ-); *пихтия* < нгр. πηχτή и *пихтбсвам* < нгр. πηχτώνω (аор. основа πηχτώσ-); *сѧмар* < нгр. самарѧ и *самарбсвам* < нгр. самарῶνω (аор. основа самарῶσ-) и т. д. Для доказательства непосредственности заимствования целых словообразовательных рядов, вроде приведенных, важно сохранение в соответствующих болгарских лексемах ударения исходных словоформ: ср. *вўла* — *вулбсвам* < нгр. βούλλα — βουλλάῶνω (аор. основа βουλλάῶσ-) и др. Напротив, перемещение ударения в имени по типу ударения производного глагола¹¹ может рассматриваться как доказательство того, что имя

¹⁰ Болгарские *s*-содержащие глаголы с греческим корнем могут быть как заимствованиями, так и вторичными образованиями, где находим уже не греческие аористные основы, а основы с болгарскими сигматическими суффиксами вида *-V-s*. Определение принадлежности каждого отдельного глагола первому или второму лексическому слою в настоящее время в достаточной степени относительно, поскольку у нас нет сведений о глагольной лексике греческих диалектов районов первоначальных заимствований.

¹¹ Болгарские глаголы с сигматическими суффиксами имеют фиксированное (на вокалическом элементе суффикса) ударение. Поскольку все эти глаголы относятся к третьему, новому спряжению, данная характеристика звукового облика заимствованных суффиксов является постоянной, так как в болгарских говорах глаголы нового спряжения за исключением единичных лексем, варьирующихся по диалектам, имеют неподвижное ударение во всех парадигматических формах и в словообразовательных рядах. Даже в литературном языке, где эта общая для болгарской глагольной системы

образовано на болгарской почве, а не заимствовано: ср. *сарандѣс* (с. Н. Надежда, Хасковско) «четиредисетият ден от деня на раждането на дете» — производное существительное к глаголу *сарандѣсам* (там же), который представляет собой диалектизм (как и отмеченный в р-не Драмы *сарандѣсам се*), дублет к заимствованию *сарандѣсам се* (р-н Драмы), *съръндѣсвъм съ* (р-н Гюмюрджини) взвр., *сарандѣсам* (Странджа), *сарандѣсвъм* (р-н Гюмюрджини) прх. < нгр. *σαραντίσω* (аор. основа *σαραντίσ-*).

Закрепление за возникшей в результате переразложения аористных основ на *-ώσω* морфемой *-ос-* функции средства производства о т ы м е н н ы х п е р е х о д н ы х глаголов может, таким образом, рассматриваться как заимствование словообразовательной модели. Новый, собственно болгарский суффикс *-ос-/-ос-ва-* обладает устойчивым залоговым значением переходности (см. стр. 83).

Группа глаголов на |'as| не представляет такого единства как глаголы-заимствования на |os|, однако и здесь мы находим преимущественно деноминативы; количество их в болгарском языке достаточно велико, и большинство из них заимствовано параллельно с мотивирующим именем: *пирѣн*, *перѣн*, *пирѣн* < нгр. *περόνι*, *πέρωνι* и *пирѣнѣсам* прх. < нгр. *περονιάζω* (аор. основа *περονιάσ-*); *скѣря* < нгр. *σχορρία* и *скѣрясам* непрх. < нгр. *σχορριάζω* (аор. основа *σχορριάσ-*); *тамѣн*, *темѣн*, *тимѣн* < нгр. *θυμίασι* и *тимѣсам* прх. < нгр. *θυμιάζω* (аор. основа *θυμιάσ-*); но *тагѣсам* непрх. < нгр. *ταγγιάζω* (аор. основа *ταγγιάσ-*), *тронѣсам* прх. < нгр. *θρονιάζω* (аор. основа *θρονιάσ-*) и т. д. Греческие глаголы на *-ιάζω* (аор. основан на *-ιάσω*) составляют большую часть продуктивного в греческом классе отыменных глаголов на *-ιάζω* (аор. основа на *-ιάσω*).

Можно, как нам представляется, утверждать, что функция болгарского суффикса *'ac-/-'ac-ва-* как средства производства деноминативов непосредственно перенесена из греческого. Между тем роль этого суффикса как распространенного способа образования непереходных глаголов не предопределена однозначно характеристиками его этимологического прототипа: греческие глаголы на *-ιάζω*, в том числе на *-ιάζω* (аор. основа на *-ιάσω*, *-ιάσω*), могут быть и переходными, и непереходными.

Морфема *'ac-/-'ac-ва-* получила статус словообразовательного суффикса, возможно, в результате контаминации двух гетерогенных способов отыменного глагольного словообразования: собственного — болгарского и заимствованного — греческого. Болгарский тип — бессуффиксальный (род конверсии) и может быть описан следующим образом: именная основа включается в глагольную парадигму присоединением исключительно словоизменятельных морфем. В мотивирующем имени и производном глаголе имеет место чередование согласных $\# C/\#C'$, и в подавляющем большинстве случаев производный глагол характеризуется фиксированным окончательным ударением, как, например, в литературном языке *гост* — *гостѣ*, *дим* — *димѣ*, *женѣ* — *женѣ*, *мѣсто* — *мѣстя*, *пазѣр* — *пазѣря се*, *честит* прил. — *честитѣ* и т. д. Речь идет, таким образом, о «чрезвычайно продуктивном»¹² в старославянском типе отыменного образования на *-ити* (как *молити*), представленном в болгарском четвертом классом глаголов старого спряжения со второй основой на *-и*¹³. Из греческого словообразовательного типа на *-ιάζω*, существующего в виде двух подтипов на *-ιάζω* (аор. основа на *ιάσω*-) и на *-ιάζω* (аор. основа на *-ιάσω*), вторичную продук-

тенденция нарушается особенно часто, глаголы с сигматическими суффиксами составляют исключение: ср. Ю. С. М а с л о в. Там же, стр. 206, где глаголы «с суффиксами [-аса-], -оса- и т. д.» отнесены к группе глаголов «с неподвижным ударением на основе (но не на последнем ее слог)».

¹² А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 286.

¹³ Ю. С. М а с л о в. Там же, стр. 204, 172.

тивность в виде суффикса *-'ac/-'ac-va-* получил в болгарском языке только подтип на *ιζω-* (аор. основа на *-ιζσω*). Рассмотренные болгарская и греческая словообразовательные модели имеют общие релевантные признаки: палатализация конечного согласного корня производного глагола и фиксация ударения на слоге, содержащем этот палатализованный согласный¹⁴. Эти два признака есть постоянные характеристики болгарского словообразовательного типа на *-'ac/-'ac-va-*, ставшего во многих говорах продуктивным средством образования отыменных непереходных глаголов (см. ниже, стр. 83). По говорам находим также производные глаголы на *-'ac/-'ac-va-*, мотивированные глаголами, где сигматический суффикс не несет указанного залогового значения, например: *билин'асвам* прх. (Търново) вм. *билиня* прх.; *бутур'асвѣм* (р-н Елены; Самокова, с. Кесарево, Гор. Оряховицы; с. Кривеник, р-н Севлиева), *бутур'асвѣм* (с. Страхилово, р-н Свищова), *ботур'асвам* (с. Габаре, р-н Белой Слатины; Враца), *бутор'асвам* (р-н Разлога) — глагол с основой, содержащей корень *бут-* (ср. *бута́м* прх.) и суффикс отглагольного словообразования *-ор'*¹⁵; *сабор'асвам* прх. (Ботевград) вм. *сѣбѣрям* прх.; *грѣд'асвѣм* прх. (Тырново; с. Кривеник, р-н Севлиева) вм. *заградя* прх.; *грѣмул'аса* (Тырново), *грѣмол'асвам* прх. (р-н Тетевена) вм. *грѣмоля* прх.; *вретен'аса* (р-н Ихтимана; Софии) и *вритин'асѣ* непрх. (Троян) вм. *вретеня* непрх.; *гран'асува* (р-н Самокова) и *грѣн'асѣ* непрх. (с. Страхилово, р-н Свищова; Троян; с. Кривеник, р-н Севлиева) вм. *граня* непрх.; *лѣмуня* непрх. (р-н Тырнова) и *лѣмун'асѣм* непрх. (р-н Тырнова) и т.д. В приведенных отглагольных образованиях выбор суффикса *-'ac/-'ac-va-* обусловлен, возможно, теми же выделенными выше, весьма абстрактными признаками: наличием палатализованного согласного в исходе корня мотивирующего глагола и, с меньшей регулярностью, местом ударения (на слоге, содержащем палатализованный согласный). Самый способ образования глагольных дублетов на *-'ac/-'ac-va* от глагола с корнем на $\# C'$ тогда можно считать аналогом предпологаемого (в условиях первоначальных заимствований) смешения заимствованного словообразовательного типа на *'as/* и славянского бессуффиксального с чередованием $\# C/\# C'$.

Обратимся теперь к вопросу о происхождении болгарского суффикса *-ис/-ис-ва*. В упомянутой работе А. Мазона славянский, точнее, славянизированный глагольный тип на *-ис-* определяется как единый словообразовательный тип «греко-турецкого происхождения»¹⁶. Представляется, однако, что здесь мы имеем дело не с одним глагольным типом, а с несколькими, полностью или частично омонимичными. Прежде всего должны быть выделены и отграничены турецкие глагольные заимствования с суффиксом *-дис/тис-*, рассматриваемые А. Мазоном в рамках «единого славянского типа на *-ис-*». Легко устанавливается группа производных (на болгарской почве) словоформ, реализующих модель глаголообразования при помощи сигматического суффикса, в данном случае на *-ис/-ис-ва*. Наконец и греческие по происхождению глаголы на *-ис-* представлены двумя разрядами заимствований, существенно различающимися в отношении к вторичной продуктивности сигматического суффикса. Среди греческих глаголов-заимствований на $|is|$ (болг. *-ис-*) находим два вида аористных основ: на *-ιζσω*

¹⁴ Чередование $\# C/\# C'$, характерное для описанного славянского бессуффиксального словообразовательного типа, в новоболгарский период по отдельным говорам исчезает. Этот факт, однако, не противоречит выдвинутому предположению относительно развития словообразовательной модели на *-'ac/-'ac-va-*, поскольку процесс депалатализации имел место только в западных говорах, а первоначальное заимствование сигматических суффиксов и развитие болгарских словообразовательных типов с этими суффиксами происходило, по-видимому в юго-восточных, рупских, говорах.

¹⁵ Ю. С. М а з о н. Там же, стр. 176.

¹⁶ А. М а з о н. Ibid., р. 265.

[is] и на *-iσω* [is]. Вычленение морфемы *-ис-*, получившей статус болгарского глагольного суффикса, могло иметь место, по-видимому, только внутри и на базе глаголов с сигматической основой на *-iσω* (презенс на *-ίζω*).

Группа заимствований на |is| восходит к греческим глаголам на $\bar{\omega} < -\acute{\alpha}\omega, -\acute{\epsilon}\omega$ (аор. основа на *-ήσω*)¹⁷. Слитные глаголы этого класса в больших количествах и неоднократно заимствовались в болгарские и македонские говоры (а также сербские), где соответствующая «примета» аористной основы получала отражение в виде |ис|. Два старославянских «адаптированных аориста» *κλασφимисати* и *σκανδαμισати* А. Мазон считает началом разветвения «формы-типа»¹⁸, относя к той же традиции старославянского языка и *κανонисати*, *литургиясати*, *прескомисати* (*прескумисати*), *атикисати*, *χερотонисати* и др. Эти глаголы, выделенные в качестве источника «отправного пункта» нового образования, как нам представляется, не имеют ничего общего с продуктивным болгарским способом словопроизводства, реализующимся в *белисам* (приводится в работе А. Мазона), а также в *дъгатисувам* (р-н Софии), *наплатисувам* (р-н Ихтимана), *пладнисувам* (р-н Асеновграда), *заслеписувам* (р-н Разлога) и др. Больше того, этот древнейший слой заимствований на |is| должен быть, как кажется, отделен и от заимствованных позднее (и в значительно большем количестве) греческих глаголов того же класса, например: *адикисвам* < нгр. *ἀδικῶ*, дргреч. *ἀδικέω* (аор. основа *ἀδικήσ-*); *аргисвам* < нгр. *ἀργῶ*, дргреч. *ἀργέω* (аор. основа *ἀργήσ-*); *властимисвам* < нгр. *βλαστημῶ*, *βλασφημῶ*, дргреч. *βλασφημέω* (аор. основа *βλασφημήσ-*); *влогисвам* < нгр. *εὐλογῶ*, дргреч. *εὐλογέω* (аор. основа *εὐλογήσ-*); *перипатисвам* < нгр. *περιπατῶ*, дргреч. *περιπατέω* (аор. основа *περιπατήσ-*); *петимисвам* < нгр. *πέθυμῶ*, *ἐπιθυμῶ*, дргреч. *ἐπιθυμέω* (аор. основа *(ἐ)πιθυμήσ-*); *полемисвам се*, *полимисвам се* < нгр. *πολεμῶ*, дргреч. *πολεμέω* (аор. основа *πολεμήσ-*); *технологисвам* < нгр. *τεχνολογῶ*, дргреч. *τεχνολογέω* (аор. основа *τεχνολογήσ-*); *тимисвам* < нгр. *τιμῶ*, дргреч. *τιμάω* (аор. основа *τιμήσ-*); *тиранисвам* < нгр. *τυραννῶ*, дргреч. *τυραννέω*, *τυραννέω* (аор. основа *τυραννήςσ-*); *хиперетисвам* < нгр. *ὑπερετῶ*, дргреч. *ὑπερετέω* (аор. основа *ὑπερετήσ-*); *хиротонисвам* < нгр. *χειροτονῶ*, дргреч. *χειροτονέω* (аор. основа *χειροτονήσ-*). Заимствование глаголов на *-[is]-* < нгр. аор. основа на *-ήσω* (при презенсе на $\bar{\omega} < -\acute{\alpha}\omega, -\acute{\epsilon}\omega$) в старославянский и новоболгарский — процессы разновременные и разносистемные, которые, однако могут быть сопоставлены типологически. Во-первых, выбор глагольных форм (с основами на *-[s]*) и в том и в другом случае обусловлен частичным совпадением грамматического значения греческого аориста и славянского совершенного вида; во-вторых, самый процесс заимствования в обоих случаях однотипен — через посредство литературного языка. Даже поверхностный анализ семантики группы глаголов типа *адикисвам* свидетельствует о принадлежности составляющих ее лексем определенной традиции. Эта традиция может быть названа «традицией старославянского языка» (А. Мазон) или просто литературной традицией, точнее, традицией литературы религиозного содержания. Если круг глаголов-заимствований на |is| < аор. основ на *-iσω* (при презенсе на *-ίζω*), на базе которых был вычленен сигматический суффикс *-ис-/-ис-ва-*, лексически и стилистически неограничен, то в отличие от них заимствования на |is| < аор. основ на *-ήσω* (при презенсе на $\bar{\omega} < -\acute{\alpha}\omega, -\acute{\epsilon}\omega$) составляют в болгарском в принципе ограниченный набор. Поскольку эти глаголы перенесены из литературного языка в литературный, список их определяется словарем произведений, принадлежащих

¹⁷ М. Филипова-Байрова. Там же, стр. 47.

¹⁸ А. Мазон, *Ibid.*, p. 266.

соответствующей литературной традиции. Эти глаголы функционируют в системе болгарского языка как чистые заимствования.

Остановимся на некоторых особенностях такого рода заимствований. Группу «чистых» греческих заимствований в среде болгарских [s]-содержащих глаголов составляют: 1) адаптированные однослогные сигматические основы, 2) основы на $[-ks]$, $[-ps]$, $[-as]$, $[-es]$ (нгр. $-|\xi|$, $-|\psi|$, $-|\alpha\sigma|$, $-|\epsilon\sigma|$), а также 3) описанный выше класс глаголов на $|is| < |$ нгр. аор. основ на $-\acute{\iota}\sigma\omega$. На эти три типа основ не распространялись принципы вторичного членения иноязычных лексем, релевантные в гипотетическом двуязычном коллективе, которые, как представляется, содержательно соответствовали разложению основы (в нашем случае — глагольной) на корень и суффиксальный элемент, а их реализация была обусловлена, в частности, наличием словообразовательного ряда. Заимствования на $|is| < |$ $\acute{\iota}\sigma|$, как и заимствования на $|os|$, $|'as|$ представлены глаголами, являющимися исторически отыменными¹⁹. Однако в новогреческом словообразовательные связи в парах имя — отыменной глагол на $-\bar{\omega} < -\acute{\alpha}\omega$, $-\acute{\epsilon}\omega$ существенно затемнены, поскольку самый тип словопроизводства перестал быть продуктивным. Следовательно, соотносительность глаголов — заимствований типа *адикъсам* с мотивирующим именем возможна только в диахронии собственно греческого языка: нгр. $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\bar{\omega} <$ дргреч. $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\acute{\epsilon}\omega$ к прил. $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\omicron\varsigma$; нгр. $\acute{\alpha}\rho\gamma\bar{\omega} <$ дргреч. $\acute{\alpha}\rho\gamma\acute{\epsilon}\omega$ к прил. $\acute{\alpha}\rho\gamma\omicron\varsigma$; нгр. $\beta\lambda\alpha\sigma\varphi\eta\mu\bar{\omega} <$ дргреч. $\beta\lambda\alpha\sigma\varphi\eta\mu\acute{\epsilon}\omega$ к прил. $\beta\lambda\alpha\sigma\varphi\eta\mu\omicron\varsigma$; нгр. $\beta\lambda\omicron\gamma\bar{\omega}$, $\epsilon\upsilon\lambda\omicron\gamma\bar{\omega} <$ дргреч. $\epsilon\upsilon\lambda\omicron\gamma\acute{\epsilon}\omega$ к $\epsilon\upsilon\lambda\omicron\gamma\acute{\iota}\alpha$ и т. д. Мы не обнаруживаем, таким образом, ситуации, характерной для других, уже описанных типов заимствований, вычленившихся сигмантические суффиксы. Между тем болгарский суффикс $-uc/-uc-$ $-\acute{e}a-$ есть средство отыменного глаголообразования, что побуждает нас искать для этого сигматического суффикса иной словообразовательный прототип, чем обнаруживаемый в нгр. $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\bar{\omega}$ $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\omicron\varsigma$.

Отметим другую особенность чистых заимствований, тесно связанную с первой: грамматическое значение аористной основы, трансформировавшееся в значение совершенного вида, не получило в их среде вторичного формального выражения в виде сигматического суффикса. С этим, по-видимому, связана видовая неустойчивость отдельных лексем первого и второго типа, установленная Ю. С. Масловым для болг. *вакса-*, *соса-*, *васа-*²⁰. Существенна также отмеченная А. Мазоном подвижность аспекта глаголов на $|\text{uc}|$ — в сербскохорватском: «в сербскохорватской области аспект этих глаголов (на $-isam$. — Т. М.) проявляется как чисто перфективный только в случаях, где развивается производный итератив»²¹. Удерживаясь от окончательных выводов, заметим, что сербскохорватский суффикс, идентичный устанавливаемому ниже болгарскому $-uc/-uc-\acute{e}a$ ², обобщен, очевидно, из класса греческих глаголов типа $\beta\lambda\alpha\sigma\varphi\eta\mu\bar{\omega}$ (\triangleright ст.-слав. *классифициати*), — $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\bar{\omega}$ (\triangleright болг. *адикъсам*). С такого рода предположением вполне согласуется чисто книжный характер сербскохорватского сигматического суффикса: «в сербскохорватском здесь обнаруживается покушение на область латиногерманских глаголов на $-irati$ »²².

Вычленение с последующим заимствованием сигматических морфем происходило обычно на базе разговорной, бытовой, народной лексики. Это правило верно для заимствований на $|os|$, $|'as|$, и среди заимствований на $|is| < |$ нгр. аор. основ на $-\acute{\iota}\sigma\omega$ (при презенсе на $-\bar{\omega} < -\acute{\alpha}\omega$ и $-\bar{\omega} < -\acute{\epsilon}\omega$), помимо лексем литературного языка, выделяется ряд глаголов, принадле-

¹⁹ E. S c h w y z e r. Griechische Grammatik, Bd. I. München, 1939, S. 712—736.

²⁰ Ю. С. М а с л о в. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.—Л., 1963, стр. 105—107.

²¹ А. М а з о н. Ibid., p. 271.

²² Ibid., p. 270.

жащих вне всякого сомнения народной речи, как: *αργύβυασις* 2 л., ед. ч. (Родопы, р-н Салоник) < нгр. ἀργῶ (аор. основа ἀργήσ-), *πολεμίσ-вам се* (Котел, р-н Пирдопа, Тетевана) < нгр. πολεμῶ (аор. основа πολεμήσ-) и др. Важно отметить, что начиная с древнегреческого периода словообразовательный тип на *-ίζω* (с аор. основой на *-ίσω*) функционировал в производстве деноминативов параллельно типу на *άω, -έω* > *-ῶ* (ср. *πολεμέω* > *πολεμῶ, πολεμιζω* к прил. *πόλεμος*). «По диалектам образования на *-ίζω*, выступают вместо атт. и др. *-έω, -όω, -εώω*, а в языке более позднего периода и вместо *-άω, -έω*». ²³ Кроме того, в новогреческий период выравнивание презенса по аористным основам приводит в ряде случаев к смешению глаголов на *-ῶ* < *-άω, -έω* (аор. основа на *-ήσω [is]*) с высокопродуктивным классом отыменных глаголов на *-ίζω* (аор. основа на *-ίσω [is]*). Исключительная продуктивность словообразовательного типа на *-ίζω* (аор. основа на *-ίσω*) в системе греческого глагола позволяет полагать в определенных случаях прототипом болгарского глагола на *-|ис|* не аористную основу на *-ήσω* при презенсе на *-ῶ* < *-άω, -έω*, а основу на *ίσω* при презенсе на *-ίζω*. Подтверждением правильности такого рода этимологизации можно считать принадлежность соответствующей лексемы низкому (не литературному) стилю, а также определенно-двуязычной диалектной зоне.

Основную и практически необозримую массу глаголов-заимствований на *|ис|* составляют в болгарском языке греческие деноминативы на *-ίζω* (аор. основа на *-ίσω*). По-видимому, новая «морфема» *-ис-* < нгр. *|ισ|* возникла в двуязычных коллективах в результате переразложения этих глагольных лексем, сопоставимых в рамках одного словообразовательного ряда с параллельно заимствованными именами: *αναθηματίσвам* < нгр. ἀναθηματίζω (аор. основа ἀναθηματίσ-) и *ανάθημα* < нгр. ἀνάθημα; *прионисвам* < нгр. πριονίζω (аор. основа πριονίσ-) и *прион* < нгр. πριόνι, πριόνιον; *роданисвам* < нгр. ροδανίζω (аор. основа ροδανίσ-) и *родан*, *рудан* < нгр. ροδάκι; *роканисвам* < нгр. ροκάνιζω (аор. основа ροκάνίσ-) и *рокан*, *рукан*, *роган* < нгр. ροκάνι, ροκάνη; *сапунисвам* < нгр. σαπουνίζω (аор. основа σαπουνίσ-) и *сапун* < нгр. σαπούνι; *скорафисвам* < нгр. ξουραφίζω (аор. основа ξουραφίσ-) и *скорафче* < нгр. ξουράφι, ξυράφι; *сфунгарисвам* < нгр. σφουγγαρίζω (аор. основа σφουγγαρίσ-) и *сфонгар*, *сфунгар*, *свингар* < нгр. σφουγγάρι и т. д. Значение суффикса *-ис-/ис-ва-* определяется, однако, не так четко, как *-ос-/ос-ва-*.

Между именем и соответствующим отыменным глаголом возможны следующие отношения: 1) прилагательное или существительное, обозначающее предмет, лицо и т. д. — отыменной глагол со значением «делаться, становиться таковым» (непереходный); 2) прилагательное или существительное, обозначающее предмет, лицо и т. д. — отыменной глагол со значением «делать таковым» (переходный); 3) существительное, обозначающее предмет, — отыменной глагол со значением «совершать действие при помощи названного предмета» (непереходный или переходный). Третий тип отношений представлен в деноминативах на *-ίζω* (аор. основа на *-ίσω*). Если первый и второй типы однозначно характеризованы в отношении транзитивности/интранзитивности, то третий тип не характеризуется и может быть представлен как нейтрализующий это противопоставление.

Такого функционального распределения не находим в системе словообразования греческого глагола; соответствующие классы греческих глаголов весьма неоднородны и включают как первичные глаголы, так и деноминативы разного значения. «Определенное значение не закреплено за определенным суффиксом. Один суффикс может передавать разные зна-

²³ E. S c h w y z e r. Ibid., S. 735.

чения, и одно значение может передаваться разными суффиксами»²⁴. На болгарской почве, однако, на основании собранного материала представляется возможным сделать вывод о такого рода специализации, хотя и отражающей в своей непоследовательности исконную полифункциональность соответствующих «морфем»-прототипов.

Закрепление за суффиксом *-uc/-uc-va-* значения ненаправленности действия, как оно определено выше, было поддержано, по-видимому, и смешением в заимствованиях на |is| деноминативов разного происхождения и медиальных глаголов. Следующие заимствования на |is| из числа приведенных восходят к греческим медиальным глаголам: *арнѣсвам се* взвр. (с. Доброславци, р-н Софии; с. Смолско, р-н Пирдопа), *ѣрнѣсвѣм сѣ* взвр. (Троян; с. Крывеник, р-н Севлиева), *арнѣсува се* взвр. (Прилеп; р-н Костура)²⁵, *арнѣсвам* (Родопы; Кукуш; р-н Софии; с. Смолско, р-н Пирдопа; с. Габаре, р-н Белой Слатины; р-ны Хаскова, Разлога) и *ѣрнѣсвѣ* непрх. (р-ны Севлиева, Трояна, Тетевена, Тырнова) < нгр. *ἀρνῶμαι* (аор. основа *ἀρνῆσ-*); *ексигѣсвам* (Охрид) < нгр. *ἐξήγῶμαι* (аор. основа *ἐξηγήσ-*); *паратѣсвам* непрх. (Странджа) < нгр. *παραιτῶμαι* (аор. основа *παραιτήσ-*). Слитные медиальные глаголы на *-ῶμαι* (аор. основы на *-ήσῶμαι*) в новогреческом имеют дублетные формы на *-ῶ*: *ἐξηγῶ*, *ἐξηγῶμαι*; *παραιτῶ*, *παραιτῶμαι*, а на болгарской почве можно предположить и смешение глаголов типа *παραιτῶ*, *παραιτῶμαι* (аор. основа *παραιτήσ-*), коль скоро установлен факт заимствования подобных глаголов непосредственно в народные говоры, с глаголами на *-iζω* (аор. основа на *-iσω*) в едином типе заимствований на |is|.

Можно, по-видимому, констатировать наличие в болгарском языке двух омонимичных образований. Заимствованный из греческого суффикс *-uc/-uc-va*¹ вычленен из аористных основ на *-iσω* (и при презенсе на *-iζω*) и является продуктивным средством образования отыменных глаголов, нехарактеризованных по направленности действия, или с медиальным значением (см. ниже), принадлежащих болгарской бытовой или диалектной лексике. Суффикс *-uc/-uc-va*² в болгарском языке находим исключительно в глагольных заимствованиях из греческого, принадлежащих в основном книжной лексике. Суффикс *-uc/-uc-va*¹ выступает как средство словообразования только в болгарских говорах, в отличие от него суффикс, входящий, как и *-uc/-uc-va*², к греческим аористным основам на *-ήσῶ* (при презенсе на *-ῶ*), получил распространение в сербских говорах, откуда, очевидно, был перенесен в македонские.

Заимствованные сигматические суффиксы вида *-V-s-* образуют в болгарских говорах довольно стройную систему средств отыменного глаголообразования. Суффикс *-oc/-oc-va-* служит для производства (от славянской или другого происхождения основы, но на болгарской почве) переходных глаголов: *длагѣсвам*, *длагѣсувам* прх. «ширинам ступена кост със длага» (Родопы: р-ны Смоляна, Арды, Асеновграда, Мадана; р-н Широкой Лыки; с. Ситово, р-н Пловдива); *пепел'ѣсвам* (с. Смолско, р-н Пирдопа; р-на Тетевена; Странджа; р-н Малко-Тырнова); *пепелѣсвам* (р-н Смоляна; с. Павелско, р-н Асеновграда), *пеп(е)лѣса* (македонские говоры), прх. «справя нещо на пепел»; *планинѣсувам* прх. «угоявам стадо в планина» (р-н Разлога); *прекорѣсвам* прх. «назовавам някого с *прякор*» (р-н Софии) и т. д. Суффикс *-'ac/-'ac-va-* образует непереходные глаголы: *бурен'ѣсва* (р-н Ихтимана; Самокова; Вратцы), *бурин'ѣсоѣ* непрх. «обраства с *бурен*» (Троян), *бур'ѣн'ѣсѣл* прил. (с. Крывеник, р-н Севлиева) ср. макед. *бурџа-*

²⁴ E. S c h w y z e r. Ibid., S. 730.

²⁵ В тех говорах, где заимствование выступает как возвратный глагол, употребителен вторичный переходный глагол: *арнѣса* (Мориово; Прилеп; с. Смолско, р-н Пирдопа).

нбсува непрх; *вапир'асва се* взвр. (р-ны Ихтимана, Дупници), *вапир'асувам* (р-н Самокова), *влепир'асвам са* взвр. «ставам вампир» (р-н Тетевена) ср. макед. *вампирбсува се*; *в'ши'асв'ем*, *ваш'асвам* (Родопы: р-н Смоляна, Арды, Асеновграда, Мадана; с. Смолско, р-н Пирдопа; р-ны Разлога, Хаскова), *в'шил'асвам*, *вашл'асвам* непрх. «хващам *в'шки*, бивам нападнат от *в'шки*» (р-ны Ихтимана, Самокова; с. Кривеник, р-н Севлиева), ср. макед. *вошлбсува (се)* непрх. и т. д. Суффикс *-ис-/-ис-ва*¹ служит для образования глаголов, не характеризованных по направленности действия; частным случаем такого рода грамматического значения является медиальное залоговое значение, как, например, в *папунисам* (Родопы: р-ны Смоляна, Асеновграда, Арды) «роптая, мърморя с тих глас»; *бърбунисам*, *попонисам* «мърморя на себе си, роптая непрекъснато» (с. Павелско и Хвойна, р-н Асеновграда); *пърп'ни'ем* «говоря неспирно, дърдоря» (р-н Хаскова); *зелен'исам* «пея фалшиво» (с. Славеино, р-н Смоляна) ср. *зелен'асам* непрх. «придобивам зелен цвят»; *сколен'исвам* «превивам колене за да седна или да легна» (с. Яврово, р-н Асеновграда; Странджа).

Описанное распределение и закрепление за сигматическими суффиксами определенных залоговых значений характерно для родопских говоров. В других болгарских говорах находим незначительное число глаголов среднего залога на *-ис-/-ис-ва*¹, а противопоставление переходных глаголов на *-ос-/-ос-ва* непереходным на *-'ас-/-'ас-ва* проведено повсюду²⁶. В македонских говорах ситуация иная: здесь полностью отсутствует суффикс непереходных деноминативов *-'ас-/-'ас-ва*, в то время как способ образования переходных глаголов на *-ос-/-ос-ва* получил в них даже большее распространение. Рост продуктивности модели глаголообразования на *-ос-/-ос-ва* сопровождается стиранием залогового (транзитового) значения этого суффикса, так что можно констатировать наличие здесь некоторого местного аффикса *-ос-/-ос-ува*^М, за которым не закреплено никакое грамматическое значение, кроме видового.

Характер глагольного словообразования с помощью сигматических суффиксов в македонских говорах свидетельствует о том, что здесь не было самостоятельных заимствований из греческого. Районы первоначальных заимствований, где оформились продуктивные в македонских говорах сигматические суффиксы, были расположены, по-видимому, на территории болгарских говоров, откуда распространились в македонские говоры суффиксы *-ос-/-ос-ува-*, и, возможно *ис-/-ис-ува*¹, а также на территории сербских говоров, откуда перенесена в македонские говоры морфема *-ис-*, совпадавшая здесь с болгарским суффиксом *-ис-/-ис-ва*¹. Единую по существу модель образования македонских глаголов *-ос-/-ос-ува* мы расчлениаем на суффикс переходных глаголов *-ос-/-ос-ва-*, общий для болгарских и македонских говоров, и местный, возникший в результате вторичной продуктивности суффикс *-ос-/-ос-ува*^М, выступающий как средство образования непереходных глаголов: ср. болг. *бабуни'исвам* непрх. — макед. *бабуносува* непрх.; болг. *брад'ясвам* непрх. — макед. *брадосува* непрх.; болг. *в'шил'ясвам* непрх. — макед. *вошлбсува* непрх.; болг. *глист'ясвам* непрх. — макед. *глистбсува* непрх.; болг. *гнид'ясвам* непрх.; — макед. *гнидбсува* непрх.; болг. *гно'ясвам* непрх. — макед. *гно'бсува* непрх. и т. д.

Кроме описанных выше сигматических суффиксов в болгарском языке получил широкое распространение глагольный аффикс *-Tis-*. Принято считать, что *-Tis-* представляет собой механическое соединение показателя

²⁶ Заметим, что обычно глаголы с сигматическим суффиксом и славянским корнем представляют собой не общеболгарские, а диалектные образования с ограниченной территорией распространения. Статус общеболгарских имеют лишь немногие глаголы, однако, самый способ словообразования посредством суффиксов вида *-V-s-* должен быть признан общеболгарским, а также общим для болгарских и македонских говоров.

турецкой глагольной основы $-T\iota$ ($-t\iota$, $-ti$; $-d\iota$, $-di$) и сигматического элемента, заимствованного из греческого. Между тем, учитывая регулярность фонемной трансформации тур. $\iota >$ болг. a , ϵ , мы должны полностью отказаться от предположения о сохранении в болгарском суффиксе $-Tis$ - турецкой морфемы $-T\iota$, представленной алломорфами $-t\iota$, $-ti$; $-d\iota$, $-di$. Характер турецкой глагольной основы $-T\iota$ ($-t\iota$, $-ti$, $-d\iota$, $-di$) сохраняется, по нашему мнению, в сложном образовании $-Tis$ - лишь в виде согласного элемента. В таком случае греческий по происхождению элемент суффикса $-Tis$ - должен быть определен как $-uc$ -.

Гетерогенные, турецкий и греческий, показатели глагольных основ, имеющих значение финитности и однократности действия, соединены в болгарском $-Tis$ -. Отметим, что оба определителя представлены их болгарскими вариантами: турецкая морфема выступает усеченной, а греческая, напротив, с гласным распространением. Это $-Tis$ -, реализующееся в двух вариантах, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции ($disc/mic$), может быть определено функционально как некий детерминант глагольной основы. В отличие от сигматических суффиксов вида $-V-s$ - $-Tis$ - не является в болгарском языке суффиксом, морфемой в строгом смысле. Фактически $-Tis$ - выделяется как некоторый элемент, общий большому числу болгарских глаголов, т. е. по «принципу выделимости». (Другой путь определения морфных границ в глаголах на $-disc$ -/ $-mic$ - с последующим выделением $-Tis$ - как морфемы — этимологический.) Членение словоформ с элементом $-disc$ -/ $-mic$ - на синхронном срезе новоболгарского языка возможно лишь с проведением морфной границы по с л е отрезка $-Tis$ -. Элемент $-Tis$ - никогда не выступает как средство формо- или словообразования глаголов со славянской основой. По указанным признакам элемент $-Tis$ - сопоставим с суффиксом $-uc$ -/ $-uc$ - va -², выделяемым среди «чистых» заимствований из греческого. Как и этот суффикс, $-Tis$ - выступает в качестве детерминанта основы «чистых заимствований» из турецкого. Совпадает, по-видимому, и сфера распространения суффикса ограниченной значимости $-uc$ -/ $-uc$ - va -² и такого же $-Tis$ - среди языков балканского языкового союза. Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что в образовании $-Tis$ - греческий компонент тождествен элементу $-uc$ -/ $-uc$ - va -².



ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Г. ПУЦКО

ПАМЯТНИК ДРЕВНЕСЕРБСКОЙ ЖИВОПИСИ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

В Успенском соборе Московского Кремля в местном ряду иконостаса находится икона, которая известна под названием «Предста царица» или «Царь царем». Авторы старых описаний достопримечательностей собора, как правило, ссылались на предание, приписывающее икону кисти прославленного киевского иконописца Алиция (Алимпия) Печерского. Это явное недоразумение основано на невнимательном прочтении одного из свидетельств, где выражение «юже начат писати преподобный Алимпий Печерский» относится к рядом стоявшей иконе Успения Богоматери¹. Предание, которое говорит о довершении ангелом начатой Алицием иконы Успения Богоматери, содержится и в Киево-Печерском Патерике².

Н. П. Кондаков склонен был считать икону «Предста царица» русским произведением начала XVI в. и к этому же времени относил появление данной темы в искусстве³. В 1918 г. икона была экспонирована на выставке Национального фонда, где значилась как византийский памятник XIV в.⁴ В. Н. Лазарев доказал сербское происхождение иконы и датировал ее концом XIV в.⁵ Им же прослежен ход сложения иконографии композиции «Предста царица» в связи с исследованием ковалевских фресок в окрестностях Новгорода.

В центре иконы изображен Христос, восседающий на массивном троне; справа от него — молящаяся богоматерь, слева — изможденная фигура Иоанна Предтечи. Колорит построен на сочетании кирпично-красных, лиловых и бирюзовых тонов, сопоставленных с плотной зеленью позема и одежд Предтечи и светлым, хранящим следы позолоты фоном. Обильно использованное золото вносит звучный аккорд в несколько сумрачную гамму. Красочный слой иконы имеет многочисленные следы от гвоздей крепления оклада. С частичной утратой левкаса оказались нарушенными контуры головных уборов Христа и богоматери и очертания головы Предтечи.

¹ «Есть Спасов образ во архиерейстей одежди на престоле, и Богородица, яко предста царица одесную, и св. Иоанн Предтеча. Местна, в большом Успенском соборе стоит близ Успения Пресв. Богородицы, юже начат писати преп. Алимпий Печерский; ангел господень дописа и соверши ю». Цит. по: Ф. И. Буслев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 376.

² «Художественная проза Киевской Руси XI—XII веков». М., 1957, стр. 221.

³ Н. П. Кондаков. Русская икона, т. III, ч. 1. Прага, 1931, стр. 111; е го ж е. Иконография Иисуса Христа. СПб., 1905, стр. 54, 81, табл. 19.

⁴ Первая выставка Национального музейного фонда (Каталог). М., 1918, стр. 8, 9, 17.

⁵ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы. В кн. История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 98—99; е го ж е. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века. «Ежегодник Института истории искусств. 1957». М., 1958, стр. 260, рис. на стр. 261 (то же в кн. Русская средневековая живопись. М., 1970, стр. 260, рис. на стр. 271—273); е го ж е. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 97. Икона в расчищенном виде воспроизведена в изд. «Художественные памятники Московского Кремля». М., 1956, рис. 17, стр. 36.



«Предста царица». Икона конца XIV в.

Вопросы, связанные с развитием иконографии данной композиции, давно уже привлекали внимание исследователей⁶. Обстоятельное же исследование сложения иконографии композиции «Предста царица» или «Царь царем» принадлежит перу В. Н. Лазарева, который, используя в своей работе обширнейший материал, совершенно правильно указал на истоки образа Христа — «Царя царствующих» в той светской «императорской» иконографии, чьи корни уходят к античной традиции. Действительно, в указанном иконографическом типе Христа нетрудно обнаружить черты, сближающие его с портретами византийских василевсов. Это прежде всего касается костюма и регалий, составлявших исключительную принадлежность византийских императоров, а позже заимствованных сербскими королями (крялями).

В сербских памятниках, запечатлевших тот же сюжет, Христос представлен в царских одеждах, с короной на голове. В. Н. Лазарев отмечает: «Есть серьезные основания полагать, что именно в Сербии Христа в образе царя стали заменять в композиции „Предста царица“ Христом в образе архиерея»⁷. Если же Христос представлен со всеми атрибутами духовной и светской власти, то это может свидетельствовать о слиянии либо же о смешении двух иконографических традиций.

Слияние указанных иконографических типов можно наблюдать в иконе Успенского собора и в ковалевской росписи, в то время как другие произведения либо представляют Христа в императорских одеждах, либо в архиерейском облачении (в ковалевской росписи Христос в царских одеждах, но с омофором вместо лора). Но прежде чем подробнее рассмотреть эту особенность изображения Христа на иконе «Предста царица», коротко скажем о двух других фигурах и о композиции в целом.

Рассматривая данное произведение, следует помнить, что оно посвящено прославлению богородицы. Вопрос сложения иконографии богородицы-царицы был обстоятельно рассмотрен Н. П. Кондаковым⁸. Последний обратил внимание на то, что выражения различных церковных писателей, называвших богородицу «Царицею света», «Царицею небесною Мариею Матерью Господа», соответствуют изображениям богородицы «Царицы», которые варьировались в искусстве VI—VII вв. Известен наиболее ранний образ богородицы в императорском орнаменте и высокой царской стемме на алтарной стене в Santa Maria Antiqua (VI в.). Византийскому искусству подобные изображения, встречающиеся преимущественно в монументальном искусстве Италии, остались почти неизвестными. Для Сербии, поддерживавшей с Италией многовековые связи, заимствование данного иконографического типа не представляет ничего неожиданного⁹.

Иконографический тип Иоанна Предтечи, представленного в виде сурового аскета, ко времени исполнения рассматриваемой иконы прочно вошел в византийское искусство, откуда сербская живопись черпала как отдельные иконографические типы, так и целые композиции.

О принципах композиционного построения иконы может дать представление прилагаемая схема. Пропорции сторон представляют отношения простых чисел 5 : 8 (ширины к высоте). Поэтом занимает одну четвертую высоты иконы (вернее, ковчега). Основные элементы композиции вписываются в совмещенные круги¹⁰. Наклон голов богородицы и Предтечи подчинен контурам сторон квадрата, вписанного в верхний круг. Диагональ квадрата оказывается совмещенной с вертикальной осью композиции. Мы не будем комментировать другие закономерности, которые отражены в схеме.

⁶ См., например: G. Millet. Byzance et non l'Orient. «Revue Archéologique», 1908 (XI), p. 180—181.

⁷ В. Н. Лазарев. Ковалевская роспись..., стр. 257.

⁸ Н. П. Кондаков. Иконография Богородицы, т. I. СПб., 1914.

⁹ С. Радойич, цитируя апокриф, приводит сцену получения Богородицею царских одежд, во всех подробностях совпадающую с обычным византийским церемониалом. С. Радойич и др. Текстови и фреске. Београд, 1966, стр. 80—81.

¹⁰ Этот прием наиболее отчетливо прослеживается в произведениях романского искусства, например, в ларце-реликварии XI в. Берлинского музея (A. G o l d s c h m i d t. Die Elfenbeinskulpturen aus der Romanischen Zeit XI—XIII Jahrhunderts. Band 3. Berlin, 1923, Taf. 67, Abb. 155).

Отметим лишь, что указанные принципы существенно отличаются от тех, которыми руководствовались при создании многофигурных композиций древнерусские мастера¹¹.

Фигура сидящего на троне Христа по своим масштабам значительно превосходит изображенных в рост богородицу и Предтечу. В композиции иконы три исходные точки: вверху короны Христа, на уровне благославляющей десницы и в месте пересечения жезла с вертикальной осью. Все исходные точки лежат на вертикальной оси, и,

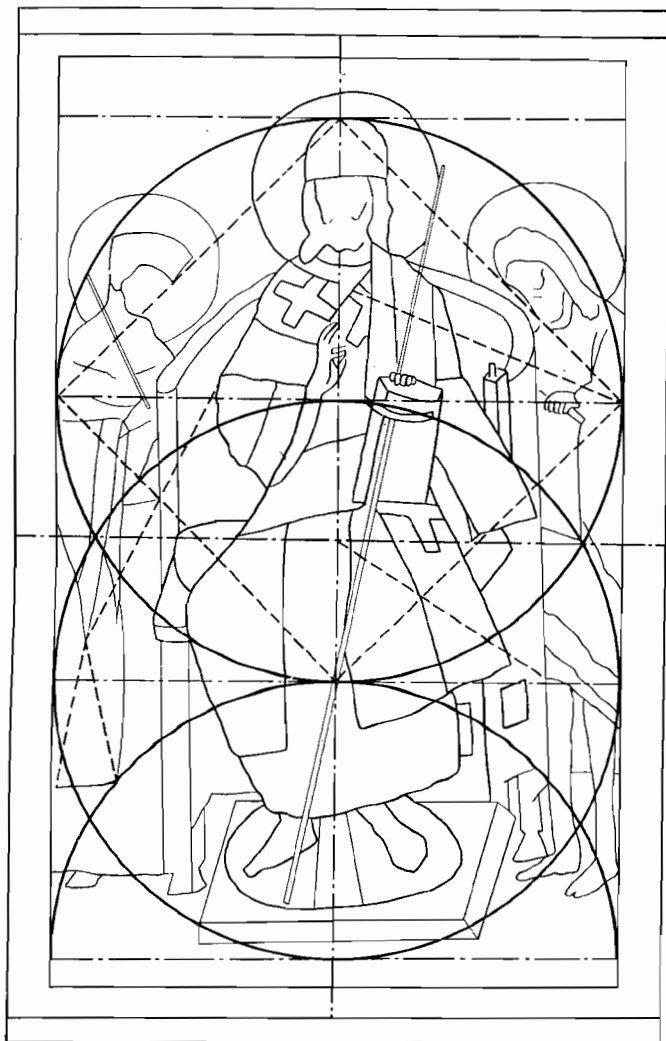


Схема иконы «Предста царица»

следовательно, приходится на изображение Христа. Его одежды орнаментированы крестами. В этом, кроме решения чисто декоративной задачи, можно также усмотреть и стремление наглядно выразить высокое иерархическое положение Христа. Известно, что саккос-дивитисий, в который облачен Христос, являлся принадлежностью оде-

¹¹ См. А. А. Тиц. Некоторые закономерности композиции икон Рублева и его школы. «Древнерусское искусство XV — начала XVI веков». М., 1963 стр. 22—53; Н. В. Гусев. Некоторые приемы построения композиции в древнерусской живописи XI—XVII веков. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгород». М., 1968, стр. 126—139.

яния византийских императоров. Последние предоставили право ношения саккоса константинопольскому патриарху, но лишь три раза в году: на праздник пасхи, рождества Христова и пятидесятницы. В другое время патриархи до XIII в. облачались в фелюль¹². Но и ношение крестчатой фелюни (полиставрия) разрешалось немногим лицам епископского сана¹³. Саккос Христа на рассматриваемой иконе по отделке подола, ожерелья и зарукавий, щедро украшенных драгоценными камнями и жемчужной обнизью, скорее напоминает царский дивитисий, а по орнаментации является саккосом-полиставрием — частью архиерейского облачения, право носить которое в XIV в. имели главы поместных православных церквей, в том числе сербские патриархи и русские митрополиты. Совмещение атрибутов светской и духовной власти становится еще более очевидным в сочетании лора и омофора, скипетра и жезла, короны и евангелия.

Голова Христа увенчана царской короной (*χαμλαύχιον*), подобной тем, которые с XII в. носили византийские императоры, а затем и сербские короли; на ногах красные сапожки. И корона, и пурпурные сапожки являлись принадлежностью императорского одеяния, права употребления которой тщетно добивались царьградские патриархи. Митру, которая является ничем иным, как короной, они стали носить уже после падения Царьграда. На иконе Успенского собора как бы сопоставляются роскошно отделанный саккос, лор и корона — с одной стороны, и скромный, изящный омофор — с другой, золотой скипетр и выделяющийся строгим силуэтом на фоне дорогих одежд простой жезл.

То, что не могло получить реального претворения в жизни, нашло выражение в искусстве. Мы имеем в виду византийские учения о власти царя и патриарха.

Со всеми атрибутами духовной и светской власти Христос представлен на иконе «Предста царица» в Московском Кремле, и это вполне согласуется с упомянутыми византийскими учениями, вызывавшими, впрочем, возражения со стороны виднейших церковных писателей.

Из предстоящих в молитве несомненно более значительное место отведено богоматери. Выделение ее фигуры достигается не только изображением ее в богато украшенных камнями хламиде и лоре с драгоценной диадемой на голове. Если всмотреться в икону, то можно заметить, что трон в композиции не занимает строго фронтального положения. Он кажется немного сдвинутым, и фигура Предтечи оказывается как бы у Христа за спиной. Лицо Христа чуть повернуто к богоматери, и это едва уловимое движение призвано играть роль важного смыслового акцента. Оно даже не столько подчеркивает «представительное начало», сколько органически объединяет фигуры «Царя царей» и небесной царицы, прославлению которых посвящены многочисленные церковные гимны, воспевающие «небесного царя» и его «благословленную мать».

На иконе Успенского собора изображения Христа и богоматери в цветовом отношении воспринимаются как единое целое. Это впечатление создается не только в результате применения определенных композиционных приемов, но и в значительной степени за счет соотношения колорита одежд, с преобладающими в них золотом и вишнево-красными и киноварными тонами. В то же время фигура Предтечи, окутанная в зелено-коричневатые одежды, кажется как бы приросшей к зелени позема и лишь оттеняющей царское величие Христа и его матери. Выражение Христа неприступно-величаво, но вместе с тем отличается известной простотой. Плотны сжаты губы, взор вдумчивых глаз сосредоточен. Лицо дано в легчайшем повороте вправо; левая бровь несколько приподнята. Христос как бы внимательно прислушивается

¹² «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на литургию». М., 1818, введение, стр. 69—73; Л. М и р к о в и ђ. Православна литургика. Прии општи део. Београд, 1965, стр. 130.

¹³ Здесь можно вспомнить о требовании патриарха Филофея, чтобы новгородский архиепископ Алексей снял кресты со своей фелюни, так как право их ношения «божественный собор предоставил одному архиепископу Моисею». Л. М а ц у л е в и ч. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Волокове. СПб., 1912, стр. 33—34.

к ходатайственному молению за людей стоящей в задумчивости у трона матери. Лицо Предтечи печально. Во всей его фигуре чувствуется какая-то надломленность, сказывающаяся и в осанке, и в движениях. Его изображение кажется с трудом помещенным в узкое пространство между тронном и краем ковчега иконной плоскости. При всей кажущейся парадной торжественности в иконе нет статической неподвижности. Движения соразмерны и ритмичны. Здесь нет ни повышенной экспрессии образов Феофана Грека, ни ясной, гармонической благоустроенности произведения Андрея Рублева.

Наиболее интересными по исполнению являются лица и руки. Карпация лиц выполнена жженой охрой с оливковыми тенями и с подрумянкой. Освещенные части моделировались с помощью мазков сильно разбеленной охры. На более выпуклых местах паложены яркие, белильные света. Сходными приемами выполнены руки, с резкими пробелами на освещенных местах. Красочная структура лиц и рук, строящаяся с помощью бледных штрихов-движек, а также густой насыщенный зеленый тон одежд Предтечи и позама иконы, сочетание монументальности с некоторой застылостью, живописности с определенной сухостью письма, жесткостью тонов и их сопоставлений — все это относится к особенностям стиля сербской живописи¹⁴.

Тип лиц и стиль исполнения находят себе аналогии в сербской живописи, как станковой, так и монументальной. К ним относятся икона «Христа Спасителя и Жизнедавца» в Художественной галерее в Скопле, исполненная около 1393—1394 гг.¹⁵, створка царских врат с изображением архангела Гавриила и царя Соломона из церкви Богородица Болничка в Охриде, второй половины XIV в.¹⁶, икона из Деисусного чина с изображением Предтечи в Хиландаре, датируемая концом XIV в.¹⁷, фрески церкви Богородицы в Новой Павлице¹⁸.

Однако размеры иконы, необычайно большие для Византии и Балкан, скорее всего говорят за то, что она исполнена сербским художником на Руси, вероятнее всего в Москве. Временем создания произведения, очевидно, явились два последних десятилетия XIV в., во всяком случае оно написано не ранее 1380-х годов. Если бы сохранился текст на хартии в руках Предтечи, мы, по всей видимости, имели бы еще один аргумент в пользу сербского происхождения исполнившего икону мастера.

Признавая авторство сербского художника, целесообразно было бы подойти к вопросу о заказчике произведения. Конечно, очень соблазнительно предположить, что им мог быть митрополит Киприан, по происхождению серб¹⁹. На митрополичьей кафедре в Москве он окончательно утвердился в 1390 г. Но до сих пор не представляется до конца ясной степень его влияния, которое он оказывал на различные мероприятия, проводимые при великокняжеском дворе. Одним из них было создание икон, потребность в которых после нашествия Тохтамыша в 1382 г. была особенно велика. Заметим к тому же, что в Успенском соборе в Москве есть икона «Похвала Богородицы с акафистом» — другое монументальное произведение сербских мастеров конца XIV в., исполненное в Москве, так же как, по-видимому, и рассмотренная нами икона «Предста-
царица».

¹⁴ О. С. П о п о в а. Новгородские миниатюры и второе южнославянское влияние. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода». М., 1968, стр. 184, 186.

¹⁵ S. R a d o j č i ć. Icones de Serbie et de Macédoine. Beograd, 1964, fig. 57; V. J. D j u g i ć. Icones de Yougoslavie. Beograd, 1962, pl. LI.

¹⁶ V. J. D j u g i ć. Op. cit., № 26, pl. XXXVIII, XXXIX.

¹⁷ С. Р а д о ј ч и ћ. Старо српско сликарство. Београд, 1966, табл. XLVI.

¹⁸ Росписи исполнены в 1397—1398 гг., расчищены в 1960 г. О них см.: В. П е т к о в и ћ. Ликови Стефана и Лазара Мушћа у Павлице. «Прилози за књижевност...», VI, 1926, стр. 221—227 его же. Преглед црквених споменика кроз повеслицу српског народа. Београд, 1950, стр. 239—240, сл. 724—728.

¹⁹ В последнее время выдвинута версия о болгарском происхождении Киприана (Й. И в а н о в. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан. Изв. на Института за българска литература, VI, 1958, стр. 29—67).



КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. А. ЕРМОЛАЕВА, А. Я. МАНУСЕВИЧ. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, 504 стр.

В трудах советских и польских историков большое внимание уделяется раскрытию роли Ленина в укреплении тесных связей руководимой В. И. Лениным большевистской партии и польской социал-демократии, его помощи польскому рабочему движению, анализу традиций солидарности и взаимопомощи польских социал-демократов и большевиков. Авторы рецензируемой монографии, опираясь на достижения советской и польской историографии в этой области, в которую они сами внесли значительный вклад, поставили своей целью показать роль В. И. Ленина в развитии польского рабочего движения. В книге широко использованы сочинения Ленина, документы КПСС, СДКПиЛ, ППС-левизны, КПП, редактируемые Лениным периодические издания нашей партии, польская социал-демократическая печать, а также документы, хранящиеся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, Архиве ЦК ПОРП и материалы других архивов, многие из которых ранее не были известны. Из огромного документального материале воссоздается картина все возрастающего влияния Ленина на польское рабочее движение, исследуется его участие в деятельности революционного авангарда польского пролетариата и помощи, оказанная ему Лениным на различных этапах борьбы.

Исследование начинается с анализа формирования русско-польского революционного пролетарского союза в 90-х годах XIX в. и роли в этом В. И. Ленина, и, проследивая все этапы развития этого союза в первые десятилетия XX в., завершается раскрытием значения Ленина в создании и укреплении Коммунистической рабочей партии Польши. Таким образом, в книге дается целостная картина связи Ленина с польским рабочим движением на протяжении всей революционной деятельности Владимира Ильича и это, безусловно, является важной положительной стороной работы Р. А. Ермолаевой и А. Я. Манусевича.

В книге подчеркивается, что сотрудничество российских и польских пролетарских революционеров было глубоко закономерным, оно определялось общими классовыми интересами российского и польского пролетариата, совместной борьбой против общего врага — цариз-

ма, против русских и польских эксплуататорских классов. Авторы показывают, как росло и крепло это сотрудничество вместе с развитием революционного движения, они акцентируют внимание на конкретных наиболее актуальных в тот или иной период проблемах сотрудничества Ленина, большевистской партии с польскими социал-демократами. Уделяя большое внимание вопросам идейно-политической помощи Ленина польским революционерам, Р. А. Ермолаева и А. Я. Манусевич приводят также очень много данных о взаимных связях, контактах, встречах, практическом сотрудничестве Ленина и польских социал-демократов. В книге приводятся новые материалы, существенно дополняющие те или иные этапы биографии В. И. Ленина, истории боевого сотрудничества российского и польского революционного пролетарского движения.

Так, например, значительный интерес представляет исследование сотрудничества ленинской «Искры» с польскими социал-демократами, их совместной борьбы с оппортунистами, помощи поляков в организации транспортировки «Искры». На основании изучения переписки и других документов авторы приходят к выводу о существовании в Варшаве в 1901 г. склада «искровской» литературы, созданного с помощью польских социал-демократов. В книге прослеживается влияние «Искры» на польскую социал-демократическую печать, в особенности на газету «Червонь Штандар».

Раскрывая сотрудничество русских марксистов во главе с Лениным и польских социал-демократов, поддержку «Искрой» интернационалистской позиции польских социал-демократов и их борьбы за русско-польский революционный союз, против реформистской и националистической политики ППС, авторы вместе с тем показывают, как последовательно Ленин добивался преодоления польскими социал-демократами ошибок в постановке национального вопроса, ошибок, которые они не сумели преодолеть в эти годы и которые впоследствии сказались на развитии революционного движения в Польше. В книге справедливо указывается, что это сотрудничество шло по линии сближения и товарищеской взаимопомощи РСДРП и СДКПиЛ. Деятеля польского социа-

листического движения с большим вниманием следили за «Искрой», изучали публиковавшиеся в ней статьи Ленина. И если ППС в целом отрицательно относилась к идеям, развивавшимся Лениным, то деятели СДКПиЛ поддерживали революционный и классовый дух ленинских выступлений, общий курс ленинской «Искры». В книге отмечается неправильная позиция руководителей СДКПиЛ в связи с расколом в РСДРП на II съезде партии и поддержка ими меньшевиков. Однако впоследствии практика революционной борьбы и особенно революция 1905 г., огромная теоретическая, идейно-политическая деятельность Ленина содействовали тому, что СДКПиЛ убедилась в оппортунизме меньшевиков и по ряду принципиальных тактических вопросов революционной борьбы стала поддерживать большевиков. На большом документальном и фактическом материале показано, как непосредственное знакомство польских социал-демократов с позицией В. И. Ленина способствовало пониманию ими правильности ленинской политики, сближению РСДРП и СДКПиЛ. «В совместных битвах польского и российского пролетариата практически складывался союз социал-демократии Польши и России» (стр. 126—127). На IV съезде РСДРП СДКПиЛ вошла в ее состав. Приветствуя это объединение, В. И. Ленин писал, что оно укрепляет РСДРП, «оно внесет свежую струю в работу партии. Оно в громадной степени усилит мощь пролетариата всех народов России»¹.

Объединение, как это показано в книге, в частности, способствовало более близкому знакомству В. И. Ленина с деятелями польского революционного движения, с непосредственной работой партии, ее местных организаций, усилению идейно-политического влияния Ленина на многих деятелей СДКПиЛ. В книге рассказывается о сотрудничестве Ленина с польскими руководителями — Р. Люксембург, А. Варским, Ф. Дзержинским и другими, о том, как под воздействием выступлений Ленина польские социал-демократы все более решительно поддерживали большевиков в их борьбе за созыв V съезда партии, против ликвидаторства. На этом съезде польские социал-демократы шли вместе с большевиками.

Авторы прослеживают позицию Ленина в отношении ППС. Ведя непримиримую борьбу против правого националистического крыла ППС, Ленин в то же время внимательно следил за формированием в ППС левого крыла, за начавшимся преодолением ППС-левицей национализма, оценивал образование ППС-левицы как результат положительных процессов, проходивших в польском рабочем движении,

как один из важных признаков усиления в нем революционной тенденции.

Авторы показывают, что основным, главным в отношениях Ленина, большевиков и польских социал-демократов являлись совместная борьба, солидарность и взаимопомощь, непримиримость к оппортунизму, взаимная поддержка во всех решающих вопросах развития международного рабочего движения. «Это сотрудничество способствовало дальнейшему проникновению ленинских идей, ленинских взглядов в польское рабочее движение, в его социал-демократический авангард» (стр. 252—253). Однако на пути этого сотрудничества были и определенные трудности, связанные с тем, что принципиальная линия Ленина, большевиков не всегда находила понимание и поддержку со стороны руководителей польской социал-демократии, занимавших ошибочные позиции по ряду тактических и организационных вопросов революционного движения, партийного строительства. В книге показаны причины, приведшие к разрыву осенью 1911 г. руководства СДКПиЛ с Лениным, большевиками, характеризует ленинская линия на восстановление сотрудничества РСДРП и СДКПиЛ. Подробно анализируя эти проблемы, авторы, как нам представляется, рассматривают их в значительной степени под углом зрения организационных вопросов, взаимоотношений РСДРП и руководства СДКПиЛ. Здесь следовало бы уделить больше внимания (хотя, конечно, об этом в книге сказано, и немало) показу идейно-политического воздействия Ленина и большевиков на польскую социал-демократию, лидеров которой, несмотря на конфликт с большевиками, российские ликвидаторы называли «польской разновидностью ленинизма» (стр. 290).

Особый интерес представляет глава, в которой рассказывается о периоде пребывания Ленина на польских землях в 1912—1914 гг. Здесь приведено много новых документов, сообщается о некоторых ранее не известных фактах биографии Владимира Ильича, широко показана разностроения помощь Ленина оппозиции внутри СДКПиЛ. Раскрывается исключительное значение для польского рабочего движения разработки Лениным теории национального вопроса, его критики ошибок Р. Люксембург и других польских социал-демократов в этом вопросе.

Авторы прослеживают влияние Ленина, большевиков в годы первой мировой войны на польскую социал-демократию, занявшую интернационалистскую и революционную позицию, тесное сотрудничество большевиков и польских социал-демократов на международной арене. В книге подчеркивается, что сближение позиций СДКПиЛ и ППС-левицы в это время «проходило на почве восприятия

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 60.

общих и главных позиций большевиков» (стр. 359).

В последних главах характеризуются связи В. И. Ленина с польским рабочим движением в период после победы Октября, его влияние как на польских интернационалистов, находившихся на территории Советской России и принимавших самое активное участие в защите завоеваний Октября в годы гражданской войны, так и на развитие революционного рабочего движения в польских землях, на возникновение Коммунистической рабочей партии Польши и ее становление как марксистско-ленинского авангарда рабочего класса Польши. Однако следует высказать сожаление, что этот раздел занимает в книге неоправданно малое место (из 497 страниц на последние две главы отведено лишь 68 страниц). Если в предшествующих главах анализ многообразных связей Ленина с польским рабочим движением носит характер детального и обстоятельного рассмотрения документов и событий, то небольшой объем последних глав привел, естественно, к тому, что авторы, сосредотачивая внимание преимущественно на наиболее важных вопросах, не имели возможности более подробно изложить историю развития КРПП, показать влияние Коминтерна на преодоление некоторых ошибочных установок, связанных с недостаточным овладением польскими коммунистами ленинизма. Авторы справедливо отмечают, в частности, что молодая компартия не сумела найти в тот момент правильного сочетания борьбы за общедемократические, переходные требования с борьбой

за конечные цели, правильно решить проблему союзников пролетариата. Вместе с тем, как представляется, следовало бы подчеркнуть особую сложность этого вопроса в тех условиях, когда правящие круги Польши, опираясь на реформистскую ШПС, искусно противопоставили революционно-социалистическим требованиям пролетариата, под знаменем которых выступала КРПП, лозунги буржуазной демократии, наципальной независимости и т. п., придавая им антиреволюционную, националистическую и аптисоветскую направленность. В этом, по нашему мнению, заключена одна из важнейших причин трудностей, которые переживало в это время революционное пролетарское движение Польши.

Подводя итоги исследованию, авторы справедливо указывают, что почти три десятилетия боевого содружества Ленина с авангардом польского рабочего класса способствовали становлению коммунистического движения в Польше, овладению пролетарскими революционерами ленинским учением, руководствуясь которым коммунисты возглавили борьбу за коренные социальные и национальные интересы рабочего класса и всех трудящихся Польши.

Работа Р. А. Ермолаевой и А. Я. Манусевича является серьезным вкладом в изучение истории революционного сотрудничества польского и российского пролетариата, деятельности Ленина и большевиков на международной арене, в изучение биографии Владимира Ильича Ленина.

Ф. Фирсов

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В XIX в.

В опубликованном недавно в Софии исследовании советского историка В. Д. Конобеева рассматриваются важнейшие проблемы истории национально-освободительного движения болгарского народа против реакционного турецкого господства со второй половины XVIII в. до 70-х годов XIX в.¹

Книга открывается большим разделом (стр. 7—58), в котором подводятся итоги исследований болгарских и советских историков и экономистов по вопросу о генезисе капитализма в Болгарии. На основании тщательного изучения большого круга источников и критического анализа существующей литературы В. Д. Конобеев вносит существенные уточнения в освещение таких спорных и не

решенных еще в науке проблем как история возникновения, основные этапы и особенность развития капиталистических отношений в Болгарии с конца XVIII в. до 70-х годов прошлого века и вопросы первоначального накопления капитала в Болгарии.

Наиболее основательно исследованы автором аграрные отношения в Болгарии в период османского господства (стр. 11—39). Ему удалось убедительно показать характер чифликчиства, пути его зарождения и развития в процессе генезиса капитализма в Болгарии. Он кратко излагает основные выводы своего исследования о так называемых свободных крестьянах² и подробно прослеживает

¹ В. Д. Конобеев. Болгарское национально-освободительное движение. Идеология, программа, развитие. София, 1972, 454 стр.

² В. Д. Конобеев. Социально-экономическое положение «свободного» крестьянства в Болгарии в 60—70 годах XIX в. «Советское славяноведение», 1969, № 2.

процесс развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, а также процесс расслоения крестьянства. Достаточно полно и убедительно показаны В. Д. Конобеевым особенности генезиса капиталистических отношений и процесса первоначального накопления в ремесле и промышленности (стр. 39—50). Следует признать плодотворным выдвинутое им положение о том, что процесс первоначального накопления в Болгарии начался еще в конце XVIII—начале XIX в. и проходил одновременно с процессом генезиса капитализма, так как это, по его мнению, один и тот же вопрос о зарождении и развитии капиталистических отношений в стране (стр. 51—52).

Раздел «О классовом содержании идеологии и программы Паисия Хилендарского» (стр. 59—78)³ посвящен всестороннему исследованию сложного комплекса проблем, связанных с зарождением и развитием идеологии болгарского национально-освободительного движения и выработкой его программы. В нем содержится анализ обширной литературы вопроса и предельно четко определен характер социально-экономической обстановки, обусловившей буржуазно-демократическую программу национального освобождения Болгарии, выдвинутую Паисием Хилендарским.

Большой научный интерес представляют три больших раздела: «Болгаро-русские отношения в 1806—1812 гг.» (стр. 79—179), «Национально-освободительное движение в Болгарии. 1828—1830» (стр. 180—271) и «Национально-освободительное движение в Болгарии. 1853—1854» (стр. 272—345)⁴, посвященные исследованию истории болгарского национально-освободительного движения в первой половине XIX в. и его связи с Россией.

Названные разделы написаны на основании тщательного изучения советских и болгарских архивов. В. Д. Конобеев впервые ввел в научный оборот обширный круг источников, что дало ему возможность:

1. Исследовать сложный процесс зарождения и развития буржуазной идеологии болгарского национально-освободительного движения. Анализ программных документов буржуазных группировок в 1806—1854 гг. привел автора к заключению, что опыт балканских народов,

пользовавшихся покровительством России, позволил как С. Врачанскому и И. Замбину в начале века, так и группировкам А. Нековича и Г. Мамарчева в 1828—1830 гг. и Н. Х. Палаузова в период Крымской войны ставить вопрос о предоставлении Болгарии политической автономии в рамках Османской империи по примеру Сербии.

2. Всесторонне осветить зарождение и укрепление русско-болгарского боевого содружества в период военных столкновений России с Османской империей (деятельность добровольческих отрядов в составе русской армии, вооруженная борьба болгарского народа против турецкой армии, получившая особенно большой размах в южной Болгарии летом 1829 г., и др.).

3. Впервые в исторической науке наиболее фундаментально исследовать русско-болгарские политические, дипломатические и общественные связи этого периода.

Главное достоинство этих разделов состоит в том, что автор сосредоточивает в них основное свое внимание на выяснении социально-экономических и политических предпосылок зарождения и развития болгарского национально-освободительного движения и анализе классового состава участников этого движения. Хорошо показана классовая ограниченность буржуазии, которая уже в период своего зарождения стремилась не допустить активизации вооруженной борьбы широких народных масс и добиться освобождения Болгарии, опираясь только на помощь России. Он показал активное участие в вооруженной борьбе широких масс крестьянства, городской мелкой буржуазии и бедноты и подчеркнул, что по своему характеру это движение носило не только национально-освободительный, но и антифеодалный характер (стр. 267).

В разделе о национально-освободительном движении 1853—1854 гг. В. Д. Конобеев раскрывает основные этапы социально-экономического развития Болгарии 40—50-х годов и расстановку классовых сил в этом движении. Он приходит к выводу, что «по своему экономическому и классовому содержанию национально-освободительное движение было народным, общенациональным, т. е. буржуазно-демократическим» (стр. 345) при руководящей роли в нем торгово-промышленной буржуазии (стр. 344). При освещении деятельности Г. С. Раковского в этот период В. Д. Конобеев детально исследует его усилия по созданию и укреплению «Тайного общества», опираясь на которое, он готовил вооруженное восстание на случай превращения Болгарии в театр военных действий. Много внимания уделяется также показу начального этапа формирования военно-теоретической концепции Г. С. Раковского.

Особый интерес представляет впервые публикуемый в рецензируемой книге раз-

³ Материал, содержащийся в этом разделе, опубликован автором на русском языке. См. «Развитие капитализма и национальное движение в славянских странах». М., 1970, стр. 56—74.

⁴ На русском языке см. «Из истории русско-болгарских отношений». М., 1958, стр. 194—291; УЗИС, т. XX, М., 1960, стр. 221—274; т. XXI, 1965, стр. 134—178.

дел «Формирование политической программы болгарского национально-освободительного движения во второй половине XVIII — первой половине XIX в.» (стр. 346—367), где дано теоретическое обобщение предшествующего материала. Здесь следует отметить попытку В. Д. Конобеева внести уточнения в периодизацию болгарского национально-освободительного движения. Соглашаясь в целом с марксистско-ленинской периодизацией, основоположником которой является Д. Благоев, В. Д. Конобеев, однако, считает, что в ней не отражен процесс «...развития политической программы национально-освободительного движения с момента появления книги Паисия Хилендарского (1762) до 1856—1857 гг.» (стр. 347). Поэтому он видит в национально-освободительном движении два этапа: с середины XVIII в. до окончания Крымской войны и от ее окончания до освобождения Болгарии (стр. 347—348). К сожалению, автор специально не останавливается на обосновании выдвинутой им новой периодизации национально-освободительного движения болгарского народа.

Есть и другие существенные уточнения. Так, на основе изучения содержания обнаруженного им в архиве обращения болгарской буржуазной эмиграции в Бухаресте к болгарскому народу от 1813 г. он пришел к выводу, что идея борьбы болгарского народа за политическую автономию впервые была выдвинута не в 1828—1829 гг., как он вместе с большинством болгарских историков утверждал раньше (стр. 219—271, 358)⁵, а в 1813 г. (стр. 358—361). Автор также доказывает, что в период греческого восстания 1821 г. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. болгарская буржуазия уже выдвинула программу борьбы за создание политически автономного государства во главе со своим князем по примеру Сербии (стр. 361—362). Эта программа, по его мнению, объединяла болгарскую торгово-промышленную буржуазию и в 50-х годах XIX в. (стр. 363—367).

Раздел, посвященный исследованию аграрной программы болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX в. (стр. 368—437)⁶, представляет исключительный интерес. Впервые в советской и болгарской исторической науке все-

сторонне исследуются взгляды идеологов и руководителей болгарского революционного движения по аграрному вопросу и определено то место, которое занимал аграрный вопрос в их общей программе освобождения болгарского народа от реакционного турецкого господства. Много нового внесено В. Д. Конобеевым в исследование аграрной программы Г. С. Раковского и В. Левского.

Все вышеизложенное дает основание сделать вывод о том, что рецензируемая нами работа В. Д. Конобеева представляет собой солидное монографическое исследование, охватывающее важнейшие проблемы болгарского национально-освободительного движения со второй половины XVIII в. до середины 70-х годов XIX в. и русско-болгарских отношений первой половины XIX в.

Следует, однако, отметить, что в рецензируемой работе имеются недостаточно четкие и противоречивые формулировки. Это прежде всего относится к характеристике политической роли чорбаджийства. В. Д. Конобеев пишет: «Чорбаджийство как административный институт Османской империи пополнился в первой половине XIX в. представителями молодой болгарской буржуазии... Представители этой прослойки, как увидим ниже, играли прогрессивную роль в национально-освободительном движении первой половины XIX в., включая и участие в революционных акциях» (стр. 30, прим. 69). Близкая к этой формулировка имеется и на стр. 187. В исторической науке шла и еще продолжается дискуссия по вопросу о классовом, социальном характере чорбаджийства⁷. Однако вопрос о реакционной роли чорбаджийства в национально-освободительном движении болгарского народа никогда не вызывал ни малейших споров и разногласий. Совершенно правильно решает эту проблему в рецензируемом исследовании и В. Д. Конобеев. Поэтому вышеприведенная формулировка в тексте работы ничем не подкрепляется и противоречит его же трактовке этого вопроса, когда он анализирует конкретные события болгарской истории.

Мы уже отмечали, что В. Д. Конобеев очень тщательно исследовал вопрос о формировании буржуазной программы

⁵ См. В. Д. Конобеев. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг. УЗИС, т. XX, стр. 221—274.

⁶ В. Д. Конобеев. За аграрната програма на болгарските революционери през 60—70-ти години на XIX в. «Исторически преглед», 1971, № 3, стр. 19—47, его же. Об аграрной программе В. Левского. «Славяне и Россия». М., 1972, стр. 188—195.

⁷ В. Христу. Встанци и чорбаджии. София, 1947; С. И. Сидельников. Допитания про классовий характер чорбаджийства в Болгарии в период турецкого панування. Уч. зап. ХДУ, т. XIX. Тр. іст. фак-ту, т. 4. Харків, 1956, стр. 188—203; Хр. Христов. Към въпроса за класите и класовите отношения в българското общество през Възраждането (Произход, социална принадлежност и роля на чорбаджиите). «Известия на Института за българска история», т. 21, София, 1970, стр. 51—86 и др.

национально-освободительного движения в Болгарии. Поэтому полным диссонансом по отношению ко всему содержанию работы звучит его утверждение: «Таким образом, в истории болгарского Возрождения, может быть, впервые была выдвинута идея вооруженного восстания как средства свержения османского ига» (стр. 350), относящееся к характеристике планов освобождения Болгарии, выдвинутых С. Врачанским и его группой. Более правильным является его же утверждение: «Отметим, что буржуазия ограничивалась только посылкой делегаций, просьбами, воззваниями, не будучи руководящей силой вооруженной борьбы народных масс Болгарии. В этом проявлялась ее политическая незрелость и экономическая слабость» (стр. 179). Дело в том, что предполагавшееся вооруженное восстание в Болгарии,

приуроченное к моменту вступления на ее территорию русской армии, ни в коем случае нельзя смешивать с идеей вооруженного восстания как главного средства освобождения болгарского народа от реакционного турецкого господства, выдвинутой Г. С. Раковским и всесторонне развитой его учениками и последователями — В. Левским, Хр. Ботевым и Л. Каравеловым.

Встречаются в работе и другие недостаточно четкие формулировки. Однако они ни в коей мере не снижают высокого идейно-теоретического и научного уровня рецензируемого исследования В. Д. Кобеяева, являющегося крупным вкладом в изучение истории болгарского национально-освободительного движения с конца XVIII в. до освобождения страны.

С. И. Сидельников

ВЕСЕЛИН ТРАЙКОВ. Раковски и балканските народи. «Наука и изкуство. София, 1971, 503 стр.

ВЕСЕЛИН ТРАЙКОВ. Раковски и балканските народы

Национально-освободительная борьба болгарского народа, его взаимоотношения с соседними балканскими народами тесно связаны с именем основоположника болгарского революционного движения Г. С. Раковского. Уже имеются сотни исследований, посвященных его жизни.

Однако до настоящего времени одна из существенных сторон его деятельности — связи и взаимоотношения с балканскими народами, роль в развитии этих взаимоотношений оставалась вне поля зрения ученых. Этот пробел заполняет рецензируемая монография В. Трайкова. В ней подробно освещаются многолетние тесные связи, которые Раковский поддерживал с видными политическими деятелями и деятелями науки и культуры соседних балканских стран. Он живет и работает последовательно в Валахии и Молдавии, в Сербии, Греции, Черногории, в Константинополе. Развивает там кипучую революционную и культурную деятельность, поддерживает непрерывные контакты с болгарскими из всех областей своего поработанного отечества, стремится организовать просветительное, культурное и революционное движение, будоражит, нацеливает своих соотечественников на решительную борьбу с завоевателями. Тщательно анализируя обстановку, учитывая историческое прошлое Балкан, он терпеливо ищет пути сотрудничества с другими народами, разделяющими с болгарскими одну и ту же участь: с сербами, румынами, греками, черно-

горцами; непрерывно составляет все новые планы, направленные на обеспечение единства действий в деле освобождения поработанного балканского населения. На этом пути Раковский терпит ряд разочарований, сталкивается со множеством препятствий, прежде всего с противоречиями между буржуазией различных пащ и постепенно приходит к мысли, что болгары могут рассчитывать главным образом на собственные силы.

Убежденный сторонник идеи необходимости искреннего взаимопонимания между балканскими странами, он понимает, что руководящие буржуазные круги являются решающим препятствием в совместной борьбе болгар, сербов, греков, румын, черногорцев против общего врага. Существующая действительность в большой степени обусловила взгляды и действия Раковского в области не только национально-революционной, но и церковной борьбы, его научных занятий, литературного творчества. Его деятельность рассматривается на фоне жизни различных балканских стран. Монография В. Трайкова написана на основе глубокого изучения обширного и богатого документального материала. Им использованы также сотни исследований болгарских и иностранных авторов, привлечена практически вся существующая литература о Раковском на разных языках. Наряду с уже известными автор приводит сотни новых, ранее не известных архивных источников, обнаруженных им

в результате многолетней работы в болгарских и иностранных архивах и библиотеках. Совершенно новыми являются, например, сведения о периоде с 1842 по 1844 гг., взятые из ранее неизвестных документов греческих и французских архивов. Новыми являются также сведения относительно пребывания Раковского в Бухаресте в 1863—1864 гг., которые обнаружены автором в сербской дипломатической переписке.

Рецензируемый труд — хронологическое исследование событий, относящихся к биографии Раковского (к сожалению, биографии, написанной в свете сотен новых документов, обнаруженных за последние 2 десятилетия, пока еще нет). Он имеет 6 глав, введение и большой справочный аппарат — более 1800 примечаний. Автором дается исчерпывающий историографический обзор литературы по рассматриваемым вопросам. Складывается впечатление, что литература по связям Раковского с соседними балканскими народами создавалась иностранными учеными — так мало болгарских авторов, которые только частично затрагивают отдельные аспекты этого сложного и важного вопроса связей Раковского с представителями других балканских народов.

В первой главе рассматриваются связи Раковского с сербами, черногорцами и хорватами, начиная с первых контактов в 1841 г. в Браиле. Перед Крымской войной он устанавливает контакты с сербскими представителями в Константинополе, например, с будущим министром внутренних дел и зятем князя Александра Карагеоргиевича — Константином Николаевичем. Особенно оживленным и плодотворным был период, когда Раковский находился в Нови Саде. Здесь он устанавливает многочисленные контакты с представителями интеллектуальных сербских кругов, сыгравших определенную роль в его становлении как революционера, политика и деятеля культуры. Там укрепляется и его убеждение в необходимости южнославянского сближения и взаимодействия. Там же Раковский издает и первую болгарскую эмигрантскую газету «Болгарская дневница» при деятельной помощи со стороны д-ра Данила Медаковича. В этом городе Раковский близко знакомится со всеми известными сербскими деятелями того времени, с такими как Джордже Попович-Данчар, Михайло Полит-Десанчич, Йован Йованович-Змай, Марко Петрович, Йова Андреевич. В Нови Саде он получает возможность более убедительно объяснить цели и смысл борьбы болгар, которые многим из сербских деятелей еще не были ясны.

Особенно плодотворным и богатым событиями был следующий, белградский период жизни Раковского (1860—1863 гг.) В Белграде он издает одну из самых содержательных предосвободительных

газет — «Дунайский лебедь», которая вскоре стала центральным органом политической, культурной и религиозной борьбы болгарского народа. В это время Раковский действует как убежденный сторонник политики князя Михайло Обреновича и Гарашичина, с которыми поддерживает тесные контакты. Одновременно он организует борьбу против сил Османской империи, принимает деятельное участие в сражениях под Белградской крепостью во главе болгарской легии, позже участвует в транспортировке через Румынию русского оружия, предназначенного для усиления сербской армии, отправляется с сербской дипломатической миссией в Афины. Во время своего пребывания в Сербии он поддерживает тесные связи с такими известными деятелями, как Филипп Христик, Йован Ристич, Милое Лешянин, Никола Христик, Атанасие Николитч, сербский митрополит Михайл, Коста Магазинович и другие. Горячий защитник антитурецкой политики, Раковский в то же время испытывает и разочарования в связи с некоторыми сторонами сербской внешней политики, проводимой в ущерб интересам болгарского народа. Однако он до конца остается сторонником тесного сотрудничества и взаимопонимания двух братских народов. Еще более сердечными были его связи с черногорцами. Искренний почитатель их героизма, он не однажды указывал на них, как на пример, достойный подражания. Близкие взаимоотношения устанавливает Раковский с князем Николой Петровичем и его отцом воеводой Мирко Петровичем, с архимандритом Никифором Дучичем, с Маша Врбича, с капитаном Петром Пейовичем и другими. Он горячо сочувствует борьбе за свободу герцеговинцев и в десятках статей подчеркивает их героизм. Раковский использует опыт черногорцев и герцеговинцев, когда разрабатывает свои планы освобождения Болгарии, предусматривает и приглашение опытных военачальников из их числа в предстоящей борьбе болгарского народа. Меньше контактов поддерживает он с хорватами — не только потому что они находятся дальше, а потому что они католики, — и то в разгар борьбы против униатов.

Во второй главе автор анализирует связи Раковского с румынами. В 1842 г. в Браиле он руководит 2-м брайльским бунтом. Позже Раковский еще несколько раз посещает Румынию. С 1863 г. он живет там постоянно, устанавливает тесные связи с видными румынскими деятелями (среди его близких знакомых Богдан Петричейку-Хашдеу, К. Д. Арическу, Чезар Болжяк, д-р Карол Давила, Кристиан Тел, К. А. Росети, Д. Болинтиняну и многие другие) и становится убежденным приверженцем идеи румыно-болгарского сближения и самого близкого сотрудничества. Здесь же он издает свои

газеты «Будущность» и «Бранител» (Защитник), и журнал «Болгарская старина». Раковский страстно поддерживает политику князя Кузы и Когьлничану в проведении социальных реформ в пользу широких народных масс. Эти мероприятия были направлены против богачей, против крупных землевладельцев — чокоев, с которыми Раковский ведет непрерывную борьбу. Он поддерживает земельную реформу, секуляризацию монастырского имущества, демократизацию избирательного права. Так, Раковский входит в конфликт с правыми элементами, имеющимися и среди болгарской эмиграции, и среди поддерживающих ее консервативных румынских кругов, взявших власть в свои руки после переворота 1866 г. (позже это причиняет ему большие неприятности — он был принужден даже бежать в Россию). На румынской земле, в 1867 г. завершился жизненный путь Г. С. Раковского.

В следующей главе прослежены связи Раковского с греческим народом. Эти связи отличаются известной двойственностью. Получивший солидное классическое (эллиническое) образование, Раковский знакомится с древней культурой греческого народа и становится ее почитателем, поддерживает дружеские связи со многими известными деятелями южного соседа болгар, высоко оценивает достижения греческого народа в деле народного образования. Заслуживает внимания и факт, что свои первые революционные шаги Раковский делает в Браиле вместе с греками. Однако в то же время он ведет острую и непримиримую борьбу с попытками константинопольской греческой патриархии эллинизировать часть болгарского народа. Пламенный патриот, Раковский, не может принять это направление греческой политики, и когда уже освобожденное греческое государство охватила опасная для болгарской нации «великая идея» (мегали-идея), он решительно выступает и против Греции. Установив тесные связи с Александром Маврокордатосом, Иоанисом Колегином, Константином Ризосом, Димитром Вулгарисом, Кумундуросом, с известным героем освободительной борьбы Канарисом, с Леонидасом Вулгарисом и другими выдающимися греческими деятелями, Раковский страстно протестует против любой попытки эллинизации болгар. «Когда греки откажутся от своих попыток эллинизировать чужое население, мы первые подадим им руку», — так определяет свое отношение к греческому народу Раковский. Эта двойственность свойственна политике Раковского на протяжении всей его сознательной жизни. Спасенный от смерти благодаря вмешательству греческих дипломатических представителей, позже Раковский едва избежит тяжелой участи, которую гото-

вила ему Константинопольская греческая патриархия.

Еще в молодые годы Раковский хорошо узнает и турок. Он сталкивается с привилегированным положением господствующей верхушки в Османской империи, ежедневно видит беззакония, притеснения, которым подвергаются болгары. В Константинополе он устанавливает контакты с видными руководителями империи, такими как реформатор Рашид Мустафа-паша, Мехмед Али-паша, Хюсни-эфенди (министр финансов), Али-бей и др. Путешествуя по болгарским землям, Раковский видит невыносимое положение болгарского народа, сознает, что его можно изменить только революционным путем. Страстный приверженец идеи балканского сотрудничества, непримиримой борьбы против власти султана, он был объявлен опасным смутьяном и подвергнут преследованиям со стороны Высокой Порты. Его отношение к феодальной османской державе было крайне отрицательным. Но в то же время к турецкому народу Раковский питал другие чувства. Он видел, что объектом эксплуатации являются не только поработанные христианские народы — от навязанного султанского режима страдает и бедное турецкое население. Поэтому он требовал к нему дружеского отношения. Такое требование Раковский включил и в свои планы освобождения Болгарии. Это показывает, что он имел широкие взгляды и правильно разбирался в сложных условиях на Балканах. Эти его взгляды позже оказывают влияние на всех видных деятелей болгарского революционного движения, таких как Левский, Ботев, Каравелов.

В сжатой форме в труде В. Трайкова рассматриваются связи, которые Раковский поддерживал с представителями других этнических групп на Балканах: албанцами, армянами, татарами, церкесами. Рассматриваются и влияния, которые испытывал сам Раковский при взаимоотношениях с соседними балканскими народами, подчеркивается то влияние, которое он оказал на румынских, сербских, греческих и других деятелей.

Нам кажется правильным, что связи Раковского с каждым балканским народом рассматриваются в отдельной главе книги. Таким путем автор добивается компактности изложения. Так, например, при рассмотрении Браильского бунта в разделе «Румыния» прослеживаются только те аспекты, которые затрагивают связи Раковского с румынским народом, в разделе «Греция» — только то, что относится к отношениям с Грецией и т. д. Исследование связей Раковского с балканскими народами показывает, что он был пламенным патриотом, горячо боролся за освобождение болгарского народа, был глубоко убежден в

необходимости сотрудничества в борьбе против Османской империи. Настоящий труд является хорошей основой для написания биографии Раковского и можно надеяться, что неделю то время, когда автор рецензируемой нами работы представит вниманию читателя и этот, уже

задуманный им труд. Монография «Раковский и балканские народы» представляет собой новый важный шаг в изучении и познании деятельности и жизни основоположника болгарского национально-освободительного движения.

Кычко Георгиев

КНИГА О Ю. И. ВЕНЕЛИНЕ

Личность Ю. И. Венелина, одного из зачинателей славистической науки в России, вызвала много споров, научная ценность его трудов оспаривалась и получала порой диаметрально противоположные оценки. Поэтому монография словацкого исследователя Тамары Байцуры, «Юрій Іванович Венелін» (Братислава, 1968), поставившей перед собой задачу «осветить взгляды Венелина по общим вопросам славяноведения, показать его роль в развитии болгарского возрождения и изучения исторического прошлого русского, украинского и других славянских народов, и вместе с тем показать его деятельность сквозь призму конкретной исторической эпохи» (стр. 5) заслуживает внимания. Она написана на основании архивных материалов, научного, публицистического и эпистолярного наследия Ю. И. Венелина.

В первом разделе автор рецензируемой работы знакомит читателя с оценкой научного наследия Ю. Венелина в русской, украинской, дореволюционной и советской историографии, а также в трудах болгарских ученых. Она подчеркивает, что интерес к творчеству Ю. Венелина проявляли все видные русские слависты XIX — начала XX в., но тем не менее они недостаточно критически подходили к его работам. В результате, указывает Т. Байцура, имя Ю. Венелина с одной стороны, непомерно возвеличивалось, а с другой — стало символом исторических фантазий. Советские исследователи Н. С. Державин, С. Б. Бернштейн, С. А. Никитин и др. правильно указали на положительные и отрицательные стороны работ Ю. Венелина, не преувеличивая и не абсолютизируя ни одну из них. Тем не менее, указывает автор монографии, в советской историографии нет работы, в которой были бы подчеркнуты всестороннему анализу работы Ю. Венелина и оценена его деятельность.

Во втором разделе Т. Байцура дает биографическую справку о Ю. Венелине. Автор внесла много нового в исследование личности Ю. Венелина, отбросила легендарные и полуполулегендарные сведения о его жизни и творчестве, став на путь скрупулезного исследования архивных материалов. Ю. И. Венелин

как и многие другие закарпатоукраинские ученые и общественные деятели переселился в Россию в начале XIX в., рассчитывая здесь найти применения своим знаниям. С другой стороны, рост венгерского буржуазного национализма с его отрицанием права национального развития невенгерских народов вызывал реакцию сопротивления у лучших их представителей, заставлял их искать свой путь. Для многих из них таким путем стал уход в Россию, в которой они видели защитника всех славян.

Отсюда, указывает Т. Байцура, интерес Ю. Венелина к истории славянских народов, в частности болгар. Толчком к занятию историей болгарского народа стало пребывание Ю. Венелина в Молдавии в 1823 г., где он познакомился с болгарскими переселенцами.

В третьем разделе монографии Т. Байцура исследует значение трудов Ю. Венелина для болгарского возрождения. Глубокому анализу она подвергает основную работу Ю. Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам», изданную в Москве в 1829 г. При этом автор монографии подчеркивает, что несмотря на ошибочные, а порой и фантастические положения этой книги, она была первым научным трудом, в котором собраны и систематизированы данные о болгарском народе. Эта книга стала первой оригинальной работой по истории славян. Кроме того, «Древние и нынешние болгары...», а также другие работы Ю. Венелина по истории болгар оказали большое влияние на формирование национального самосознания болгар.

Научные интересы Ю. Венелина не ограничивались только болгарской проблематикой. Большое внимание он уделял общим проблемам славяноведения, русской истории. Эту сторону его деятельности Т. Байцура рассматривает в четвертом разделе монографии. Наиболее полное освещение в работах Ю. И. Венелина нашли вопросы, касающиеся происхождения славянских народов и классификации славянских языков. Автор монографии подчеркивает, что в исследовании этих проблем Ю. Венелин проявил себя как эрудированный

ученый, но и здесь он допускал значительные ошибки.

Продолжая традиции М. В. Ломоносова, он вел борьбу с концепциями норманистов в русской исторической науке того времени. Ему принадлежит также заслуга разработки «Конспекта преподавания истории славянского языка и литературы» — первой программы преподавания славистики не только в России, но и за рубежом.

В отличие от многих своих земляков, которые слились с русской средой и потеряли интерес к родному краю, Ю. И. Венелин, подчеркивает Т. Байцура, никогда о нем не забывал и приложил немало усилий, чтобы познакомить русскую общественность с историей «Угорской Руси», как в то время называли Закарпатье. Глубоко интересовался ученый также вопросами польско-украинских отношений, в особенности периода национально-освободительной войны XVII в.

Интересно соображение автора о связи Ю. Венелина со славянофилами. Т. Байцура считает неправильным положение о том, что Ю. Венелин — сторонник или даже основоположник славянофильства. Она подчеркивает, что Ю. Венелин был далек от узконационалистической концепции славянофилов. Взгляды Ю. Венелина имели совершенно иной характер и сложились на иной основе, чем то политическое течение в России XIX в., которое принято называть славянофильством.

В заключительном разделе монографии Т. Байцура рассматривает исторические

и педагогические взгляды Ю. И. Венелина. Она указывает, что Ю. Венелин был представителем славянского романтизма и ставит его в один ряд с Я. Колларом, Ф. Челаковским, И. Лелевелем, Г. Раковским.

Основные труды Ю. И. Венелина выдержали критики временем. Но к оценке его деятельности нельзя подходить с трафаретными мерками, ибо в лице Ю. Венелина мы имеем не столько ученого-исследователя, сколько будителя, которому присуща энциклопедичность интересов и знаний и глубоко эмоциональное отношение к исследуемому предмету. Отсюда его ошибки, а порой и фантазии. Но новизна постановки вопросов и оригинальность их освещения, заставлявшие посмотреть на привычные проблемы по-иному, зачастую компенсировали недостатки научной аргументации Ю. И. Венелина.

Работа Т. Байцуры заинтересует специалистов по истории славистической науки. К сожалению, в тексте порой встречаются досадные ошибки. Так, Т. Байцура неправильно указывает дату рождения Ю. Венелина, 22 марта, вместо 23 апреля 1802 г. (стр. 47), летопись Григория Грабянки XVIII в. она относит к XVII в. (стр. 245). В языке работы имеются некоторые расхождения с нормами современного украинского литературного языка. Но указанные недочеты не снижают большой научной и познавательной ценности монографии словацкого историка.

В. Палько, И. Поп

J. BARDACH. Studia z ustroju i prawa wielkiego księstwa litewskiego XIV—XVII w. Warszawa, 1970, 402 s.

Ю. БАРДАХ. Исследования общественного строя и права великого княжества литовского XIV—XVII вв.

Предметом исследования Ю. Бардаха явились главным образом четыре проблемы: общественное и политическое устройство Великого княжества Литовского в XIV—XVII вв.; право собственности; брачно-семейное право; проблема источников права. Автор рассматривает главным образом те институты, о которых знаменитые Литовские статуты говорят глухо или умалчивают вовсе. Это потребовало от него анализа всех других возможных источников обычного права, а также административных актов Великого княжества, во многих случаях восходящих ко времени, предшествующему изданию статут. Большой интерес представляют страницы книги, ко-

торые знакомят читателя с судебной практикой. Автор вполне отдавал себе отчет в том, что анализ любого феодального права во многом осложняется той ролью, которая принадлежит обычному праву, далеко не всегда фиксированному достаточным образом, но тем не менее корректирующему пространные кодификации с установившейся репутацией.

Автор не претендует на систематическое изложение истории государства и права. Книга составлена из его статей (во многом переработанных), опубликованных в разное время в польских журналах (начиная с 1939 г.)

Примечательной особенностью ее является полемичность. Автор не оставляет

без рассмотрения ни одной сколько-нибудь значительной работы, относящейся к исследуемому вопросу.

Свое исследование Ю. Бардах начинает с истории польско-литовской унии, которая была предметом пристального внимания польской историографии XIX столетия, поскольку политические следствия ее ставились в непосредственную связь с крушением Речи Посполитой. Именно уния, писали Шуйский¹ и Бобжинский², повлекла за собой ослабление Польши, политическую анархию и связанные с ней несчастья. В наши дни К. Гжибовский продолжает думать, что «началом катастрофы была Люблинская уния», приведшая к «ослаблению национального характера польского государства»³.

Касааясь причин, повлекших за собой государственный союз Великого княжества Литовского и Польши, Ю. Бардах приходит к заключению, что в создавшейся политической ситуации уния имела — на первом этапе — наибольшее значение для Великого княжества. Правящие круги Великого княжества и сам великий князь понимали, что борьба на два фронта — и против Ордена и против Москвы — чревата пагубными последствиями. Немалое значение имела в этом смысле победа на Куликовом поле, дававшая основание полагать, что вслед за тем Московская Русь обратится к отвоеванию своих западных земель. Что касается малопольских панов, то их заинтересованность в союзе с Великим княжеством вытекала из стремления удержать Галицкую Русь, приобрести Подолию и Волынь.

Кревский акт 1385 г. вызвал в польской литературе оживленную дискуссию. Одни авторы полагали, что его следствием была инкорпорация Великого княжества Литовского в состав Польши пока Виленско-радомская уния 1400—1401 гг. не восстановила литовской государственности. В русской литературе такого рода концепцию развивал М. Любавский. Ее приняли авторы «Истории Польши»⁴.

Но, как это смущало еще С. Кутшебу⁵, против тезиса об инкорпорации Великого

княжества говорит тот факт, что оно сохранило свои учреждения и свое право. По этой причине возникла концепция, согласно которой средневековая инкорпорация предполагала установление lenных отношений между сторонами. При этом естественно сохранение особого управления и собственного права. Леником было, разумеется, Великое княжество Литовское. Эту концепцию развивал Г. Ловмянский⁶.

По мнению Ю. Бардах, Кревский акт дает достаточно оснований для утверждения, что Великое княжество Литовское, декларируя свою готовность присоединиться к Польше, не предпринимало в подробностях характера союза (стр. 27).

Ю. Бардах не без основания полагает, что как сам Ягайло, так и его братья рассматривали проблему объединения Польши и Великого княжества Литовского с патримонных позиций, поскольку на княжество они смотрели как на вотчину своей семьи. Супружество Ядвиги и Ягайло должно было поэтому привести к объединению их государств. И хотя Польша, — пишет Ю. Бардах — отказалась уже ко времени Ядвиги от патримонной концепции государства ради публично-правовой, польские możновладцы относились сочувственно к видам Ягайло, поскольку стремились к инкорпорации Великого княжества в состав Польши. В противоположность тому, литовская знать увидела в концепции Ягайло угрозу политической независимости Великого княжества и, стремясь отвлечь ее, примкнула к двоюродному брату Ягайло — Витовту.

Планы инкорпорации завершились, как известно, неудачей. С конца XIV в. и до 60-х годов XVI в. Польша и Великое княжество Литовское находились под властью одной династии, связанные между собой чаще всего (но не всегда) личной унией. Великое княжество сохраняло свою самостоятельность.

Рассматривая причины, приведшие к Люблинской унии, Бардах указывает на занятие Смоленска Василием III (1514 г.) и на обострение противоречий между możновладцами и средней шляхтой. Последняя определенно склонялась на сторону унии с Польшей, видя в ней средство к приобретению новых привилегий (стр. 48). Уступая давлению средней шляхты, литовские магнаты должны были пойти на проведение невыгодных им судебной и повятовой реформ шестидесятых годов XVI в.

Люблинская уния, как и Кревский акт, характеризуется разными авторами по-разному. Великое княжество Литовское сохранило за собой свои учреждения и свое право, свое войско и свои фи-

¹ J. A d a m u s. O syntezech historycznych Szujskiego. «Studia historyczne ku czci St. Kutrzeby». t. II. Kraków, 1938, s. 1—28.

² M. B o b r z y Ń s k i. Dzieje Polski w zarysie, wyd. 4, t. 1. Warszawa, 1927, s. 209—213.

³ K. G r z y b o w s k i. Dziejów Polski blaski i cienie (dyskusja końcowa). Warszawa, 1969, s. 352.

⁴ «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 120—122.

⁵ S. K u t r z e b a. Unia Polski z Litwą. «Polska i Litwą w dziejowym stosunku». Kraków, 1914, s. 479—481.

⁶ H. Ł o w m i a ń s k i. Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. «Archiwum Wileńskie», XII, 1937, s. 36—145.

нансы. По мнению большинства ученых, Люблинская уния была унией реальной; так же думает и Бардах. Созданная таким образом федерация осталась, по мнению О. Халецкого⁷, незавершенной, поскольку не получил своего законного места третий член ее — Русь. С. Закревский⁸ полагал даже, что Великое княжество Литовское и Польша создали не более чем союзное государство, сохранив свою обособленность. В противовес этому и М. Бобжинский⁹ и О. Бальцер¹⁰ настаивали на унитарном характере Речи Посполитой: Великое княжество было такой же частью ее, как и Великая или Малая Польша. Полемизируя с ними, Бардах замечает: «Резюмируя, можно утверждать, что Люблинская уния... создала федерацию, состоящую из двух равноправных членов: Короны и Литвы. Юридической ее основой была реальная уния, в свою очередь опиравшаяся на единство двух верхних органов власти — короля и сейма» (стр. 59).

Люблинская уния не ликвидировала противоречий между Великим княжеством Литовским и Польшей. Все это хорошо видно по непрерывным требованиям возвращения Великому князю Литовскому Волыни, Украины, Подлясья, равноправия с Польшей и пр.

В главе «Польско-литовская уния в свете европейского феодального феодализма» резюмируются основные идеи, ранее высказанные автором, и сформулированы общие положения. Здесь отражена концепция сравнительно-исторического исследования, которой придерживается автор рецензируемой работы¹¹. В духе этой концепции рассматриваются разного рода династические браки и иные события, служившие основанием уний и инкорпораций в различных странах Европы. Такое сравнение позволяет Ю. Бардаху выделить главное и установить некоторые особенности, помогающие с большей точностью характеризовать польско-литовскую унию.

⁷ О. H a l e c k i. Dzieje unii ja-giellońskiej, t. II, Kraków, 1919, s. 341.

⁸ S. Z a k r e w s k i. Zagadnienia historyczne, t. 1. Lwów, 1936, s. 237.

⁹ M. B o b r z y Ń s k i. Dzieje Polski w zarysie, t. II. Warszawa, 1927, s. 79.

¹⁰ O. B a l z e r. Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej. Lwów—Warszawa, 1919, s. 16.

¹¹ Ю. Бардах сформулировал ее в выступлении на VIII съезде польских историков в 1959 г. «VIII Powszechny zjazd historyków polskich, Historia państwa i prawa», Warszawa, 1959, s. 85—86; см. также: J. B a r d a c h. Metoda porównawcza w zastosowaniu do powszechnej historii państwa i prawa. «Czasopismo Prawno-Historyczne», t. XIV, z. 2, s. 9—61.

В заключении раздела Ю. Бардах указывает на те наиболее общие причины, которые породили феодальные унии и федерации. Это, во-первых, требования совместной обороны или, как то было в Испании, реконкиста, во-вторых, торговые интересы, в-третьих, заинтересованность дворянства, когда с унией связывалось приобретение новых привилегий и выгод (или закрепление имеющихся) и т. д. Если принять во внимание, что заключение уний имело место больше всего в период переходный, период формирования наций, приходишь к заключению, что в одних случаях дело шло об объединении народа с единым языком и культурой (Испания, Франция), в других — о подчинении, частичной ассимиляции одной народности — другой (как это было в Австрии, в Польше и т. д.)

Среди частных вопросов, косвенно связанных с унией, Ю. Бардах рассматривает деятельность хрониста М. Стрийковского. Этот очерк является откликом — в основном положительным — на монографию А. Рогова «Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения», изданную в 1966 г. Автор подчеркивает в нем мысль Рогова о широком развитии польско-русских культурных связей в XVII в.

Внимание советских историков будет, конечно, привлекать та часть работы Ю. Бардах, которая посвящена смердам в украинских и белорусских землях Короны и Литвы. Широко используя работы русских и советских историков, Ю. Бардах отводит особое место дискуссии с Г. Ловмянским. Масштаб польский историк проводит грань между русскими смердами как крестьянами княжеских имений, смердами польскими и сербо-лужицкими смурдами (Полабье). Последние две категории смердов, по его мнению¹², не что иное, как русские же военнопленные, начавшие, как обычно в таком случае, с рабства и кончившие феодальной зависимостью.

Ю. Бардах оспаривает эту концепцию, ибо она игнорирует общеславянскую распространенность смердов, доказанную как историками, так и лингвистами. Опираясь источниками, содержащими упоминание о смердах в XV—XVI вв. (львовские судебные книги, волынские источники и др.), Бардах доказывает, что в Короне смерды были крестьянами, находившимися под властью княжеской администрации; их могли передавать вместе с землей разного рода феодальным господам (стр. 92). В Галицкой Руси и Мазовии того времени название «смерд» было не только указанием на «низкое» общественное положение, но и оскорблением. В переводах статуты Казимира на

¹² H. Ł o w m i a ń s k i. Początki polski, t. III. Warszawa, 1967, s. 426—429.

русский язык, предназначенных, по мнению автора, для бельско-дрогицкой земли, входившей до 1569 г. в состав Великого княжества, упоминания «смердов» редки, чаще встречаются «кметы», «всадники» и др., что свидетельствует о «захирении» термина, а значит и той социальной группы, которую он обозначал. Процесс этот связан с общей нивелировкой социального положения зависимых групп крестьянского населения. Польские же смерды, оставив память о себе в языке, исчезают уже в XIII столетии.

Сравнивая источники, касающиеся русских, польских и полабских смердов. Бардах приходит к выводу, что термин этот получил распространение скорее всего в условиях разложения родоплеменного строя, когда стали возникать различия между родовой старшиной и остальным свободным населением.

Второй и следующие разделы книги посвящены специальным вопросам истории права Великого княжества, в том числе праву собственности.

Много внимания уделяет Ю. Бардах групповой собственности (семейной, сярбинской), дворичному землевладению и некоторым другим формам общинного владения и собственности. Широко ис-

пользуя сравнительный метод, автор книги приходит к заключению, что шляхетско-боярская собственность пережила своеобразную эволюцию, развиваясь от собственности группы (Eigentum für gesäimte Hand) до совладения, допускавшего раздел на частные поместья (включая предоставление земельных наделов мелкой шляхте).

Особому рассмотрению подвергнут институт взаимного дарения в обычном праве, имевший для известного этапа развития универсальное значение.

В разделе, посвященном истории брачно-семейных отношений, автор трактует сложный вопрос об усыновлении в его различных социальных аспектах.

Отдельно рассмотрен автором брак у православного населения Великого княжества. Развивая положения украинского историка конца XIX в. О. Ливицкого, автор устанавливает, что гражданский брак и развод без участия духовенства были обычным явлением на украинских и белорусских землях XV—XVIII вв., и объясняет это относительной слабостью православной церкви в Великом княжестве Литовском.

З. Черниловский

КНИГИ О РЕЙМОНТЕ

В последние годы польская литература о Реймонте пополнилась новыми интересными работами. Среди них два биографических очерка — «Пишущий меду»¹ Моника Варненской и «Реймонт» Барбары Коцувны². Названные авторы успешно продолжили большую работу по изучению биографических данных жизни писателя, начатую еще современником и другом Реймонта А. Гжималой-Седлецким (собранные им материалы до сих пор являются источником ценной и обширной информации и для литературоведов и для читателей, интересующихся жизнью и творчеством Реймонта). Кстати, напомним здесь, что впервые попытка воссоздания жизни польского писателя была предпринята в 1954 г. Л. Голинским³.

Автор новой книги о Реймонте — М. Варненская — известная в Польше писательница. Ее перу принадлежат популярные произведения о жизни Ю. Крашевского, М. Конопницкой, С. Жеромского; интересные очерки о местах, где

бывали А. Мицкевич, Г. Сенкевич и другие писатели.

Приступая к работе над повестью о Реймонте, Варненская располагала большим количеством материалов: к этому времени уже была обнаружена, обработана и прочитана значительная часть писем писателя к различным лицам, в распоряжении Варненской были и дневниковые записи автора «Мужиков» (восемь его дневников хранятся во Вроцлавском Оссолинеуме), и воспоминания о нем его современников.

В своей работе Варненская опиралась также на критическую литературу о его творчестве. Это обстоятельство, а также тот факт, что Варненская в протяжении всей своей книги дает литературоведческую оценку творчества Реймонта, которая часто обнаруживает в авторе тонкого знатока и ценителя реймонтовского наследия, позволяют увидеть в рецензируемом труде нечто большее, чем просто биографическую повесть: здесь нет увлекательного повествования, в котором прослеживались бы перипетии жизни писателя, движения его души, его мысли и чувства. Творческий путь Реймонта, «долгий и сложный процесс рождения таланта» — вот что в первую очередь интересует автора книги.

Располагая в хронологическом поряд-

¹ M. W a r n i e ń s k a. Medium piszące. Łódź, 1970, 270 s.

² B. K o s ó w n a. Reymont. Opowieść biograficzna. Warszawa, 1971, 310 s.

³ L. G o l i ń s k i. Syn ziemi. Rzecz o W. S. Reymontcie. Warszawa, 1954.

ке реальные эпизоды из жизни Реймонта, реконструируя события, упоминание о которых встречаются в разных источниках, Варненская год за годом восстанавливает перед читателем первую половину жизни Реймонта, первую наиболее трудную часть его творческого пути. Задача эта не из легких, так как именно детские годы и молодость Реймонта были мало изучены, однако, опираясь на имеющиеся источники, Варненская с незначительной долей вымысла сумела реконструировать основные моменты в жизни молодого Реймонта; в частности, много нового и любопытного мы можем узнать о первых опытах начинающего писателя, о первых его успехах, о работе над романами «Комедиантка», «Брожение», «Обетованная земля».

Вслед за известным польским литературоведом И. Магушевским Варненская, имея в виду своеобразие таланта Реймонта, называет его «пишущим медумом». Рост этого таланта интересует автора более всего и, видимо, поэтому она прекращает повествование тотчас же после рассказа о «бурном извержении таланта», с которым была связана работа над «Мужиками».

Второй и более полной книгой о писателе является книга Б. Коцувны «Реймонт». Автор уже несколько лет работает над подготовкой к печати всех сохранившихся писем Реймонта. В последние годы в прессе не раз можно было встретить ее публикации писем Реймонта, рассказы об отдельных фактах его жизни. Частично они вошли в новую книгу Коцувны.

Своей задачей автор считает опровержение множества неверных представлений о личности Реймонта, легенд, созданных в современной писателю прессе. Именно с этой точки зрения рассмотрены многие известные факты и эпизоды из жизни писателя (впрочем, Коцувна отнюдь не претендует на полную реконструкцию биографии Реймонта).

Описываемые автором события, нашедшие новую трактовку, подкрепляемую огромной базой рукописных архивных материалов, располагаются в хронологическом порядке, хотя и не в тесной связи друг с другом.

Произведение Коцувны, так же как и работу Варненской, нельзя назвать биографической повестью (а именно такой подзаголовок дает ей автор). Ее, может быть, справедливее было бы назвать повестью-исследованием: в ней даже в большей степени, чем в «Пишущем медумом», присутствует профессиональная литературоведческая оценка творчества писателя. Так, например, заслуживают внимания приведенные автором наблюдения над повторением характерных для творчества Реймонта мотивов — от ранних юношеских стихотворений до последних произведений; оригинален ана-

лиз романа «Вампир». При этом Коцувна оперирует обширным и очень интересным материалом. Большое значение имеют, например, приведенные в книге письма: Ю. Холевиньскому от 27 VIII 1895 г. о замысле романа «Брожение», Ф. Хесику от 10 II 1897 г. об «Обетованной земле», К. Макушиньскому от 21 XII 1910 г. о повести «Принцесса». (Часть из них впервые стала доступна читателю.) Коцувна приводит и важные выдержки из дневника Реймонта, свидетельствующие о сознательном выборе писателем своей литературной позиции.

В поле зрения автора попадают контакты Реймонта с различными польскими писателями, проявляются отношения Реймонта с Э. Ожешко, И. Севером, С. Выспьянским, З. Пшемьцким, С. Пшибышевским, В. Орканом; его отношение к молодым талантам — художнику М. Якимовичу, композитору К. Шимановскому и др.

Книга представляет читателю Реймонта как незаурядного, талантливого человека с богатым внутренним миром.

Хотелось бы также отметить значение некоторых других работ о Реймонте.

С момента смерти писателя на страницах различных газет и журналов появлялись публикации его писем. Наиболее интересные и значительные из них те, которые комментируют его произведения, помогают проследить рождение художественного замысла и его реализацию. Сошлемся хотя бы на письмо Реймонта А. Водзиньскому — 15 IV 1903 г. (впервые опубликовано в «Курьере варшавском», 1926, № 1), имеющее значение автобиографического документа, так как писатель рассказывает в нем об основных вехах своей жизни и литературной деятельности; письма брату («Паметник литераци», 1969, № 2); письма историку и этнографу Г. Верчесьскому («Праце полонистычне», 1968, сер. XXIV), где речь идет о истории создания сборника рассказов «Из хэлмской земли», письма М. Кинерскому, где Реймонт рассказывает о работе над «Мужиками» («Праце полонистычне», 1968, сер. XXIV); письмо С. Косьминьскому, в котором содержится информация о творческих замыслах, касающихся исторического романа «1794 год». («Месечник литераци», 1967, № 8) и др.

В книге «Реймонт во Франции»⁴, подготовленной к столетнему юбилею писателя Б. Мязговским, представлено тринадцать неопубликованных писем автора «Мужиков» — их переводчику на французский язык известному профессору-литературоведу, знатоку германских, ро-

⁴ «Reymont we Francji. Listy do tłumacza „Chłopów“ F.-I. Schoella». Opracował i wstępem opatrzył B. Miazgowski. Warszawa, 1967, 143 s.

манских и славянских литератур Франку-Луи Шеллю.

Письма писателя (1919—1925), тщательно прокомментированные Мязговским, составляют основную материальную книгу. Первые пять писем (1919) были написаны Реймонтом в Америке. Все они касаются «Мужиков». Реймонт искренне благодарит Шелля за блестящий перевод, обсуждает проблему возможности издания романа во Франции. Однако этой мечте писателя в те годы не суждено было осуществиться. Остальные письма датированы 1924—1925 гг. и написаны после присуждения Реймонту Нобелевской премии, когда вопрос об издании «Мужиков» во Франции вновь стал актуальным.

Кроме писем книга содержит библиографический очерк Мязговского «Франк-Луи Шелль», представляющий читателю большого эрудита, автора значительных исследований в области германских литератур, поклонника и популяризатора польской литературы во Франции и других франкоязычных странах, роль которого в распространении там произведений Реймонта была исключительно велика.

В книге помещена также статья Ф.-Л. Шелля «Как прививается любовь к иностранной литературе», в которой автор рассказывает о том, как еще одиннадцатилетним мальчиком попал в польское общество, собравшееся в семье эмигранта Герчиньского, он был восхищен польскими народными песнями, Шопеном, звучанием польской речи, польской историей и литературой. Это преклонение перед польской культурой осталось у него навсегда.

Имеется в книге и раздел о многочисленных и разнообразных французских связях Реймонта (автор — Ф.-Л. Шелль), о влиянии, которое оказал на писателя французский натурализм, особенно Золя и Мопассан. Однако это не лишило Реймонта самостоятельности, и, будучи зрелым писателем, он сумел не только преодолеть влияние Золя, но и противопоставить себя ему. Большое место уделяет Шелль восприятию произведений Реймонта во Франции. Он пишет о том, как полюбили Реймонта первые читатели, какое множество писем от них было получено переводчиком после выхода в свет «Мужиков». Шелль подчеркивает особую популярность романа среди французских крестьян, пишет о том, какое впечатление произвел роман на французских региональных писателей Л. Гашона и Э. Гюлломена, какую высокую оценку получил Реймонт у первых французских критиков — современников писателя (П. Сазен) и у новейших литературоведов.

Нельзя не сказать об одном важном разделе этой книги — о статье Ф.-Л. Шелля «История перевода», в которой автор опровергает домысел, что Нобе-

левская премия была присуждена Реймонту только благодаря выходу в свет блестящего французского перевода. В действительности дело обстояло совсем иначе: перевод «Мужиков» появился в печати именно в связи с тем, что Реймонту была присуждена эта премия.

Включенные в книгу статьи, фрагменты из рецензий, которые появились во французской прессе времени публикации перевода «Мужиков», вполне раскрывают тему «Реймонт во Франции».

Вторая книга публикаций писем писателя «Реймонт в Америке»⁵ подготовлена Л. Орловским. Здесь собраны сорок восемь писем Реймонта к Войцеху Дзержикрай-Моравскому, известному в Америке как В. Моравский-Навенч.

Журналист В. Моравский сотрудничал в различных газетах, издававшихся американцами польского происхождения, некоторое время стоял во главе объединенной Польской Прессы в Чикаго, занимался и преподавательской деятельностью в различных американских университетах. Был одним из ближайших друзей Реймонта в Америке, принимал горячее участие в переводе и издании произведений писателя в Соединенных Штатах.

Реймонт, посещая Америку, чувствовал себя одиноким, нуждался в поддержке Моравского. Поэтому так интенсивна переписка между ними во время пребывания писателя в Америке. Но и возвращаясь в Польшу, Реймонт часто писал Моравскому, видя в нем посредника в деле издания своих книг на английском языке. Эта тема является основной в его письмах. Почти все они написаны в период с 1919 по 1925 г., когда Реймонт был уже известным писателем. В письмах этих лет, когда Реймонтом не было создано произведения, равноценного роману «Мужики», звучат жалобы на болезнь, на то, что она не позволяет ему принимать активное участие в жизни. «Я внутренне отошел от мира и мирских дел», — пишет Реймонт Моравскому 14 XI 1924 г. Возможно, поэтому политическая ситуация в Польше и в мире кажется Реймонту катастрофической. Пессимистичен прогноз Реймонта и относительно будущего польской литературы. Так, например, в письме от 10 XII 1920 г. он пишет: «В литературе, особенно в прозе, тихо, как на кладбище...» Не понимает и не принимает Реймонт и поэзию молодых, особенно резко отзываясь он о группе «Скамандр». Весьма критически настроен Реймонт и к своим произведениям. Его не удовлетворяет только что написанная им аллегория «Бунт», и он не раз возвращается к мысли

⁵ «Reymont w Ameryce. Listy do W. Morawskiego». Opracował i wstępem opatrzył L. Orłowski. Warszawa, 1970, 180 s.

о том, что по крайней мере, вторая ее часть нуждается в переработке. Не вызывает в писателе радости и присуждение ему высокой награды—Нобелевской премии. Предчувствие смерти, постоянная мысль о ней лишают Реймонта последних сил.

Письма Реймонта к Моравскому снабжены обширным, занимающим почти полкниги вступительным очерком Л. Орловского — «Реймонт в Америке». Пожалуй, это название, так же как и название книги в целом, не оправдывается в полной мере содержанием. Предисловие Л. Орловского является не чем иным, как развернутым детальным комментарием к письмам. К сожалению, оно не содержит информации о восприятии

Реймонта в Америке⁶. Этот пробел тем более заметен, что мы уже знаем, с какой обстоятельностью исследованы французские связи Реймонта — в книге, о которой было сказано выше. Но несмотря на это, рецензируемое издание, как и все другие книги, о которых говорилось в нашем обзоре, безусловно, заслуживает внимания литературоведов-полонистов и станет большим подспорьем в изучении творчества Реймонта.

О. Р. Лапатухина

⁶ Интересные материалы на эту тему содержатся в статье американского исследователя Е. Кшижановского «Реймонт в США» («Ruch Literacki», 1970, № 3).

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ВУКЕ КАРАДЖИЧЕ

Изучение творчества Караджича началось еще при его жизни. И хотя за столет с лишним создана огромная литература о нем, о его деятельности, далеко не все вопросы освещены с одинаковой полнотой. К тому же еще не полностью выявлены материалы, характеризующие связи Вука с эпохой, с деятелями славянского национального Возрождения в различных странах. Ежегодно появляются публикации, вводящие в оборот новые архивные материалы. Так, в 1970 г. была опубликована переписка Караджича с И. И. Срезневским, раскрывающая важные стороны связей Вука с Россией¹. И тогда же увидел свет большой том — «Архивные материалы о Вуке Караджиче»². Основную работу по составлению этого тома выполнил известный югославский исследователь Голуб Добрашинович, благодаря его усилиям были заполнены многие белые пятна в биографии Вука. Работы Добрашиновича отличаются исключительной научной точностью; для них характерно пристальное внимание к фактам, стремление строить выводы и обобщения только на основе тщательно проверенных документальных данных. В свое время вместе с Боривое Маринковичем он создал интересную книгу «Встречи с Вуком»³. В ней облик Караджича воспроизведен теми, кто знал его

лично. Перед читателем предстал яркий и своеобразный портрет великого подвижника, борца за новую культуру и литературу. Как бы продолжением «Встреч с Вуком» является рецензируемая книга. Она представляет собой и свод интересных, порою впервые вводимых в оборот материалов, и своего рода путеводитель, помогающий разобраться в том, что уже либо опубликовано, либо находится в архивах различных стран и ожидает своей публикации.

Документы, вошедшие в сборник, воссоздают то, что составляло содержание трудной, полной борьбы и лишений жизни Вука. Внесено немало нового в характеристику облика Караджича, а тем самым и той эпохи, когда он жил и творил. В самом деле, наряду с Вуком в книге есть другой герой — Время, История. Ведь Вук, как пишет Добрашинович, был центральной фигурой сербского национального Возрождения. Впрочем, не только сербского, но и славянского в целом.

В предисловии к сборнику дан интересный обзор изучения и публикации архивных материалов о Караджиче.

Основные части сборника таковы; в начале представлены архивные материалы о Вуке из югославских хранилищ; далее следует подробное и очень точное описание материалов, связанных с Караджичем, хранящихся как в архивах Югославии, так и других стран. Важно то, что в книге дана исчерпывающая свodka опубликованных ранее архивных материалов (стр. 703—752).

Все документы, приведенные в книге, тщательно прокомментированы. Примечания во многих случаях представляют собой небольшие по объему, но насыщенные материалом исследования. В качестве примера можно привести примечания к письму Михаила Германа Христофора Обреновичу от 28 декабря 1823 г. Здесь и сведения о пребывании Вука в

¹ П. Т. Громов. Переписка В. С. Караджича с И. И. Срезневским. В сб. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., «Наука», 1970, стр. 322—353.

² «Архивска грађа о Вуку Караџићу. 1813—1864». Приредио Др Голуб Добрашиновић. Београд, 1970 (ссылки на это издание далее даются непосредственно в тексте).

³ Г. Добрашиновић, Б. Маринковић. Сусрети с Вуком. Нови Сад, 1964.

Лейпциге, и интересные факты из истории его контактов с русскими учеными. Или пояснения к письмам Алексея Симича Милошу Обреновичу: они вносят дополнительные штрихи в характеристику отношений между Караджичем и князем Милошем. Мы взяли два наудачу выбранных примера. Между тем все пояснения — результат большой и кропотливой научной работы.

В комментариях большое место занимают библиографические указания. Это связано со стремлением ввести новый документ в определенный контекст, показать его смысл и значение. Вместе с тем наряду с документами, которые до сих пор не были опубликованы, составитель включил в сборник и некоторые уже известные материалы. В этом проявилось характерное для него отношение к архивному документу: он важен, но его опубликование не является самоцелью; вместе с известными уже фактами он выступает как часть цельной картины, как звено в системе научной аргументации.

Документы, помещенные в сборнике, существенно дополняют наши представления и об изученных, и казалось бы, хорошо известных сторонах жизни Вука. Так, немало нового мы узнаем о его языковой реформе, о той атмосфере, в которой он вел борьбу за новое правописание (см. в этой связи письмо Петра Матице Обществу сербской словесности, датированное 6 (18) августа 1845 г.).

Сборник, составленный Г. Добрашиновичем, безусловно, послужит стимулом для новых исследований о Караджиче. Он дает для них богатый и разнообразный материал.

Хочется особо остановиться на некоторых документах, характеризующих русские и украинские контакты Вука.

Известны факты плодотворного сотрудничества Караджича и представителей русской науки. Многие русские ученые — современники Вука — с восторгом отзывались о его трудах⁴. Но вместе с тем не всеми была понята суть его реформы правописания. Против нее высказался журнал «Сын отечества». Публикуемое в сборнике письмо Михаила Германа Христофору Обреновичу от 12 июля 1824 г. является интереснейшим комментарием к выступлению этого журнала. О Михаиле Германе много писал еще Л. Стоянович, автор фундаментальной биографии Вука⁵. Однако назван-

ный документ существенно дополняет и Стояновича, и других биографов Вука. Герман пишет: «...посылаю Вам один Экстракт из Сына отечества насчет песни Сербских. Я заставил Г. Греча, чтобы он похвалил Г. Милоша Обреновича и побранил Вука Стефановича» (стр. 124).

Много внимания уделяет составитель сборника сложной личности А. Стойковича, бывшего в свое время профессором Харьковского университета. Эти документы важны и в связи с освещением вопроса о роли преподавателей-сербов в развитии славистических интересов филологов-харьковчан.

Интересны материалы, характеризующие дружеские отношения Караджича с О. М. Бодянским, И. И. Срезневским, П. И. Прейсом, Н. И. Надеждиным. Упомянем те из них, которые освещают известную поездку Вука по Сербии и Далмации вместе с Надеждиным и Д. М. Княжевичем летом 1841 г. Об этой поездке написано немало (в примечаниях к документам указана основная литература вопроса). Вместе с тем, объединив опубликованные и неопубликованные материалы, Добрашинович дает возможность ощутить ту сложную атмосферу, в которой проходила эта поездка: предписание властей установить слежку за Л. Гаеком, Караджичем и русскими путешественниками Надеждиным и Княжевичем, письмо Франческо Сабатини барону Карлу Роснеру, касающееся славистических интересов Княжевича и Надеждина.

К сожалению, в сборнике мало материалов о взаимоотношениях Караджича и Срезневского. Надеюсь мы и на то, что в сербских архивах находятся документы об украинских связях Вука. Как видно, таких документов не удалось обнаружить.

Вторую часть сборника составляет описание материалов, связанных с Вуком и хранящихся в архивах Югославии и других стран. Описание также окажет неоценимую помощь исследователям. Впервые создан такого рода обзор документов о Караджиче. Я позволю себе несколько уточнить и дополнить то, что касается архивов СССР. Составитель упоминает, например, о фонде Бодянского в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Названы письмо Вука князю Милошу (копия), письмо Вука Бодянскому и переводы сербских песен, сделанные учениками Бодянского. Возможно, стоило назвать фамилии некоторых из них, ставших впоследствии крупными филологами (Н. И. Стороженко, Н. С. Тихонравов). Сборникам Караджича и самому Вуку, его личности Бодянский уделял много внимания в своих лекциях по славяноведению. Тексты этих лекций сохранились⁶.

⁶ Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко, АН УССР, ф. 99, 27, 20/4311, 50.

⁴ См. В. Е. Гусев. Вук Караджич и русская фольклористика. «Русская литература», 1964, № 2; М. Я. Гольберг. Труды Караджича в оценке деятелей русской культуры первой половины XIX в. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. XXX, св. 3—4, 1964.

⁵ Л. Стојановић. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд 1924.

В архиве Бодянского есть данные, свидетельствующие о том, что он пересылал Караджичу некоторые книги, в частности труд А. Майкова «История сербского языка в связи с историей сербского народа». Не так давно украинский исследователь М. В. Гуць обнаружил и опубликовал запись Бодянского, в которой зафиксирован отзыв Караджича о книге Майкова⁷. В работах М. Гуця, А. Ряпцо и А. Полотай есть упоминания и о других материалах о Караджиче, содержащихся в архиве Бодянского⁸. Так, например, Гуць упоминает о письмах Мерчинского к Караджичу. Не назрела ли вообще необходимость издать описания материалов по русско-славянским и украинско-славянским литературным связям, хранящихся в наших архивах?

Из киевских архивохранилищ не упомянут Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР. Здесь также есть интересные материалы. Упомяну хотя бы о письме И. В. Вернадского М. А. Максимовичу из Берлина, датированном 3 февраля (22 января) 1844 г. Это письмо, содержащее интересную и и благожелательную характеристику Караджича⁹, должно привлечь к себе внимание его биографов.

Из архивов Львова упомянут Отдел рукописей Научной библиотеки АН УССР. Г. Добрашинович называет фонд Якова Головацкого. Но и в других фондах этого хранилища есть материалы, связанные с Вуком, с освоением его наследия. Особое внимание следует обратить на фонд Барвинских, в котором, в част-

ности, есть интересные переводы сербских народных песен из сборников Караджича, принадлежащие разным литераторам¹⁰.

Тщательно описаны Добрашиновичем материалы архивов Москвы и Ленинграда. Документы снова подтверждают широту связей Вука с Россией, с деятелями русской науки и литературы.

У составителя рецензируемого сборника были свои, совершенно определенные и сложные задачи. Выполнил он их превосходно. Очевидно, в процессе дальнейших разысканий будут обнаружены новые документы. Но сборник, о котором идет речь, несомненно, не утратит своего значения.

В заключение отметим, что наряду с Добрашиновичем в создании и редактировании сборника участвовали Елена Попович, Люба Попович, Эмилия Букнич, Анка Петранович, Цвета Малетич-Марчетич, Елена Милич-Грчич и некоторые другие сотрудники архивохранилищ Югославии. Книга очень хорошо издана. Указатели, особенно составленная Еленой Милич-Грчич «Регеста», облегчают пользование ею.

Уже после опубликования сборника увидела свет еще одна интересная работа Г. Добрашиновича — «Корреспонденты Вука»¹¹. Это опять-таки незаменимое пособие для изучения важнейших сторон жизни и деятельности Караджича.

Работы Добрашиновича, являясь ценным вкладом в науку, послужат основанием для новых исследований о Вуке Караджиче и его эпохе.

М. Я. Гольберг

⁷ См. М. В. Гуць. Вук Караджич і суспільно-наукова думка на Україні (XIX ст.). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», вип. I, Київ, «Наукова думка», 1965, стор. 105.

⁸ См. А. И. Ряпцо. Архів Бодянського. «Радянське літературознавство», 1965, № 4; А. Полотай. Шевченко і Бодянський (за матеріалами архіву Бодянського). «Радянське літературознавство», 1965, № 5.

⁹ Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР, III, 5282.

¹⁰ Некоторые из них были предметом специального исследования в работах М. В. Гуця. См. М. В. Гуць. Сербохорватська народна пісня на Україні. Київ, «Наукова думка», 1966, стор. 64—65; е г о ж е. Маловідомі переспівів і переклади сербських народних пісень українською мовою. «Міжслов'янські фольклористичні взаємини», Київ, 1963.

¹¹ См. «Ковчежић», св. 9, 1971, стр. 61—129.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ШПАЛИЧКА» М. АЛЕША

В Праге вышло седьмое издание книги рисунков Миклоша Алеша к текстам чешских и словацких народных песен и пословиц¹. Во вступительной статье М. Мичко говорится: «„Шпаличек“ Алеша безусловно принадлежит к самым своеобразным и чарующим явлениям чешской культуры». И действительно, книгу

трудно сравнить с чем-либо в искусстве других народов. Наряду с картинками и основными графическими циклами, а также композициями архитектурного назначения, «Шпаличек» представляет одну из ценнейших частей художественного наследия Алеша. Показательная необычайная популярность этого собрания рисунков в Чехословакии, пользующегося поистине всенародным признанием.

Для вошедших в книгу рисунков Алеша характерны синтез народного и про-

¹ M. A l e š. Spalíček národních písní a říkadel, vyd. 7, «Odeon», Praha, 1971, 307 s.

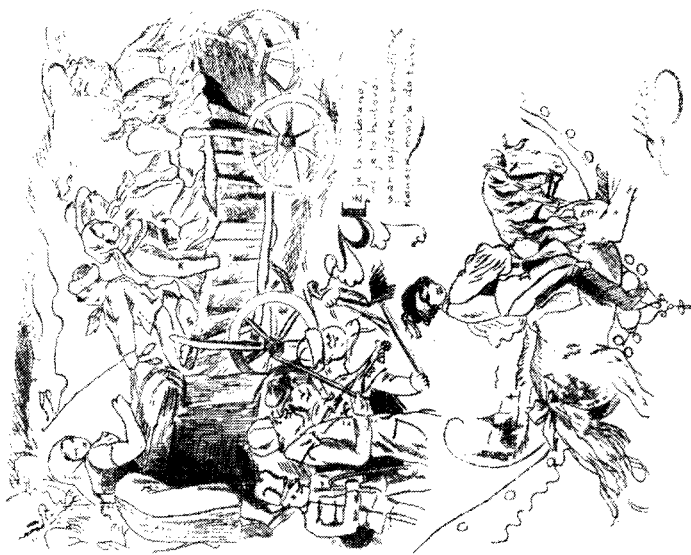


Рис. 1. «Уже все сделано...». 1875 г.



Рис. 2. «Работая службю». 1880 г.

фессионального искусства, соединение в органическое целое песенного текста и иллюстраций к нему, широкое обращение к самым различным жанрам народного творчества. Рисунки как бы позволяют увидеть жившие из поколения в поколение в сознании народа песенные образы. В совокупности они составляют развернутую панораму всей чешской деревенской жизни на рубеже XVIII и XIX вв., времени активного песнетворчества. Эти рисунки проникнуты глубоким патриотизмом, свободолобием, теплотой, симпатией к сельским труженикам, нежной любовью к чешской природе.

Название «Шпаличек» придумал для сборника своих рисунков-песен сам художник. «Шпаличками» (по-чешски «шпаличек» — маленькая деревянная колода, брусок дерева) первоначально называли толстые книги из сшитых наощенных дощечек, на которых специальными металлическими стержнями делали нужные записи. Позже так стали именовать толстые книги вообще, в частности собрания привозимых крестьянами с базаров и ярмарок лубочных рисунков, которые сшивались и постоянно увеличивались в объеме. Подобные самодельные песенники составлялись из так называемых крамаржеских песен, которые имели как духовное, так и светское содержание и были тесно связаны с жизнью народа, с его творчеством. В память о них и назвал Алеш свою книгу, столь близкую традициям народной культуры.

Составившие «Шпаличек» рисунки создавались Алешем на протяжении всей творческой жизни, с 70-х годов и почти до смерти (1913). Первоначально они печатались в журналах, выходили как дешевые народные картинки. Первое издание книги вышло в 1906 г., оно содержало 100 рисунков-песен. В 1912 г. вышло ее продолжение «Второй Шпаличек из 50 песен». В последующих посмертных изданиях состав книги расширяется, увеличивается почти вдвое. Она вышла огромными для Чехословакии тиражами, доходившими до 56 тысяч, и всегда с неизменным успехом.

В отличие от первого издания (оно открывалось 12 рисунками к пословицам на темы месяцев, а далее рисунки-песни были расположены в нем по алфавиту) в последующих изданиях иллюстрации распределены по тематическим разделам («Разные песни», «Месяца, времена года и праздники», «Времена барщины», «Народные песни и поговорки» и т. д.). Такая краткая история возникновения и издания «Шпаличка».

В новое издание «Шпаличка» вошли некоторые рисунки, отсутствовавшие в предыдущем (1951 г.), а часть рисунков, имевшихся там, исключена из нового. Насколько эти изменения оправданы? Здесь следует иметь в виду, что некоторые произведения Алеша, в том числе и



Рис. 3. «Я баба, по богу...». 1887 г.



Рис. 4. «Сидит баба на печи...». 1888 г.

рисунки к народным песням, до сих пор еще полностью не учтены и не собраны, местонахождение отдельных из них неизвестно. Поэтому публикация каждого нового или малоизвестного песенного рисунка Алеша правомерна и представляет интерес. Однако, как нам кажется, не все из них все же целесообразно включать в «Шпаличек».

Как известно, из пятого издания включившиеся до этого в книгу раскрашенные и лакированные рисунки на темы народных песен (общим числом 25) были исключены. И это было сделано, на наш взгляд, обоснованно, так как в стилевом отноше-



Рис. 5. «Писарь хорошо писать умеет...». 1890 г.

нии они не согласовались с остальными рисунками «Шпаличка», нарушали его целостность. В этом отношении некоторые рисунки (число их, правда, не велико), может быть, и не стоило включать в новое издание «Шпаличка», хотя они и представляют определенный интерес для изучения развития иллюстрационного мастерства художника. К числу таких необязательных рисунков, например, может быть отнесен «Гастрман, татрман!»² (стр. 21), воспроизведенный по плохой гравюре из журнала «Палечек» (1875). Он не обязателен тем более, что его вариант с тем же текстом есть на стр. 14 в более типичной для Алеша манере. Кстати, в связи с этим возникает вопрос, почему одни из песенных рисунков Алеша, впервые публиковавшиеся в юмористических журналах, включены в книгу «Шпаличек», являющуюся шестым томом «Творчества Алеша», а другие, например «Цыганская» (ж. «Палечек») или «Предсказание» (ж. «Шваида дурак»), оказались в восьмом томе — «Юмор и сатира». С одной стороны, здесь неясны принципы отбора произведений для «Шпаличка», с другой — система составления всего многотомного издания произведений художника.

Мало показательным для песенных иллюстраций Алеша и их общего стиля представляется и такой рисунок, как «Нету лучше на этом свете» (стр. 40).

Он был выполнен не столько как рисунок-песня, сколько как обычная иллюстрация, и опубликован в журнале «Кветы» в 1887 г. с подписью «Изгнанники». Именно эта тема, тема побелогорских эмигрантов раскрыта в рисунке, а не содержание песенного текста. Слова религиозно окрашенной песни, которые поместил Алеш под рисунком, в данном случае подчинены основному замыслу и имеют вспомогательное значение. Они дополняют рисунок, придают ему специфическую эмоциональную окраску, но никак не являются равноправными по отношению к изображению фигур двух не по своей воле оказавшихся вдали от родины чехов.

Вызывает известные сомнения и необходимость включения в «Шпаличек» некоторых других рисунков, резко отличающихся от остальных по манере исполнения, в частности таких, как «Колли, Колли! На красивой равнине...» (стр. 19). Речь идет не о том, чтобы их, как и некоторые другие иллюстрации Алеша, сохранившиеся лишь в недоброкачественных гравюрах (подлинники рисунков уцелели не все), предать забвению (они имеют право на внимание), а лишь о том, стоит ли их вводить именно в «Шпаличек». Решая вопрос о включении в состав книги новых песен, видимо, не следует забывать, что и первый составитель ее искусствовед К. Б. Мадр и сам Алеш, как это следует из их переписки, имели в виду не полное издание любых рисунков-песен, а избранное, т. е. тщательно продуманный «однородный выбор» произведений, которые составили бы «хороший сборник» (Мадр) «из лучших вещей» (Алеш).

Не мотивировано и уже потому кажется спорным воспроизведение одних рисунков-песен крупным масштабом, других мелким, одних в основной части книги, других в конце, среди текста «Алфавитного указателя». Знакомящемуся с новым изданием «Шпаличка» трудно понять, почему из основной части книги вынесены в конец такие рисунки, как «Я хлопец из Моравы», «Одна коза была лакомка», «Мой вороной красивый конь», «На нашем дворе», «Скажи мне, моя милая», «Шли девушки по дороге...» и др. Ведь они входили в первое издание «Шпаличка» (1906) и его продолжение (1912). Не лучше ли было дать как дополнение и приложение лавированные и раскрашенные рисунки, а также плохо гравированные и резко отличающиеся по манере исполнения?

Новое издание отличается от всех предыдущих еще и тем, что целостнейшие рисунки расположены в нем не по «алфавиту» названий и не по тематическим разделам, а хронологически по годам создания. Не станем останавливаться на вопросе, какое расположение лучше и какое хуже. У каждого есть свои «за»

² Гастрман — водяной, татрман — шут.

и «против». Скажем только, что и в хронологическом расположении рисунков-песен есть свой резон. Оно позволяет особенно наглядно и последовательно видеть всю историю многолетней работы Алеша над иллюстрированием народных песен, его поиски, стилевые отклонения, создание шрифтов и букв и, самое главное, выработку общих принципов художественного соединения текста, орнамента и сюжетного изображения, особой техники рисунков. Об этом в какой-то мере можно судить и по отдельным их репродукциям (см. рис. 1—9). Надо, однако, заметить, что расположение рисунков по годам выдержано не полностью. Вынесенные в конец книги иллюстрации оказались изъятыми из хронологического контекста.

Если иметь в виду прижизненное издание «Шпаличка», то думается, что в нем совсем не случайно были вынесены вперед рисунки к пословицам на темы месяцев. Сельский календарь — основа всей жизни крестьянина во всех ее проявлениях. Вольно или невольно, так или иначе он всегда служил опорной основой для Алеша при иллюстрировании песен. Скорее всего именно это и обусловило построение первого «Шпаличка». При хронологическом расположении рисунков этого сделать было нельзя; отсюда — известное отклонение от первоначального авторского замысла, если только мы его правильно объяснили. В принципе хронологическое расположение материала, как один из вариантов его организации, на наш взгляд, допустимо. Однако непонятно, почему седьмое издание «Шпаличка» названо шестым томом «Творчества Алеша» (см. пометку в конце книги). И по составу и по композиции оно отличается от вышедшего ранее шестого тома, что не согласуется с издательской практикой.

Большим и весьма существенным достоинством седьмого издания «Шпаличка» является публикация в нем алфавитного перечня всех зарегистрированных иллюстраций Алеша к народным песням (всего около 400, с датировкой, обозначением техники, размеров, с указанием первых публикаций и местонахождения), в том числе и тех, которые не вошли в книгу. Можно с уверенностью сказать, что к этому перечню в будущем не раз с благодарностью обратятся исследователи.

Интересны содержащиеся в послесловии (автор И. Доубнерова) новые материалы переписки Алеша с К. Б. Мадлом, касающейся первого издания «Шпаличка». Они показывают, как серьезно относился к нему художник и как высоко ценил свои иллюстрации к народным песням. В письмах Алеша к Мадлу не раз упоминается название журнала «Кветы», где публиковались иллюстрации художника к песням. Эта тема —



Рис. 6. «Красная розочка...». 1895 г.



Рис. 7. «За нашим овинком...». 1902 г.



Рис. 8. «Пришел к нам белый вол...». 1908 г.

тема сотрудничества Алеша с журналом, одним из редакторов которого был Сватошлук Чех, могла быть освещена полнее. Ведь именно в «Кветях» только с 1882 по 1898 г. было впервые опубликовано более 50 рисунков к песням, чему Чех немало способствовал. Он даже сам писал сопроводительные тексты к песенным рисункам Алеша («Солдат в чешской народной песне», 1882 г., «Охотник в чешской народной песне», 1887). Многие из помещенных в «Кветях» рисунков впоследствии вошли в «Шпаличек».

К положительным особенностям седьмого издания «Шпаличка» следует отнести и включение в его состав отдельных новых рисунков Алеша к народным чешским песням, которые по своему исполнительскому уровню и стилевым признакам не диссоциируют с другими. Мы бы отнесли к их числу такие, как, например, «Кто вы, божьи воины» (1904). Они в чем-то дополняют и расширяют наши представления о песенных иллюстрациях Алеша.

В целом появление еще одного издания «Шпаличка» нельзя не приветство-

вать. Оно доставит радость не только соотечественникам Алеша, но и всем тем, кто знает и любит его творчество за пределами Чехии. Перелистывая страницы замечательной книги и всматриваясь в составляющие ее рисунки, невольно вспоминаешь слова Зденека Неедлы, относящиеся к их автору: «Он всегда любил народные песни... Существует бесчисленное количество принадлежащих его перу иллюстраций к нашим народным песням, услышанным им в народе, и все мы — даже дети — знаем, как много умел Алеш вложить в свои иллюстрации, как много умел ими выразить. Он умеет растрогать до слез грустной песней, рассмешить непосредственной, веселой, остроумной шуткой — в другой песне. А сколько в нем наблюдательности, в изображаемой на рисунках народной жизни его внимание привлекало все до мелочей... „Шпаличек“ — это произведение, каким не может похвалиться ни один из наших художников, как по своему богатству, так и по своей популярности и широкому распространению. Эта книга вышла уже несколькими изданиями, но их все еще недоста-



Рис. 9. «Конь, конь вороной...». 1908 г.

точно»³. Эти слова были написаны в начале 50-х годов. Думается, что и нового издания книги Алеша, сто двадцать лет со дня рождения которого испол-

³ Z. Nejedlý. Velké osobnosti. Praha, 1953, s. 128.

нилось 18 ноября 1972 г., окажется недостаточно, хотя ее тираж и составляет 35 тыс. экземпляров. Любовь к подлинному искусству в народе неиссякаема.

Л. С. Кушкин

РОМАН МОЛОДОЙ ПОЛЬШИ В АСПЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Работы М. Гловиньского привлекают органичным сочетанием новых теоретических концепций с убедительной практической реализацией их постулатов на конкретном историко-литературном материале. Эти два слоя в исследовательской манере видного польского ученого взаимопроницаемы и взаимообусловлены, что исключает «чистое» теоретизирование (лишенное основ в реальности определенного литературного процесса), равно как и обнаженный, эмпиричный практицизм, который не в состоянии подняться над массой отдельных фактов к выявлению их сущности.

М. Гловиньский в основном занимается историей и теорией литературного процесса (в Польше и Западной Европе второй половины XIX—XX вв.). Помимо многих крупных статей, хорошо известных специалистам и за пределами Польши, он является автором книг о поэтике Ю. Туви́ма¹ и романе XX в.² Новый труд Гловиньского³ посвящен тому периоду в истории польского романа, который условно замыкается датами 1890—1918.

Эпоха Молодой Польши теперь представляет интерес не только как особый этап в развитии литературы, но и источник многих тенденций в поэзии, драматургии и прозе последующего периода. В этом отношении исследование Гловиньского восполняет существенный пробел в изучении польского романа и его истории.

Приступая к исследованию литературы этого периода, ученый сразу же сталкивается с целым рядом трудностей. К их числу относится такой, например, вопрос: следует ли воскрешать из небытия и подвергать монографическому анализу сотни романов, в свое время читаемых, известных и что-то значивших? В таком случае получится фолиант, отпугивающий своими размерами даже спе-

циалистов. Или следующий вопрос: какой избрать путь, где искать те узловые моменты, выявление которых отразит сущность эволюции изучаемого жанра? Как от произведения перейти к жанру, от частного к общему — и наоборот, чтобы выявить сущность происходящего процесса?

Конечные результаты, достигнутые Гловиньским, свидетельствуют о том, что автор успешно решил эти проблемы, причем нашел оптимальный вариант решения.

Рассматривая жанровые формы в аспекте исторической поэтики — т. е. в их изменении и развитии (а не как нечто стабильное, уже сформировавшееся для данной эпохи — что является предметом поэтики описательной), Гловиньский определил то звено, которое «тянет» за собой всю цепь философско-эстетической обусловленности того или иного типа художественной организации. Речь идет о рассказчике в романе. Его тип (объективизированный и субъективизированный, выступающий как демиург или стоящий на уровне персонажей, проявляющий себя в первом или третьем лице), его образ, характер мировосприятия, с одной стороны, обуславливает специфику отражения действительности, особенности трактовки проблем, оценку персонажей и их действий, саморазвитие сюжета, с другой — тип повествования и стиль. Рассказчик проявляет себя, реализует свое «я» в языковом материале повествования. В этом плане рассматриваются фабула и сюжет, особенности мироощущения, самый принцип восприятия действительности, в этом плане характеризуются персонажи, явления, действия и т. д.

Тем самым пайден тот угол зрения, который дает возможность увидеть художественное произведение как единое взаимосвязанное, взаимообусловленное и взаимодействующее целое. Изменения в характере, роли и специфике функций отдельных элементов отражаются в сфере стиля и означают изменения в сфере художественного видения, характера отражения и типа оценки реальности. В этой плоскости автор выявляет и прослеживает особенности эволюции реалистического романа, генезис и эволюцию натуралистической прозы и влияние на нее поэтики реализма, равно как и за-

¹ M. G ł o w i ń s k i. Poetyka Tuwima a polska tradycja literacka. Warszawa, 1962.

² M. G ł o w i ń s k i. Porządek, chaos, znaczenie. Warszawa, 1968.

³ M. G ł o w i ń s k i. Powieść młodo-polska. Studium z poetyki historycznej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970, s. 302.

родыши новых тенденций, характерных для романа XX в.

Выявление внутренней специфики организации художественного произведения (жанра) сочетается с анализом ее внешнего функционирования, т. е. общественного восприятия (рецепции). И здесь автор тонко вскрывает «инструментальные функции» конкретных стиливых структур, социальные особенности и социальную роль отдельного произведения и жанра в целом.

Раскрывая системы и принципы языковой организации художественного произведения и его рецепцию, Гловинский тем самым показывает как роман отражал реальность своей эпохи, ее наболевшие проблемы, ее человека, ищущего, надеющегося, мятущегося.

Книга эта, открывающая новые пути в исследовании литературных явлений, заставляет о многом задуматься, на многое взглянуть иначе. Весьма возможно, что и многое изменить. Речь идет не о «переворотках», которые уже столько раз провозглашались не только литераторами, но и литературоведами. Суть в том, что время от времени, изредка, даже очень редко (что, впрочем, естественно), появляется такая работа, которая каждого непредубежденного ученого заставляет многое пересмотреть — и всю свою прошлую и будущую практику соизмерять с этой новой работой, открывающей новые возможности и перспективы.

А. В. Луиатов

ПОЛЬСКАЯ АНТОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1971 г. в Польше была издана антология древней русской литературы¹ (составители — Виктор Якубовский и Рышард Лужный). Антология является научным пособием для студентов и научных работников польской русистики, которые знакомы с работами советских авторов, главным образом составленной Н. К. Гудзием «Хрестоматией по древней русской литературе XI—XVII веков», а также учебником-хрестоматией «Древнерусская литература» А. Л. Жовтиса.

Изучая древнюю русскую литературу по этим хрестоматиям, польские студенты-филологи встречались со многими трудностями. Для них были необходимы добавочные исторические и филологические комментарии к отдельным памятникам древней русской письменности. Составители новой антологии учитывали все эти трудности, которые встают перед польским студентом — читателем древней русской литературы. Поэтому каждый литературный текст в антологии сопровождается необходимыми, написанными по-польски, объяснениями, в которых говорится о данном памятнике, об эпохе его создания, его значении, художественных особенностях, о его открытии. Во вступительных заметках даются

исторические справки и примечания, которые позволяют лучше понять содержание произведения и описанные в нем исторические события.

В антологию включены 26 текстов памятников древней русской литературы, начиная с отрывков из «Повести временных лет» до «Повести о Фроле Скобееве». Почти половину всех текстов представляют повести русской литературы XVII в. (некоторые из них печатаются в сокращении), наименее известные польским любителям русской литературы. Польский читатель несомненно лучше знает «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», чем, например, «Житие протопопа Аввакума» или «Повесть о Шемякином суде».

Многие примечания к отдельным текстам дают объяснение слов и выражений, которые не употребляются в современном русском языке. Все включенные в антологию произведения печатаются также и в переводе на польский язык. Таким образом, антологией могут пользоваться читатели, которые слабо знают русский язык или вовсе его не знают. Польская антология древней русской литературы будет способствовать ознакомлению польских читателей с наиболее ценными памятниками русской литературы на первых этапах ее развития.

¹ W. J a k u b o w s k i, R. Ł u ż n y. Literatura staroruska. Antologia. Warszawa, 1971.

Ян Орловский

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Недавно одна за другой, с интервалом всего в один год вышли в свет две монографии молодого слависта Е. М. Верещагина, посвященные переводческой деятельности славянских первоучителей Кирилла (Константина) и Мефодия¹. Автор этих книг уже успел проявить себя как продуктивно работающий специалист по теории перевода и билингвизма, по психолингвистике, теории речи и методике преподавания русского языка как иностранного. Мы считаем важным отметить, что молодой ученый, вооруженный новейшими методами лингвистического исследования, подошел к изучению проблемы, до того бывшей уделом филологов-традиционалистов.

Обе монографии представляют собой по существу одну работу в двух частях. Поэтому то, что будет далее сказано по поводу первой книги, в значительной мере может быть отнесено и ко второй.

Уже самый факт выхода в свет книг Е. М. Верещагина — отрадное явление. Их педагогический и, мы сказали бы, даже просветительский пафос без сомнения будет способствовать привлечению свежих исследовательских сил к разработке этой традиционной славистической проблемы.

Во «Введении» к первой монографии и в обширных сносках, которыми эта часть работы снабжена, излагается отношение автора к важнейшим вопросам кирилло-мефодияны. Е. М. Верещагин без колебаний признает Кирилла и Мефодия создателями первого литературного языка славян, он разделяет положения, высказанные в 1961 г. Н. И. Толстым о единстве и общности этого литературного языка первоначально для всех славянских территорий². Он справедливо признает относительный характер оценок, которые давались переводческой деятельности солунских братьев: высокие — как правило при сравнении славянского перевода евангелия с готской библией Вульфилы (IV в.), низкие — при сопоставлении с переводом Лютера, выполненным в XVI в. Таким образом, эта часть книги Е. М. Верещагина содержит в скрытой форме его обещание дать объективную оценку переводческого мастерства перво-

учителей славян, основанную на детальном анализе их перевода.

Можно вполне согласиться с произведенным в монографии выбором исследуемого материала: Саввина книга, Мариинское, Зографское и Ассеманиево евангелия. Приемы перевода, примененные в евангельских текстах, заметно отличаются от тех, с помощью которых выполнены прочие переводы, также по традиции причисляемые к переводам Кирилла и Мефодия.

В конце «Введения» указаны методы, которыми пользуется Е. М. Верещагин в своем исследовании. Это метод компонентного анализа значений, грамматической теории моделей, лингвистической теории перевода, теории двуязычия, контактологии, общей теории ошибок. Он признает, что применение «точных» методов исследования весьма затруднено при таком текстологически недостоверном материале, каким являются новейшие печатные издания греческого текста евангелий и привлекаемые славянские списки в отношении первоначального текста, вышедшего из-под пера переводчиков. Однако он полагает, что проявляемая им исследовательская осторожность окажется достаточной для преодоления отмеченных трудностей.

В главе первой постулируется, что основным принципом перевода, использованным Кириллом и Мефодием, является пословный принцип. Дальнейшее изложение призвано по существу служить объяснению ряда правильно замеченных отступлений от этого принципа. При этом «пословный принцип перевода» понимается Е. М. Верещагиным в чисто количественном смысле: одному слову греческого подлинника соответствует одно, и только одно, слово в славянском тексте. На качественной стороне перевода это не отражается, т. е. одно и то же греческое слово может быть в разных местах текста переводимо различными славянскими лексемами. За отдельное слово в книге признаются и существительное с предлогом, аналитическая глагольная форма с вспомогательным глаголом, глагол с возвратной частицей *са*, слово с артиклем в греческом (стр. 35—36), а также союзы и местоимения. Заметим, что Е. М. Верещагин предпочитает оперировать не лексемами, а семемами или какими-то иными единицами смысла. Так, гр. *μῆτος* оказывается разделенным на два слова (*μῆ* и *τῶς*) согласно тому, как это содержательное количество представлено двумя отдельно оформленными единицами в славянском тексте (*да не*). Греческие союзы *ἕως*, *ὅπου*, *ἕως*, *ἄν*, наоборот, признаются одним словом в соответствии со славянским *дольдеже* (стр. 28). Подобный способ деления слов естественно ставит под сомнение возможность обозначить исследуемый перевод-

¹ Е. М. В е р е щ а г и н. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., изд. МГУ, 1971, 255 стр.; е г о ж е. Из истории первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., изд. МГУ, 1972, 199 стр.

² Н. И. Т о л с т о й. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке славян. «Вопросы языкознания», 1961, № 1.

ческий принцип «пословным»: ведь в отношении количественного равновесия оказываются не лексемы, а семемы.

Случаи отступления от постулированного «пословного принципа перевода» объясняются в I и IV главах исследования. Заметим попутно, что некоторые из этих «отступлений» появляются в книге по вине Е. М. Верещагина. Так, греческий текст $\mu\epsilon\tau' \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \epsilon\nu \tau\eta \delta\delta\omega$ (Мф V, 25), цитируемый по изданию Э. Нестле (Лондон, 1958), в цитации Е. М. Верещагина оказывается без первых двух слов, которым как раз есть прямое соответствие в тексте Мариинского евангелия: на *пяти съ нимаъ* (стр. 28).

Признавая местоимения всегда одним словом, автор книги вынужден был поставить прочерк в греческой фразе $\kappa\alpha\iota \epsilon\iota\varsigma \phi\upsilon\lambda\alpha\kappa\eta\nu \beta\lambda\eta\theta\eta\sigma\eta$, переведенной абсолютно корректно: *и въ темнища въаржеть т.а.* Греческая пассивная конструкция заменена в славянском активной, а потому логический объект действия оказался выраженным в тексте эксплицитно. Это «отступление» Е. М. Верещагин отводит предположением, что в греческом тексте могло быть $\beta\lambda\eta\theta\eta\sigma\eta \delta\epsilon$, т. е. прибавка прямого дополнения к пассивной форме глагола (?!) (стр. 40).

Рассматривая слово с артиклем в качестве одного слова, автор книги не считался одним элементом в греческом тексте $\delta \beta\lambda\epsilon\pi\omega\nu$, т. е. *иже възригъ*. Артикль, указывающий на субстантивацию (в данном случае причастия), совершенно правильно передан в славянском тексте (стр. 29). Разумеется, что средняя цифра пословного перевода (0,986), введенная автором книги на основе подобного рода данных (стр. 66), не может быть признана вполне достоверной.

Ряд случаев действительного расхождения в числе слов между греческим и славянским текстами получает у Е. М. Верещагина «текстологическое объяснение», которое сводится к предположению о том, что либо греческий, либо славянский первоначально мог иметь другое чтение. Не считая уже того, что каждое подобное предположение не может быть нами признано сколько-нибудь доказательным, здесь полностью игнорируется та эстетическая функция, которой обязательно должен был обладать переводимый текст, и ради которой могли допускаться переводчиками незначительные отступления от буквы оригинала (в грамматических формах, в порядке слов и т. п.). Отступления подобного рода, совсем не нарушая верности передаваемого смысла, служат наилучшим доказательством высокого переводческого мастерства Кирилла и Мефодия. К таким отступлениям мы могли бы отнести, например, чetyрежды встретившееся начальное *и* (Ио XIV, 11—17) и лишнее *азъ* в Саввиной книге, пропущенное

схпъръ в Мариинском евангелии (Мф V, 25), что, кстати сказать, позволяет произвести иную разбивку славянского текста по сравнению с греческим и рассматривать весь стих 25 в качестве одной фразы, и др.

К объяснению отступлений от «пословного принципа перевода» Е. М. Верещагин вновь обращается в четвертой главе первой книги. Здесь он фиксирует внимание на тех случаях, когда греческий глагол переводится словосочетаниями: $\epsilon\iota\rho\eta\nu\epsilon\omega$ — *миръ нахти; εὐχαριστέω* — *хваалж въздатъ; κενάλω* — *пробити главлж*. Разумеется, подобные случаи не могли появиться в переводе по аналогии с передачей пассивных глаголов (ср. $\beta\lambda\eta\theta\eta\sigma\eta$ — *въаржено вждеть*), как это можно было бы предположить (стр. 142). Можно согласиться с автором книги в том, что такой тип греческо-славянских соответствий заслуживает самого пристального внимания исследователей.

Часть отступлений от «принципа пословного перевода» Е. М. Верещагин «снимает» синтаксическим анализом, пользуясь методом непосредственно составляющих. Так, например, он указывает, что во фразах $\upsilon\iota\omicron\varsigma \sigma\epsilon\lambda\eta\nu\acute{\alpha}\zeta\epsilon\tau\alpha\iota$ и *сынъ на новъ мѣсѣцъ вѣнѣтъ сѧ* греческий глагол и славянское словосочетание выступает в одной и той же функции сказуемого (стр. 146—147). С этим трудно не согласиться, однако нельзя, по нашему мнению, согласиться с тем, что якобы переводчики в своей деятельности руководствовались лишь необъяснимым стремлением создать славянский текст из равного с греческим количества слов (если при этом они были согласны с автором книги и в понимании границ отдельного слова). Если и можно говорить о каком-то количественном равенстве, то только в отношении смысловых элементов речи: на всем протяжении перевода видно, что переводчики стремились не потерять ни одного содержательного элемента из греческого текста и не внести ничего лишнего в славянский текст.

Именно это обстоятельство убедительно показано автором во второй и третьей главах, посвященных, если можно так выразиться, «качественной» стороне перевода. Здесь автор книги рассматривает перевод словосочетаний. В составе последних выделяются ключевые и зависимые слова (например, в сочетании *кидать камни* существительное является ключевым, глагол же зависимым словом).

Техника перевода ключевых слов исследуется при помощи компонентного анализа, т. е. путем выделения общих сем. В зависимости от способа распределения сем в греческих и славянских словах возможны три типа соответствий: одно греческое переводится одним и тем же славянским ($\sigma\tau\alpha\nu\rho\acute{\varsigma}$ — *крестъ*); два или более греческих слова передаются одним

и тем же славянским (λίθος πέτρα — камнь); одно греческое слово переводится двумя или более славянскими (πνεῦμα — духъ душа). При наличии различных возможностей выбор того или иного ключевого слова определяется переводчиком из контекста.

Выбор зависимых слов производится по принципу дополнения словосочетания, что убедительно показано в книге на примере перевода глагола βάλλω и его производных, в общем имеющих 37 соответствий. Ср.: каменне вѣржѣтъ, меташа жръбѣна, вѣложи прѣстѣ, вѣнъзи ножѣ, вѣлана водѣ и т. п. «Поэтому, может быть, — пишет автор, — применительно к зависимым словам не следовало бы говорить о подлинном переводе, а, например, о дополнении словосочетания» (стр. 117). Этот вывод не только достоверно подтверждает мнение о высоком переводческом искусстве Кирилла и Мефодия, но и окончательно опровергает постулированный в начале книги «принцип послонного перевода» в количественном смысле. Принцип этот в лучшем случае можно было бы понимать лишь в смысле слова λόγος, но не слова γλώσσα, с чего и начал свои рассуждения Е. М. Верецагин.

В связи со сказанным хотелось бы еще остановиться на переводе идиом греческого текста. На страницах 178—179 Е. М. Верецагин ставит в упрек славянским первоучителям, что они передавали идиомы буквально, не в пример Лютеру, который передавал подобные идиомы устойчивыми словосочетаниями родного ему немецкого языка. Надо полностью снять с Кирилла и Мефодия подобное обвинение. Если, например, в чтении Лк VIII, 28 (ср. также Мф XXVII, 19 или Ио II, 4) греческое выражение τὸ ἐμὸν καὶ σοῦ передается слово в слово — что есть мнѣ и тѣбѣ, то это могло быть прежде всего потому, что подобного рода идиома, свойственная семитским языкам (древнееврейскому и арамейскому), могла не восприниматься как устойчивое словосочетание греками в IX в., которые встречали подобные же выражения в текстах Ветхого Завета и дорожили ими как священными библеизмами.

В книге есть еще много разнообразных наблюдений и замечаний, которые не могут не заинтересовать внимательного читателя, но мы ограничимся высказанным, заключив, что, хотя автору и не удалось отстоять выдвинутого им положения о «пословном принципе перевода», ему удалось большее: он дал выразительный анализ соотношений греческого и славянского текста и тем самым обосновал высокую оценку переводческой деятельности Кирилла и Мефодия. Значительность этого результата повышается еще тем, что он достигнут с учетом научной традиции и исходит из трезвого анализа разнообразных и нередко пристрастных мнений.

Непосредственной задачей второй части исследования Е. М. Верецагина является выяснение и интерпретация тех лексических вариантов, которые наблюдаются во всех древнейших списках славянских переводов евангелий. В них одно и то же слово иногда остается в непереуведенной, греческой оболочке, а тут же рядом, через несколько стихов, ему находится переводное славянское соответствие. Нередки и такие случаи, когда одному и тому же греческому слову в одном и том же тексте отвечают различные славянские слова или словосочетания. Так, например, если Лк I, 5 по Маринскому списку читается отъ еѣнѣкѣна лѣнѣна, то через три стиха тоже греческое слово переводится вѣ чинноу чръдѣи своѣѣ (стр. 41). Или, если в тексте Мф XVII, 25 в списках Мар., Асс., Остр. слово κήρυξον оставлено без перевода отъ кыѣхъ приемажѣтъ даннѣи книсъ, а в списке же Сав. на месте книсъ — вѣрокы, то казалось бы, перед нами словарный вариант, типичный лишь для этого списка. Однако далее в Мф XXII, 17 все списки, в том числе и Сав., приводят достойно ли естъ даннѣи книсъ кесарѣи.

На страницах 32—41 дан подробный разбор высказываний предшественников автора книги по затронутому вопросу. Одни ученые находили в фактах лексического варьирования в славянских текстах указание на бытование этих памятников в различные периоды на различных территориях и в связи с этим предполагали проникновение в текст диалектизмов; другие находили причину рассматриваемого явления в том, что над славянским текстом работали различные переводчики и позднейшие редакторы перевода, стремившиеся приспособить лексику к пониманию читателей своей эпохи. В отличие от всех ранее высказывавшихся мнений Е. М. Верецагин выдвигает предположение о том, что источником лексического варьирования мог быть сам первоначальный текст перевода и что внесение в него лексических вариантов произошло по инициативе самих переводчиков, Кирилла и Мефодия, отражая тем самым их высокое языковое мастерство, глубокое и точное проникновение в синонимичу славянских наречий того времени.

Данный тезис Е. М. Верецагин подкрепляет детальным и скрупулезным анализом соответствий между греческим и славянским текстом евангелий. Всего им выявлено 127 различных чтений, отличающихся от соответствующих им греческих текстов. Пять из них могут быть признаны либо прямыми ошибками перевода, либо случайными описками в тексте Маринского евангелия. Из оставшегося числа расхождений 14 может быть признано инвариантными чтениями, совпадающими с греческим текстом в списках Зографском, Ассеманиевом, Саввиной книге.

76 вариантов падает на чтения списка Мариинского евангелия, совпадающие с текстом церковнославянского синодального издания евангелия XIX в. В их числе отметим четыре ошибочных, по мнению Е. М. Верещагина, но сохраненных в синодальном издании. Три инвариантных чтения тоже содержатся в синодальном тексте. Восемь чтений, по нашему мнению, сомнительны в отношении их языковой интерпретации. В одном чтении (Мф XVI, 18) — καὶ ἐπὶ τῷ τῷ πέτρῳ на семь камен — содержится непереводаемая игра слов греческого оригинала. 21 чтение может быть отнесено к рецептивным, т. е. вызванным языковой необходимостью в строе славянского языка. 17 случаев может быть отнесено к типу: глагол = глагол + имя (см. выше). В 11 чтениях мы усматриваем корректный перевод, отнесенный Е. М. Верещагиным к отступлениям от подлинника. 32 чтения Мариинского списка, отнесенные автором к «отступлениям», не сохранились в синодальном издании. И в данном случае объяснения этого факта могут быть, по нашему мнению, различными.

Но как бы мы ни относились к интерпретации Е. М. Верещагиным отдельных «отступлений», объясняемым в его книге варьированием, восходящим к инициативе самих древнеславянских переводчиков, заслугой его, несомненно, может быть признан тот факт, что он поставил эту проблему и привлек к ней внимание исследователей.

Не будем говорить об отдельных частных неточностях, допущенных Е. М. Верещагиным в нумерации глав и стихов интерпретируемых им чтений и об отдельных промахах, допущенных им в отношении стилистики современного русского языка. Все эти детали покрываются общим несомненно интересным и вызывающим на дальнейшее углубленное исследование содержанием обеих рецензируемых книг³.

А. А. Алексеев, Н. А. Мещерский

³ См. также и рецензию Э. Благовой на первую монографию Е. М. Верещагина, помещенную в «Byzantinoslavica», t. XXXIII, fasc. 1, 1972, s. 83—86.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1972 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

Иванов В. Е. Международный симпозиум по проблемам развития социализма (Москва, 27—29 июня 1972 г.). Вопр. истории КПСС, 1972, № 10.

Кордас В. М. Буржуазный национализм — идеологическое и политическое оружие контрреволюционных сил Чехословакии. В кн. Актуальные вопросы критики современного антикоммунизма. М., 1972.

Лопатка А. Рабочий класс — ведущая сила строительства социализма в Польше. Рабочий класс и соврем. мир, 1972, № 5.

Филипец И. Сотрудничество ученых социалистических стран по проблемам идеологической борьбы. Вопр. философии, 1972, № 7.

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Асрян А. Мировая система социализма — новый тип взаимоотношений и государств. Сб. научн. тр. Ерев. политехн. ин-та 1972, т. 28. Сер. Обществ. науки, вып. 4.

Кондратьев Л. Ф. К вопросу о борьбе социалистических стран в Комитете 18-ти за нераспространение ядерного оружия. В кн. Некоторые вопросы всеобщей истории и методики ее преподавания. Днепропетровск, 1972.

Советов А. Основополагающий принцип внешней политики социализма. Междунар. жизнь, 1972, № 10.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Большаков А. Советская историография о творческом применении ленинского кооперативного плана в европейских странах социализма. Сб. научн. работ аспирантов Ун-та дружбы народов, 1972, вып. 9.

Викентьев А. И., Кудрова Е. С. Теценции движения розничных цен в европейских социалистических странах. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1972, № 5.

Гвяздецки М. Роль общественности в повышении качества продукции

в Польской Народной Республике. В кн. Системы управления качеством продукции. М., 1972.

Дашевская Д., Немчинова Л. Организация безвальных расчетов в европейских социалистических странах. «Деньги и кредит», 1972, № 9.

Демьяненко Г. П. Важнейшие изменения в размещении химической промышленности Польской Народной Республики. Вестн. Моск. ун-та, География, 1972, № 5.

Деятельность Международного банка экономического сотрудничества в 1971 году. «Деньги и кредит», 1972, № 9.

Зубков А. Особенности международной концентрации инвестиций при решении топливно-сырьевой проблемы стран СЭВ. Вопр. экономики, 1972, № 9.

Июдина Е., Олейник И. Структурные сдвиги в экономике стран социализма. Вопр. экономики, 1972, № 9.

Карпов Б. Г. Деятельность объединения «Стройимпорт» по экспорту станков из ЧССР. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1972, 16 сентября, № 110.

Кобзарь Э., Рыбалкин В. Финансово-экономические рычаги стимулирования технического прогресса в странах СЭВ. «Финансы СССР», 1972, № 10.

Крамаров Э. М. Транспорт во внешней торговле Народной Республики Болгарии. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1972, 14 сентября, № 109.

Краснов Л. В. Программа социалистической экономической интеграции в действии. Сов. государство и право, 1972, № 9.

Легенко А. В. Актуальные проблемы социалистической экономической интеграции. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1972, № 5.

Малова Г. Научно-техническое сотрудничество СССР со странами СЭВ. Вопр. экономики, 1972, № 9.

Маштабей В. Научно-техническая интеграция стран — членов СЭВ. Экономика Сов. Украины, 1972, № 9.

Народное хозяйство стран — членов СЭВ в 1950—1970 гг. Мировая экономика и междунар. отношения, 1972, № 9.

Пугачев Б. М. Интернационализация производства и социалистическая

интеграция. Вестн. Моск. ун-та. Теория научн. коммунизма, 1972, № 3.

Управление экономикой социалистических стран. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1972. № 4.

Устименко В. Координация научно-технического развития. Пятилетние планы строительства в странах — членах СЭВ. Экономика стр-ва, 1972, № 10.

Холевицка-Гоздик К. Потребительская стоимость — функция времени. В кн. Системы управления качеством продукции. М., 1972.

Чуканов О. Программа социалистической экономической интеграции превращается в жизнь. «Коммунист», 1972, № 13.

3. Партийная жизнь

Кржижек Ю. Новая литература по истории Коммунистической партии Чехословакии. История Великой Октябрьской соц. революции, 1972, № 3.

Шлапка Г. Воплощение решений XIV съезда КПЧ в жизнь. «Коммунист Украины», 1972, № 9.

4. Государственное строительство и право

Гусак Г. Партия, государство, народ. Ответы Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Густава Гусака на вопросы редакции журнала «Проблемы мира и социализма». «Проблемы мира и социализма», Прага, 1972, № 9.

Долежал М. Чехословацкая Федерация и правовые основы взаимоотношений между чехами и словаками. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1972, № 5.

Дудоров Д. И. Отечественный фронт в системе политической организации общества Народной Республики Болгарии. Сб. учен. тр. Свердл. юрид. ин-та, 1972, вып. 20.

Куричев А. П. Совершенствование форм участия трудящихся Народной Республики Болгарии в управлении государственными предприятиями. Сб. учен. тр. Свердл. юрид. ин-та, 1972, вып. 20.

Польша. Законодательство о социальном обеспечении. Сб. тр. ЦНИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов, 1972, вып. 6.

Черкес М. Контрольна діяльність представницьких органів ПНР. Рад. право. 1972, № 10.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Аморт Ч. Интернациональная солидарность народов Чехословакии и Советской России. История Великой Октябрьской соц. революции, 1972, № 3.

Болгария. В кн. Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939. М., 1972.

Горман А. А. К. Маркс и Ф. Энгельс о польском национально-освободительном движении в 60-е гг. XIX в. (на материале переписки). В кн. Некоторые вопросы всеобщей истории и методики ее преподавания. Днепропетровск, 1972.

Костова Э. Исследование истории Великой Октябрьской революции в работах, опубликованных в Болгарии в 1971 г. История Великой Октябрьской соц. революции, 1972, № 3.

Кропцлак М. Документальные публикации по проблемам новейшей истории Чехословакии. История Великой Октябрьской соц. революции, 1972, № 3.

Кузьмин М. Н. Г. Димитров и французская Коммунистическая партия в середине 30-х годов. Вестн. Ленингр. ун-та, 1972, № 14. История, яз., лит., вып. 3.

Медоварова Т. Г. Укрепление рабоче-крестьянского союза в ходе освободительной борьбы польского народа с фашистскими оккупантами. В кн. Не-

которые вопросы всеобщей истории и методики ее преподавания. Днепропетровск, 1972.

Мишкинис А.-П. Н. Правовое и фактическое положение «национальных меньшинств» в Вильнюсском крае в период управления буржуазно-помещичьей Польши. В кн. Buržuazines valstybines teisines koncepcijos, Ju taikymas lietuvoje ir kritika. Vilnius, 1972.

Польша. В кн. Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939. М., 1972.

Собчак Я. Работы польских ученых по истории Октябрьской революции (1970—1972 гг.). История Октябрьской соц. революции, 1972.

Чехословакия. В кн. Солидарность народов с Испанской республикой. 1936—1939. М., 1972.

Чубинский А. Интернациональная солидарность народов Польши и Советского Союза. История Великой Октябрьской соц. революции, 1972, № 3.

Шамилis В. И. К вопросу о положении крестьян в феодальной Польше. В кн. История и культура славянских стран. Л., 1972.

Штельцл И., Малнна Я. Петроархеология в Чехословакии. Сов. археология, 1972, № 4.

Югославия. В кн. Солидарность народов

с Испанской республикой. 1936—1939. М., 1972.

Яблоньский Г. «Великий Пролетариат» и традиции польских коммунистов. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1972, № 9.

2. Культура и наука

Андрич И. Знаки вдоль дороги. Иностр. лит., 1972, № 10.

Британишский В. Классик неклассического века (Поэзия Леопольда Стаффа). Вопр. лит., 1972, № 9.

Булатова Р. В. О надстрочных значках и акцентных системах трех книг Мардария — сербского печатника середины XVI в. В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Бутрымович М. И. Проблема систематического обучения взрослых в Польше (1918—1939). В кн.: Проблемы обучения и воспитания в зарубежных странах. М., 1972.

Дамянович П. Об изучении Октябрьской революции и произведений В. И. Ленина в Югославии (Информация о работах, вышедших после 50-летия революции). История Великой Октябрьской соц. революции, 1972, № 3.

Ермилов А. П. Сотрудничество советских и польских философов. Вопр. философии, 1972, № 10.

Жуковская Л. П. Сербские пергаменные евангелия апракос в книгохранилищах СССР и их связи с инославянскими рукописями. В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Ковалева В. М. Проблемы гражданского воспитания в союзе польских харцеров. В кн. Проблемы обучения и воспитания в зарубежных странах. М., 1972.

Кравцов Н. И. Песни жнецов в болгарском народном творчестве XIX в. В кн. Н. И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М., 1972.

Кравцов Н. И. Болгарские народные пословицы. В кн. Н. И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М., 1972.

Кравцов Н. И. Романтизм в славянских литературах и фольклор. В кн. Н. И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М., 1972.

Кравцов Н. И. Фольклор и мифология. В кн. Н. И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М., 1972.

Кравцов Н. И. Сербский эпос и история. В кн. Н. И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М., 1972.

Кравцов Н. И. Изучение славянского фольклора. В кн. Н. И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М., 1972.

Кравцов Н. И. Славянская народная баллада. В кн. Н. И. Кравцов. Проблемы славянского фольклора. М., 1972.

Кравченко В. В. Наукова конференция, присвячена 90-річчю від дня народження Георгія Димитрова (Київ, 7 июня 1972 г.). Укр. іст. журн. 1972, № 9.

Кулинич І. М. Культурне співробітництво Радянської України з НДР, УНР, СРР. Укр. іст. журн., 1972, № 19.

Кухарська Е. Польский исторический роман в России 40-х годов XIX века. В кн. Проблемы русской и зарубежной литературы. Волгоград, 1971.

Мянкина Е. С. Книга в Верхнесилезском промышленном округе. Информация о библи. деле и библиогр. за рубежом, 1972, вып. 6.

Орловский Ян. Поэзия Н. А. Некрасова в Польше. Рус. лит., 1972, № 3.

Павловская И. И. Международный год книги в социалистических странах Европы. Информация о библи. деле и библиогр. за рубежом, 1972, вып. 6.

Полотовская И. Л. Текущая дискография в социалистических странах. Информация о библи. деле и библиогр. за рубежом, 1972, вып. 6.

Попов В. И. Художественная литература в краеведческой библиографии народной Польши. В кн. Проблемы русской и зарубежной литературы. Волгоград, 1971.

Потапенко Е. К. Помощь славянских комитетов России в 60—70-х гг. XIX в. в создании болгарской национальной школы. В кн. Проблемы обучения и воспитания в зарубежных странах. М., 1972.

Протопопов В. О сонатно-циклической форме в произведениях Шопена. В кн. Вопросы музыкальной формы. Вып. 2. М., 1972.

Пучкова Г. А. Аркадий Гайдар в Болгарии (постановка вопроса). Уч. зап. Горьк. пед. ин-та, 1972, вып. 134.

Савова Е. Координация между универсальными и специальными научными библиотеками и звеньями единой национальной системы информации в Народной Республике Болгарии. В кн. Работа специальных библиотек. М., 1972.

СССР — Польша. Проблемы художественного проектирования. «Декоративное искусство СССР», 1972, № 8.

Урзова Л. Консолидация сил польских художников-реалистов. «Искусство», 1972, № 10.

Участие Академии наук СССР в научном сотрудничестве стран — членов СЭВ. Вестн. АН СССР, 1972, № 9.

Юрьева И. А. Библиотеки Хорватии. Информация о библи. деле и библиогр. за рубежом, 1972, вып. 6.

3. Языкознание

Барсукова В. В. Краткий обзор двуязычных сербохорватско-русских и русско-сербохорватских словарей (за сто лет). В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Богородский Б. Л. Уникальный источник профессиональной лексики моряков России и Далмации конца XVII в. В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (слав. *koristь*, слав. (s) *krega*, русск. диал. *намокнуть* 'приучиться'), русск. *дроль*, русск. *начить*). В кн. Этимология. 1970. М., 1972.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах. В кн. Этимология. 1970. М., 1972.

Гудков В. П. Из истории сербской лексикографии. (Венский словарь 1791 г.). В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Гюлумянц К. М. К вопросу о переводе польских фразеологизмов на русский язык. Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология. Минск, 1972, № 2.

Дмитриев П. А. К вопросу о вариативности присустановочно-относительных придаточных в сербохорватском языке. В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Дьипровський О. О. Ономастика на VI Міжнародному з'їзді славістів. Повідомл. Укр. ономастичної комісії. АН УРСР, 1972, вип. 9.

Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянские языки. В кн. Этимология. 1970. М., 1972.

Дыбо В. А. Реконструкция ударения i-причастия от глаголов на *-ng* и *-i* в праславянские (Южнославянские и восточнославянские акцентные системы). В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Железняк Н. М. К семантической интерпретации антропонимических композитов со вторым компонентом *mysi* в сербохорватском языке. В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Зайцева С. В. Сербскохорватская диалектология. (Обзор работ югославских лингвистов за 1956—1967 гг.). В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Інформація про роботу міжнародної конференції з питань загальнослов'янського ономастичного атласу (Вроцлав, 1—3 червня 1970 р.). Повідомл. Укр. ономастичної комісії. АН УРСР, 1972, вип. 9.

Клиmesh Л. Новый словарь чешского литературного языка. Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1972, № 5.

Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи. В кн. Этимология. 1970. М., 1972.

Стоянов Л. Митець і час. Розмова української славістки Вікторії Захаржевської з болгарським письменником академіком Людмилом Стояновим. «Всесвіт», Київ, 1972, № 9.

Можалева И. Е. Русское и советское славяноведение о сербохорватском языке (Обзор работ, вышедших в период

1835—1969 гг.). В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Мокренко В. М. Сербохорватские *пониква*, *слатина* и некоторые проблемы изучения славянской географической терминологии. В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Московлевич М. Говор острова Вис. В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Мошинский Л. О времени монофонгизации праславянских дифтонгов. Вопр. языкознания. 1972, № 4.

Неспокупный А. П. К составу и географии литовских и белорусско-славянских соотвествий (параллелей) прусским префиксальным образованиям.

Петлева И. П. Этимологические заметки (руск. *выбать*, с.-хорв. *viavati se* и др.). В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Римут К. Основні напрямки дослідження в сучасній польській ономастиці. Повідомл. Укр. ономастичної комісії АН УРСР, 1972, вип. 9.

Семчинський С. В. Румунсько-слов'янська семантична інтерференція. «Мовознавство», Київ, 1972, № 4.

Сокаль Н. И. Безличные инфинитивные предложения в современном сербохорватском языке. В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Толстая С. М. Начальные и конечные сочетания согласных в сербохорватском языке. В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. В кн. Этимология. 1970. М., 1972.

Филип Ф. П. К проблеме происхождения славянских языков. Вопр. языкознания, 1972, № 5.

Хэмп Э. Miscellanea. Этимология, 1970. М., 1972.

Цветкова Н. Н. К вопросу о кашубах. В кн. История и культура славянских стран. Л., 1972.

Цейтлин Р. М. Из наблюдений над лексикой Вуканова евангелия. (Сравнительно со старославянскими памятниками.) В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Цилуйко К. К. Міжнародна ономастична комісія. Повідомл. Укр. ономастичної комісії. АН УРСР, 1972, вип. 9.

Цыганова К. Л. Присоединение неполных двусоставных предложений в современном сербохорватском языке. Вестн. Ленингр. ун-та, 1972, № 14. История, яз., лит., вып. 3.

Чабаненко В. А. Західнослов'янські в ролі експресивних засобів української мови. «Мовознавство», Київ, 1972, № 4.

Шустер-Шевц Х. Сербско-лужицкое этимологии. В кн. Этимология. 1970. М., 1972.

Эккерт Р. Возможные отражения древнего корня *ouzd- (ср. лит. *austi* 'ткать') в праславянском языке. В кн. Этимология. 1970. М., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1922, № 4

Е. Г. Емануилов. Участие коммунистов в правительстве Франции; Б. А. Цвевкова. Изменение положения населения в балканских странах (с конца XVI до середины XVIII в.); Л. Берова. Социальная основа режима БЗНС в период 1918—1923 гг.; Х. Дерменджиев. Болгарский герб в период Средневековья и Возрождения.

«Kwartalnik Historyczny», 1972, № 4

Польша времен Коперника; В. Б. Вилимбахов. Структура древнерусской культуры X—XII вв.; П. Лоссовский. Влияние французской культуры в Балтийских странах (1919—1940).

«Przegląd Historyczny», 1972, № 3

Э. Ростворовский. Захват Силезии Пруссией и новый раздел Польши; М. Х. Серейский. Падение Польши и идея национального Возрождения в польской историографии конца XIX в.; Е. Михальский. Польская историография первого раздела Польши; В. Заевский. Конфискация прусской собственности в наполеоновском Гданьске; З. Ляндау. Двусекторная система экономики Польши в период между мировыми войнами и ее последствия (на примере 1930—1935 гг.).

«Československý časopis historický», 1972, № 5

В. Румл. К методологическим вопросам истории партии; М. Грох. Компаративный метод в марксистской историографии. Возможность и пределы его применения; П. Горска. Попытка использовать австрийскую статистику для изучения общественного расслоения чешских земель во 2-й половине XIX века; З. Дейл. К проблематике социального развития Чехословакии в 1918—1938 гг.; В. Краль. Историческая наука в социалистическом обществе; Ю. Кржижек. Некоторые проблемы нашей историографии (к 20-й годовщине возникновения ЧСАН).

«Historický časopis», 1972, № 3

Л. Деак. Пакт четырех великих держав — пролог к Мюнхену; А. Бартова. Словацко-польские отношения в

1919—1938 гг.; Т. Покора. К вопросу о соотношении исторической истины и вымысла на примере Записок историка С'-ма Чхена.

«Slovanský přehled», 1972, № 5

А. Делейши. Характер и перспективы первой русской революции; К. Герман. Советская Россия в чешской рабочей печати в 1918 г. (продолжение); Й. Гржибек. Создание СССР.

«Литературна мисъл», 1972, № 4

С. Королев. Пенчо Славейков; М. Храпченко. О некоторых основных направлениях литературоведческих исследований; Л. Бумбалов. Художественная функция и особенности внутреннего монолога в тетралогии Димитра Талева; В. Николава. Исповедь (штрихи к портрету Николая Хремсова); Р. Димчева. Начало мемуарной прозы в литературе болгарского Возрождения; И. Попиванов. Литературный жанр и литературная классификация; Д. Бромович. Иван Вазов в Польше; Б. С. Ангелов. Григорий Цамблек — автор богослужения в честь Иоанна Новосучавского; Н. Дончев. Святослав Минков и финляндский писатель Ханс Руин; А. Илизев. По поводу поэзии Атанаса Далчева.

«Zeitschrift für Slawistik», 1972, № 3

Х. Шмидт, Г. Дудек. К синтезу просветительских и классицистских традиций в русском и польском романтизме; К. Каспер. Романтизм и реализм в советской литературе (проза); Д. Вичев. Романтические традиции и революционная лирика в болгарской литературе XX столетия; Э. Рейснер. Жуковский и Грей; К. Глобик. Социалистический гуманизм и антифашистское движение; Э. Ковальский. Эпический мир, концепция человека и мировой истории в советской романтической эпопее; Н. Тур. Реализм и романтизм как теоретическая проблема ранней советской прозы; Р. Гебнер. Диалектика национального и интернационального как конструктивный элемент в социалистической концепции человека; В. Зелль. Национальная освободительная борьба славянских народов на рубеже XIX—XX вв. и сорбистика; Э. Виганд. «Дракон» Евгения Шварца.

«Česká literatura», 1972, № 4

Л. Штолл. Творчество Иржи Тауфера; Й. Грабак. Относительно на-

учной поэтики; О. Халoupка. К вопросу о взаимосвязи классической и «современной» сказки; Ю. Доланский. Два варианта поэмы «Забой» из Краледворской рукописи; К. Кучера. Характеристика словаря произведения А. Я. Коменского «Лабиринт мира и рай сердца»; Я. Пашиакова. Мир Я. Гашека.

«*Slavia Orientalis*», 1972, № 3

Г. Бжоза. «Противоречивое видение Федора Достоевского»; Г. Халациньска-Вертеляк. К спорам о князе Мышкине; Г. Край. Архитектоника романа Достоевского «Двойник»; А. Самчук. Достоевский и Тургенев; Л. Язукевич-Оселков-

ска. Проблема бунта в творчестве Достоевского и философских очерках Камю; Т. Позняк. О традициях Достоевского в советской прозе 20-х годов; Ф. Селицкий. Достоевский в кругу писателей довоенной Польши; И. Грек-Пабисова, И. Марьянова. О работе над словарем говора русских старообрядцев в Польше.

«*Slavica Slovaca*», 1972, № 1

Проспект Большого словацко-русского словаря; Т. ван Дейк. Некоторые вопросы порождающей поэтики; М. Майтанова. О некоторых народных названиях грибов в западнославянских языках; С. Жажа. О средствах выражения так называемой подлинной модальности.



МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛЕТНИЙ СЕМИНАР ПО МАКЕДОНСКОМУ ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ В СКОПЛЕ И ОХРИДЕ

С 14 по 30 августа 1972 г. Философский факультет Университета им. Кирилла и Мефодия в г. Скопле (СР Македония, СФРЮ) в пятый раз проводил семинар по македонскому языку, литературе и культуре. В работе семинара участвовали слависты — преподаватели вузов, научные работники писатели, переводчики, студенты из Австрии, Англии, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Италии, Канады, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, США, Финляндии, Франции, ФРГ, ЧССР, Швеции, Югославии, Японии, всего 124 человека. Семинаром руководил проф. Б. Видоески.

Деятельность семинара состояла из практических занятий по македонскому языку, курса лекций по языкознанию, литературе, истории македонского народа, экскурсий.

Практические занятия по македонскому литературному языку, которые вели опытные преподаватели проф. Р. Угринова-Скаловска, А. Джукески, К. Конески, доц. Р. Паноска, ст. научн. сотр. Б. Корубин, М. Конеска, асс. Л. Минова-Гюркова, проходили ежедневно. Слушатели курса для начинающих имели учебное пособие, которое подготовили Р. Паноска и А. Джукески, слушатели среднего курса — учебник, автором которого является К. Конески. Хрестоматию для курса совершенствующихся в македонском литературном языке составил Б. Корубин.

Каждый день читались лекции по лингвистике, литературе, истории македонского народа и др. Цикл языковедческих лекций открыл акад. Б. Конески, рассказавший о факторе традиции в истории македонского литературного языка. Были прочитаны лекции: проф. Б. Видоески — «Состояние и проблемы македонской лингвистики», проф. Р. Угринова-Скаловска — «Языковые особенности литературных памятников Охридской школы», Б. Корубин — «Языковые вопросы в Македонии во второй половине XIX века», проф. Б. Видоески — «Диалектное членение македонского языка», д-р П. Илиевски — «Грамматическое удвоение в македонском языке», д-р О. Яшар-Настева — «Морфологическая адаптация лексических заимствований в македонском языке», Т. Димитровски — «К гипотезе

Миклошича о происхождении старославянских существительных, образованных от глаголов совершенного вида»; Т. Статоски — «Обогащение литературной лексики македонского языка (с учетом ономастической лексики)», д-р Р. Паноска — «Элементы народно-разговорной речи в языке некоторых современных македонских писателей».

По литературе были прочитаны лекции: акад. Х. Поленакович — «Братья Миладиновы — герои Возрождения Македонии»; д-р М. Гюрчинов — «Эволюция литературно-критического подхода к современной македонской литературе»; д-р К. Пенушлиски — «Фольклор и македонская литература»; д-р Г. Ставлев — «Элементы македонского фольклора, транспонированные в новые идеи, образы и картины в македонской современной литературе»; д-р Д. Тодоровски — «Пырличев, Негош и Мажураич (опыт сравнения)», д-р А. Спасов — «О сюрреализме в послевоенной македонской поэзии», д-р Т. Саздов — «Македонские народные легенды и предания».

Вопросам македонской истории, искусства, археологии, архитектуры, этнологии, географии и музыки были посвящены лекции: д-р П. Кироски — «Население Македонии и его расселение»; д-р И. Микюльич — «Античные культуры в Македонии»; К. Томовски — «Народная архитектура в Македонии»; д-р Б. Панов — «Этногенез македонского народа»; д-р Г. Пааликрушева — «Этнические группы в Македонии»; Д. Ортаков — «Творчество младшего поколения македонских композиторов»; д-р Д. Коцо — «Средневековое искусство Македонии и храм св. Софии в Охриде». Ректор университета им. Кирилла и Мефодия д-р С. Габер выступил перед участниками семинара с лекцией «СР Македония и СФРЮ».

Каждый из участников семинара получил диплом-свидетельство, ценные книги, памятные подарки.

Дружеская атмосфера, царившая на семинаре, четкая организация насыщенной программы учебных и научных занятий и экскурсий способствовали успешному проведению семинара.

Э. Григорян

МАРИАН ЖИХОВСКИЙ

31 октября 1972 г. скончался профессор Варшавского университета Мариан Жиховский.

Воспитанник Института общественных наук при ЦК ПОРП, М. Жиховский дебютировал в 1956 г. монографией «1846 год в Краковской республике и Галиции». Уже сама постановка задачи — охватить весь сложный комплекс проблем национально-освободительного и антифеодального движения — выгодно выделяла книгу Жиховского на фоне научной литературы тех лет. В этом труде нашли выражение характерные для Жиховского как исследователя черты — вкус к архивному поиску, к работе над первоисточником, к анализу такого сложного вида источников, каким является публицистика.

Эти стороны исследовательского таланта М. Жиховского раскрылись с особенной полнотой, когда он обратился к биографистике. Это перу принадлежат две большие работы этого жанра — «Людвик Мерославский» (1963) и «Болеслав Лимаковский» (1971). Характерен выбор этих персоналий — видных деятелей польского общественного движения и вместе с тем сложных, противоречивых личностей, оценка исторической роли которых не может быть однозначной. Может быть, именно эта сложность и привлекала Жиховского. В рецензиях на его «Мерославского» можно встретить мнение, что автор в какой-то мере поддался обаянию своего героя, что его оценка Мерославского подчас недостаточно критична. Упрек, вероятно, обоснован, но читателям, пожалуй, не так уж трудно внести необходимые коррективы в оценку тех или иных действий Мерославского, так как автор вооружил нас всем тщательно собранным и объективно изложенным фактическим материалом, а известная увлеченность автора темой и самим незаурядным историческим деятелем составляет, на наш взгляд, привлекатель-

ную черту этой книги, и самой исследовательской манеры М. Жиховского. Вероятно, еще в большей мере это можно сказать о последней крупной работе Жиховского. Здесь не место для подробного анализа этого труда, но нельзя не отметить, что нигде ранее не был с такой полнотой нарисован заключительный этап долгого жизненного пути нестора польского социалистического движения, не была показана борьба Лимаковского против нарушений демократии, против социального и национального гнета в буржуазной Польше.

Профессор Жиховский не был кабинетным ученым. Большое место в его жизни занимала преподавательская деятельность, он был инициатором ряда научно-организационных начинаний: был первым директором Института политических наук в системе Варшавского университета, основателем и руководителем ячеек по истории церкви и вероисповедных отношений в Высшей школе общественных наук при ЦК ПОРП. Совместно с проф. Станиславом Арнольдом он написал предназначенный для иностранцев краткий очерк истории Польши, выдержавший уже несколько изданий на разных языках.

М. Жиховский был одним из первых зарубежных авторов нашего журнала. В 1966 г. «Советское славяноведение» опубликовало его статью «Тысячелетие Польши».

Трудно представить себе, что уже нет этого активного, деятельного ученого, скромного и общительного человека. Ведь ему было всего 50 лет. В последний раз я встречался с Марианом Жиховским всего два года назад. Он только что сдал в печать книгу о Лимаковском, был полон творческих планов, энергии... Таким он и останется в моей памяти.

И. Миллер

CONTENTS

- T. A. Pokivailova, R. S. Sharvatova.* Certain features of socialist transformations in the European socialist countries (on the experience of Czechoslovakia, Hungary and Rumania). *M. A. Muntian.* On the problem of Bulgaria's admission to the UN. *Antoni Czubiński* (Poland). The Leipzig process and the public opinion of Poland. *I. I. Leshchilovskaya.* Ludevít Gaj. *T. S. Kar-skaya.* N. S. Leskov and Božena Němcová (the writer's creative contacts). *D. S. Prokofieva.* Józef Korzeniewski's correspondence with the publisher (1840—1860). *T. B. Menskaya.* About one type of morphological borrowing: the Bulgarian suffixes *-oc-, -ac-, -uc-* и *-(duc/muc)* **3**

MONUMENTS OF SLAV CULTURE

- V. G. Putsko.* A monument of Old Serbian painting in the Moscow Kremlin . . . **68**

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- F. Firsov.* P. A. Ермолаева, А. Я. Манусевич. Ленин и польское рабочее движение. *S. I. Sidelnikov.* A study in the history of the Bulgarian national liberation movement in the 19-th century. *Kancho Georgiev* (Bulgaria). Веселин Трайков. Раковски и балканските народи. *V. Palyok, I. Pop.* A book about Yu. I. Venelin. *Z. Czernitowski.* J. Bardach. *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVIII w.* *O. R. Lapatukhina.* Books on Rejmont. *M. Ya. Goldberg.* New materials on Vuk Karadžić. *L. S. Kishkin.* A new edition of M. Aleš's «Spaliček». *A. V. Lipatov.* Novel in Young Poland in terms of historical poetics. *Jan Orłowski* (Poland). A Polish anthology of Old Russian literature. *A. A. Alekseev, N. A. Meshchersky.* A new study of the Cyrillo-Methodian problem **73**

B i b l i o g r a p h y

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1972. The contents of foreign periodicals **103**

SCIENTIFIC LIFE

- E. Grigorian.* An international summer seminar on the Macedonian language, literature and culture in Skopje and Ohrid **110**
I. Miller. Marian Zychowski **111**

Технический редактор **Т. Н. Сенченко**

Сдано в набор 11/ХІІ-1972 г. Т-01244 Подписано к печати 20/ІІ-1973 г. Тираж 1200 экз.
 Зак. 1488 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 9,8+1 вкл. Бум. л. 3^{1/2} Уч.-изд. л. 10,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891